

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Русия Натэлла Тенгизовна

**ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ:
ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ**

Специальность 5.5.2 Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель
Морозова Елена Васильевна,
доктор философских наук, профессор

Краснодар
2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1 Теоретико-методологические аспекты исследования политики идентичности в политической науке	26
1.1 Локальная идентичность в категориальном аппарате социальных и гуманитарных наук.....	26
1.2 Политика идентичности: основные исследовательские подходы..	44
2 Институциональные и процессуальные основы политики идентичности на локальном уровне.....	64
2.1 Субъекты формирования локальной идентичности и их ресурсный потенциал	64
2.2 Технологии политики идентичности на локальном уровне: вариативность локальных практик.....	86
3 Политика идентичности как ресурс развития территории (на примере Краснодарского края).....	111
3.1 Социально-экономический, политический и социокультурный контекст политики идентичности в Краснодарском крае	111
3.2 Модели политики идентичности в муниципальных образованиях Краснодарского края	131
Заключение.....	152
Список использованных источников.....	159
Приложение А Ресурсы для субъектов политики идентичности (визуализация на материалах экспертного опроса).....	192
Приложение Б Вопросник экспертного опроса по характеристике субъектов политики идентичности.....	193
Приложение В Сценарий фокус-групповой дискуссии.....	199
Приложение Г Вопросник экспертного опроса по формированию гражданской солидарности.....	202
Приложение Д Анкета онлайн-опроса.....	205

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Современные вызовы, перед которыми оказывается Россия, в виде санкционного давления западных стран, демографического кризиса, потери интеллектуальных ресурсов вследствие оттока населения за пределы страны, турбулентности глобальных политических процессов, актуализируют необходимость поиска внутренних ресурсов для повышения благосостояния населения и консолидации российского общества.

В условиях современных политических и общественных трансформаций все более необходимым для многих людей становится поиск понятной системы координат и значимого набора ориентиров. Локальная идентичность как чувство сопричастности человека с местом его проживания способна формировать субъектность местных сообществ, которые включаются в решение задач по развитию территории. Процесс самоидентификации личности на локальном уровне имеет ключевое значение в контексте формирования мотивации к решению общественно значимых проблем территории и определения ориентиров развития локального сообщества.

Неоднородность политического пространства России определяется интенсификацией современных процессов глокализации и регионализации, что было продемонстрировано через опыт передачи полномочий федерального центра регионам¹ в пандемию коронавируса COVID-19 и актуализации практик гражданских инициатив на местах с началом специальной военной операции в Украине².

Интеграция всех уровней публичной власти в реализацию национальных проектов и иных форм институциональной поддержки

¹ В Кремле изучат опыт передачи губернаторам части полномочий в период пандемии // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/opyt-peredachi-gubernatoram-chasti-polnomochiy-v-period-pandemii-izuchat-v-kremle.html> (дата обращения: 15.03.2023).

² Надежный тыл и доброе слово. Как волонтеры со всей страны помогают участникам СВО // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17122401> (дата обращения: 15.03.2023).

(механизм инициативного бюджетирования, грантовая поддержка социально значимых проектов) создает и стимулирует атмосферу конкуренции на локальном уровне, что вынуждает политико-административные элиты местного уровня решать задачи позиционирования своей территории и конструирования её позитивного образа для внешней и внутренней аудитории. Данные условия способствуют появлению политических субъектов на локальном уровне, которые обладают достаточным набором материально-финансовых, организационно-управленческих и символических ресурсов и интегрируются в деятельность по конструированию идентичности жителей. Наличие и поддержание позитивного чувства личной принадлежности жителей конкретной территории в практике конструирования локальной уникальности становится приоритетной задачей в политике местных властей и инструментом, усиливающим потенциал коллективного действия.

В силу регионального разнообразия практики формирования локальной идентичности значительно отличаются. Краснодарскому краю свойственна высокая степень неоднородности, здесь разносторонне проявляются процессы, характерные для локального уровня, что определило выбор региона в качестве объекта кейс-стади. В каждой из экономических зон региона, сочетающего традиционализм и инновационность, сложился уникальный комплекс факторов, влияющих на формирование локальной идентичности. Значимым подкреплением идентичности городских и сельских территорий в регионе являются его культурная самобытность, экономическая автономия, включенность в международные проекты и высокий уровень миграционной нагрузки, которые актуализируют усиление межкультурного взаимодействия на локальном уровне. Тематика политики идентичности сельских территорий в отечественном политологическом дискурсе остается своего рода лакуной, что обнажает дефицит представлений о структуре локальной идентичности в контексте исследования села.

Соответственно большой и недооцененный потенциал существует в поле исследования локальной идентичности, ее структуры, а также проводимой политики идентичности с политико-управленческой точки зрения. Без комплексного представления о сущностных компонентах идентификационных процессов на местном уровне невозможно грамотно осуществлять стратегическое планирование развития территорий всех уровней и видеть ресурсы этого развития.

Степень научной разработанности научной проблемы.

Исследования идентичности с конструктивистских позиций представлены фундаментальными трудами социологов, антропологов и политологов второй половины XX – начала XXI века: З. Баумана, Р. Брубейкера, М. Кастельса, Ф. Купера, Дж. Тернера, Г. Тэджфела, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона³.

Несмотря на отсутствие концептуализации категории «идентичность» в отечественных исследованиях, интерес к данной проблематике прослеживается с 1980-х гг. Исследования Г.Г. Дилигенского значительно продвинули исследования субъективных факторов социально-политических процессов в России в целом и теоретические основания российской идентичности в частности⁴. В начале 1990-х под руководством В.А. Ядова был проведен ряд исследований в рамках проекта «Социальная идентификация личности», в которых удалось систематизировать представления о содержании, структуре и динамике групп, формирующих новые идентичности⁵.

³ Bauman Z. Migration and Identities in the Globalized World // *Philosophy & Social Criticism*. 2011. Vol. 37, № 4. P. 425–435; Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–94; Castells, M. *The Power of Identity*. Malden, Mass.: Blackwell Pub., 1996; Turner J. C. *Social Comparison and Social Identity: Some Prospects for Intergroup Behaviour* // *European Journal of Social Psychology*. 1975. 5. 5–34; Tajfel H., Turner J. C. *An Integrative Theory of Inter-group Conflict* / W. G. Austin, S. Worchel (Eds) *The Social Psychology of Inter-group Relations* (pp. 33–47). Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979; Фукуяма Ф. *Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия*. М.: Альпина Паблишер, 2019; Хантингтон С. *Кто мы: Вызовы американской национальной идентичности*. М.: АСТ, 2018.

⁴ Дилигенский Г.Г. *В поисках смысла и цели*. М.: Издательство политической литературы, 1986; Дилигенский Г.Г. *Политическая институционализация в России: социально-культурные и психологические аспекты* // *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. № 8. С. 5–16.

⁵ Ядов В.А. *Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности* // *Мир России. Социология. Этнология*. 1995. № 3–4. С. 158–181.

Внимание к вопросу сущностных характеристик территориальной идентичности в научном поле отечественных исследователей сформировалось относительно недавно – в период постсоветской трансформации актуализировались процессы регионального самоопределения, что вызвало волну исследовательского интереса к политической регионалистике (В.А. Ачкасов, А.В. Баранов, П.В. Панов, В.А. Тишков, Р.Ф. Туровский⁶). Теоретическое содержание и методология изучения территориальной идентичности, а также особенности её интеграции в общенациональный контекст отражены в работах А.А. Алаудинова, Д.С. Докучаева, Е.В. Головнёвой, Л.М. Дробижевой, З.А. Жаде, Д.Н. Замятина, Ю.Л. Качанова, Р.Д. Хунагова, А.В. Шишигина, Н.А. Шматко⁷. Интенсивные идентификационные процессы активизировали научный поиск оснований преодоления дезинтеграционных процессов и укрепления межнационального единства в условиях социально-политических преобразований и дали мощный толчок для осмысления региональной идентичности в Ростовской области (Ю.Г. Волков, Г.С. Денисова, А.В. Дмитриев, Л.В. Клименко, В.И. Курбатов⁸), Пермском крае

⁶ Ачкасов В.А. Этническая и региональная идентичность в российском поле политики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. Т. 1, № 1. С. 68–82; Баранов А.В. Тенденции развития российской политической регионалистики как научного направления в 2010-х гг. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 2. С. 154–166; Панов П.В. Многоликий регионализм // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 1. С. 102–115; Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2023; Туровский Р.Ф. О состоянии и перспективах политической регионалистики // Политическая наука. 2011. № 4. С. 10–30.

⁷ Алаудинов А.А. Региональная идентичность: понятие, содержание и структура // Перспективы науки. 2014. № 9. С. 134–137; Докучаев Д.С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции // Философия и культура. 2012. № 12. С. 15–22; Головнева Е.В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения // Уральский исторический вестник. 2013. № 2. С. 81–88; Дробижева Л.М. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие: теоретические и социально-практические проблемы // Власть. 2014. № 11. С. 12–16; Хунагов Р.Д., Жаде З.А. Взаимодействие национально-гражданской, региональной и этнической идентичностей в Республике Адыгея: экспертное мнение // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 4. С. 188–195; Замятин Д.Н. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы // Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, 2011. С. 186–203; Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–98; Шишигин А.В. Территориальные идентичности в XXI веке: состояние и перспективы развития // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1–1. С. 210–213.

⁸ Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Региональная идентичность Юга России в формате маркеров различных уровней // Социология. 2023. № 5. С. 98–105; Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. М.: Альфа-М, 2010. Денисова Г.С., Л.В. Клименко

(Т.Б. Витковская, М.В. Назукина, Л.А. Фадеева⁹), Республике Татарстан (Г.И. Макарова, Л.В. Сагитова¹⁰), Республике Адыгея (Б.З. Гвашева, З.А. Жаде, Н.А. Ильинова, И.В. Киреева, Е.С. Куква, С.А. Ляшова, А.Н. Соколова, Л.А. Шадже¹¹), Краснодарском крае (И.С. Башмаков, О.А. Бориско, С.А. Миронцева, И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова¹²) и других регионах России. Отдельным направлением исследований, отраженным в работах В.А. Ачкасова, А.Я. Зариповой, Г.И. Макаровой, А.В. Псянчина, Э.В. Миграновой, М. В. Назукиной¹³ является определение этнической и религиозной компоненты в идентификационной матрице жителей России, которая становится важнейшим основанием

Особенности региональной идентичности населения Юга России // Социологические исследования. 2013. № 7(351). С. 25–34.

⁹ Назукина М.В. Политика идентичности в Пермской области (1990-е – начало 2000-х гг.) // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. № 5. С. 38–45; Витковская Т.Б., Назукина М.В. Промышленные города Урала: специфика локальной идентичности и политических практик // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 3. С. 148–165; Назукина М.В. Между Уралом и Поволжьем: поиски пермской идентичности. Пермь: Гармония, 2018; Фадеева Л.А. Борьба за конструирование региональной идентичности: пермский случай // Вестник Пермского университета. Политология. 2011. № 2(14). С. 43–51; Fadeeva L.A. Identity Politics and Interaction between Authorities and Society: Perm Case // Bulletin of Perm University. Political Science. 2011. P. 121–123.

¹⁰ Макарова Г.И. Этническая и российская идентичность в Республике Татарстан в контексте изменений этнокультурной политики: дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2012. Сагитова Л.В. Политика идентичности и ее акторы в условиях социальной трансформации в Республике Татарстан: дис. ... д-ра полит. наук. Калининград, 2019; Сагитова Л.В. Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2018.

¹¹ Жаде З.А. Политика идентичности в региональном измерении: кейс Республики Адыгея // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 8(109). С. 13–18; Жаде З.А., Гвашева Б.З., Шадже Л.А. Многоуровневая идентичность в оценках научного сообщества Адыгеи // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 4. С. 157–165; Ильинова Н.А., Киреева И.В., Куква Е.С., Шадже А.Ю. Региональная политика идентичности: оценки и переосмысление // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 173–176; Киреева И.В., Куква Е.С., Ляшова С.А. Региональная политика идентичности в Республике Адыгея и Краснодарском крае (по материалам исследования методом фокус-группы) // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 1. С. 189–201.

¹² Башмаков И.С. Региональная идентичность в политической жизни Краснодарского края: ход формирования посредством символической политики власти // Теория и практика общественного развития. 2012. №1. С. 141–144; Бориско О.А., Миронцева С.А. Факторы, субъекты и механизмы формирования региональной идентичности молодежи в представлениях студентов и школьников Краснодарского края // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 19–23; Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семенов И.С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56–77.

¹³ Ачкасов В.А. Этническая и региональная идентичность в российском поле политики Ачкасов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2005. Т. 1, № 1. С. 68–82; Макарова Г.И. Этническая и российская идентичность в Республике Татарстан в контексте изменений этнокультурной политики: дис. ... д-ра соц. н. Саранск, 2012; Псянчин А.В., Мигранова Э.В., Зарипов А.Я. К вопросу об этнической и общероссийской идентичности в Республиках Башкортостан и Татарстан // Вестник КИГИ РАН. 2021. № 4; Назукина, М.В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // Регионология. 2018. Т. 26, № 4(105). С. 698–717.

конструирования политического пространства регионов и локальных территорий.

Научное осмысление пространственной дифференциации идентификационной матрицы и её структурных элементов представлено в работах Л.М. Дробижевой, Е.О. Евсеенковой, И.В. Задорина, П.М. Козыревой, М.В. Назукиной, О.Б. Подвинцева¹⁴. Исследование территориальной идентичности осуществляется в различных дисциплинарных областях: экономике (С.С. Галазова¹⁵), социологии (Е.В. Еремина, К.В. Киселев, С.Г. Корепанов, А.Ю. Щербаков¹⁶), культурологии (И.В. Малыгина, В.Н. Стрелецкий¹⁷), управлении (К.Е. Тумакова¹⁸), градостроительстве (М.Е. Монастырская)¹⁹.

В последние два десятилетия внимание ученых все чаще привлекает исследование идентификационных процессов низового (локального) уровня. Большой вклад в осмысление локального измерения идентичности внесли Р.В. Евстифеев, Е.В. Морозова, М.В. Назукина, П.В. Панов, К.А. Сулимов, Е.В. Улько²⁰. Внимание многих исследователей местных сообществ

¹⁴ Дробижева Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 3(15). С. 6–21; Евсеенкова Е.О. Модальность городской идентичности // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2014. № 5. С. 80–86; Задорин И.В. Новые мировые расколы и войны за идентичность // Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы: опыт социологического измерения. М.: Весь Мир, 2022; Козырева П.М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании // Социологические исследования. 2008. № 8(292). С. 29–39; Назукина М.В., Подвинцев О.Б. Российская Федерация как система и иерархия идентичностей // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2013. № 4. С. 45–51.

¹⁵ Галазова С.С. Региональная идентичность экономического пространства // Экономические науки. 2014. № 115. С. 64–69.

¹⁶ Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2011. № 3(76); Киселев К.В., Щербаков А.Ю. Региональная идентичность в социологическом измерении: челябинский случай // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13, № 4. С. 107–118; Корепанов Г.С. Региональная идентичность в дискурсе социологии регионального развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2009. № 4. С. 56–65.

¹⁷ Малыгина И.В. Региональное измерение российской идентичности: между культурой и экономикой // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 42. С. 110–117; Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 9–21.

¹⁸ Тумакова К.Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // Власть. 2010. № 3. С. 70–73.

¹⁹ Монастырская М.Е. Региональная идентичность градостроительной деятельности: постановка проблемы и этимология понятия // Вестник гражданских инженеров. 2015. № 3(50). С. 34–40.

²⁰ Евстифеев Р.В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики // Философские науки. 2016. № 1. С. 88–95; Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2008. Т. 4, № 4. С. 139–151; Назукина М.В.,

сфокусировано на маркерах (объективированных выражениях местной уникальности), актуализирующих локальную идентичность на городских²¹ и сельских²² территориях.

Разработка теоретических подходов к исследованию политики идентичности в социальных науках определяется стремительными социально-политическими изменениями современного мира и стремлением научного сообщества осмыслить политические последствия происходящих трансформаций. Первой в отечественной науке концептуализацией категории «политика идентичности» начала заниматься И.С. Семененко²³. Также в данном научном поле активно работают В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, В.А. Ачкасов, В.А. Васильченко, О.В. Попова, Л.А. Фадеева, Е.Ю. Цумарова²⁴.

Предметом ряда исследований политики идентичности стали её основные компоненты – политика памяти (Д.А. Аникин, В.А. Ачкасов, Д.Г. Горин, Е.Г. Грибовод, Г.Д. Ефременко, А.И. Миллер, Д.М. Ковба, Я.Ю. Моисеенко, В.В. Титов²⁵) и символическая политика (А.В. Бабайцев,

Панов П.В., Сулимов К.А. Конструирование локальной политической самости на местном уровне // Вестн. Пермского ун-та. 2007. № 2. С. 19–36.

²¹ Истомин А.Г., Лебедев С.Д. Локальная идентичность жителей города Белгорода (по материалам качественного исследования) // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2015. Т. 1, № 2. С. 13–21; Назукина М.В. Локальная идентичность как ресурс развития моногородов: постановка проблемы // Современный город: власть, управление, экономика. 2015. Т. 1. С. 244–251; Плотникова М.М. Локальная и региональная идентичность сибирских городов в XXI в. // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 5. С. 245–252; Савоскул С.С. Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов Центральной России) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 83–99.

²² Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семененко И.С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56–77.

²³ Семененко И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 8–28.

²⁴ Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Васильченко В.А. Политика идентичности в современной России: конструкция и деконструкция (экспертное мнение) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 3(91). С. 23–32; Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 4. С. 71–77; Попова О.В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 4. С. 74–91; Фадеева Л.А. Секьюритизация политики памяти и идентичности в арсенале политиков и аналитиков // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 6(116). С. 73–76; Цумарова Е.Ю. Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 2(18). С. 5–16.

²⁵ Аникин Д.А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, № 2. С. 34–38; Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций //

И.С. Башмаков, А.И. Габекорн, Д.И. Гигаури, К.Ф. Завершинский, О.Ю. Малинова, М.Ю. Мартынов, С.П. Поцелуев, Д.Г. Смирнов²⁶).

Важным этапом развития представлений о теоретико-методологических подходах к концептуализации идентичности в контексте анализа социально-политических изменений стал выпуск в 2017 году коллективного энциклопедического издания «Идентичность: Личность, общество, политика»²⁷, и его продолжение в 2023 году с подзаголовком «Новые контуры исследовательского поля»²⁸, отображающее расширение понятийного ряда в идентитарных исследованиях. Большое значение для продвижения проблематики идентичности в поле отечественной научной мысли имеет деятельность представителей профессионального сообщества, объединенных в «Сеть по исследованию идентичности»²⁹.

Амбивалентный характер актуализации идентичности отражается в трудах политологов и социологов: она может одновременно усиливать

Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 4. С. 106–123; Горин Д.Г. Политика памяти в условиях социально-политической трансформации: особенности России // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 2(23). С. 98–104; Грибовод Е.Г., Ковба, Д.М., Моисеенко Я.Ю. Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты // Дискурс-Пи. 2018. № 2(31). С. 123–132; Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 1(80). С. 111–121; Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. Санкт-Петербург: АНО ВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 2020. Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности российский опыт и новые тенденции. М., 2017.

²⁶ Бабайцев А.В. Общая структура и особенности семантики политических символов // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 3(64). С. 24–29; Башмаков И.С. Региональная мифология как инструмент символической политики в формировании территориальной общности Краснодарского края // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 183–186; Мартынов М.Ю., Габекорн А.И. Роль конструктивистской трактовки формирования гражданской идентичности и патриотизма в современной символической политике // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2, № 2. С. 117–131; Гигаури Д.И. Символическая политика в социокультурном пространстве города (на примере г. Санкт-Петербурга) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16. С. 136–139; Завершинский К.Ф. Символическая политика как социальное конструирование темпоральных структур социальной памяти // Символическая политика. М., 2014; Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4(87). С. 6–22; Поцелуев С.П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. М., 2012; Смирнов Д.Г. Символическая политика: теоретические и методологические аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2(16). С. 5–16.

²⁷ Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семенов. М., 2017.

²⁸ Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / под ред. И.С. Семенов. М., 2023.

²⁹ Экспертная сеть по исследованию идентичности. URL: <http://identityworld.ru/index/0-2> (дата обращения: 10.09.2023)

социальные различия и конфликты (А.И. Кольба, Н.В. Кольба, В.И. Пантин, Е.В. Тыканова, А.М. Хохлова³⁰), равно как и выступать фактором развития территории и формирования гражданской солидарности (Л.М. Дробижева, В.В. Дьякова, М.М. Мчедлова, О.Л. Саркисян, Ю.В. Уханова³¹).

Несмотря на имеющийся научный задел, в настоящее время в научном знании существуют определенные лакуны в осмыслении сложившихся на локальном уровне моделей политики идентичности и их компонентов, а также определении ресурсного потенциала субъектов политики идентичности для интеграции локальной идентичности как нематериального ресурса развития в политику развития городских и сельских территорий Российской Федерации.

Объект – политика идентичности на локальном уровне в современной России.

Предмет диссертационной работы – структурные, технологические и процессуальные компоненты политики идентичности на локальном уровне, а также комплекс факторов, обуславливающих её развитие.

Цель исследования – обоснование роли политики идентичности как ресурса развития местных сообществ, а также выявление структурных и технологических компонентов политики идентичности на локальном уровне в современной России.

Задачи диссертационного исследования:

³⁰ Кольба А.И., Кольба Н.В. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. 2019. № 2. С. 160–179; Пантин В.И. Политические размежевания и расколы в современных обществах // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 3. С. 28–40; Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014. № 2. С. 104–122.

³¹ Дробижева Л.М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 119–129; Дьякова В.В. Солидарность в контексте анализа региональной идентичности (по результатам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2021. № 12(166). С. 30–34; Мчедлова М.М., Саркисян О.Л. Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 4. С. 648–658; Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25, № 1. С. 88–107.

- осуществить теоретическую интерпретацию понятия «локальная идентичность» на основании политологического подхода;
- раскрыть эвристический потенциал основных исследовательских подходов к изучению политики идентичности;
- разработать теоретическую модель политики идентичности на локальном уровне, включающую субъекты, факторы, технологии и результаты;
- определить и описать субъекты политики идентичности на локальном уровне и оценить их ресурсный потенциал;
- выделить технологии политики идентичности и классифицировать разнообразие локальных практик их актуализации;
- охарактеризовать социально-экономический, политический и социокультурный контекст политики идентичности в Краснодарском крае;
- выявить и охарактеризовать на эмпирическом уровне вариативность политик идентичности в муниципальных образованиях Краснодарского края.

Исследовательский вопрос диссертационного исследования.

При каких конфигурациях институциональных и технологических компонентов политика идентичности становится ресурсом развития территории в современных российских условиях?

Хронологические рамки исследования охватывают современный период развития локальных сообществ муниципальных образований современной России. Границы эмпирического исследования определяются периодом реализации исследовательских проектов (2019–2023 гг.), в рамках которых происходил сбор эмпирических данных.

Теоретико-методологические основания диссертации.

Комплексность поставленных в диссертационном исследовании задач требует использования нескольких методологических подходов: идентитарного, конструктивистского, постструктуралистского, пространственного, неинституционального и сравнительного.

Для исследования механизмов формирования локальной идентичности и ее актуализации в различных институциональных практиках использован теоретический концепт политики идентичности в рамках идентитарного подхода³², который является базовым в данной диссертационной работе. Политика идентичности имеет различные уровни выработки и реализации (национальные, региональные, локальные), а также направления как виды публичной политики: политику памяти и символическую политику (В.А. Ачкасов, И.С. Семенов, О.Ю. Малинова, Е.Ю. Цумарова³³).

Неоинституциональный подход (Г. Саймон, Д. Норт³⁴) позволяет рассматривать технологии политики идентичности, а также форматы взаимодействия её ключевых субъектов в институциональной среде политики развития локальных территорий.

Необходимым аналитическим инструментом в изучении элементов структуры локальной идентичности является конструктивистский подход (Б. Андерсон, П. Бергер, П. Бурдьё, Т. Лукман³⁵), в рамках которого политика идентичности может рассматриваться как деятельность различных субъектов по формированию представления о сообществе в контексте конкретного пространства.

Методология постструктуралистского подхода (Э. Лакло, Ш. Муфф, М. Фуко³⁶) применена для определения набора статичных и динамических

³² Turner J.C. Social Comparison and Social Identity: Some Prospects for Intergroup Behaviour // *European Journal of Social Psychology*. 1976. № 5. 5–34; Tajfel H., Turner J. C. An Integrative Theory of Inter-group Conflict / In W.G. Austin & S. Worchel (Eds.), *The Social Psychology of Inter-group Relations* (pp. 33–47). Monterey, CA, 1979.

³³ Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. 2013. № 4. С. 71–77; Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. Москва, 2015; Семенов И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 8–28; Цумарова Е.Ю. Политика идентичности: politics или policy? // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2012. № 2(18). С. 5–16.

³⁴ Simon H. A. *Administrative Behavior*. New York, 1997; Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М., 1997.

³⁵ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М., 2016; Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М., 1995; Бурдьё П. *Социология политики*. М., 1993.

³⁶ Laclau E. *The Making of Political Identities*. London: Verso, 1994; Mouffe Ch. *On the Political*. London, 2005; Фуко М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления, и интервью*. М., 2006.

характеристик в описании реализуемой политики идентичности на различных пространственно-территориальных уровнях, в том числе локальном.

Возможности пространственного подхода (М.П. Крылов, И.Ю. Окунев, И.Л. Прохоренко, Е.В. Реутов³⁷) используются для анализа динамики процессов формирования локальной идентичности и выявления степени субъектности политических акторов в неоднородных и сложносоставных локальных политических пространствах.

Компаративный подход будет использован для характеристики и сравнения субъектов политики идентичности с разным набором ресурсов, а также обоснования интеграции разработанных эмпирических моделей политики идентичности в политико-управленческие практики территорий.

Применение концепта «разделенных обществ» (С. Роккан, С. Липсет³⁸, М.В. Ильин³⁹, И.С. Семененко, В.В. Лапкин, И.В. Пантин⁴⁰) позволило оценить воздействие фактора ценностной, конфессиональной и этнокультурной разнородности на состояние локальных сообществ.

Для анализа и интерпретации набора ресурсов, которыми обладают субъекты политики идентичности, и форматов взаимодействия данных субъектов, которые отражены в характеристиках их социальных отношений, нормах, неформальных сетях, доверии, культуре межличностных связей и взаимодействиях, автором были применены концепции социального капитала,

³⁷ Крылов М.П. Категория «идентичность» в контексте проблемы приграничий // Мир психологии. 2012. № 1(69). С. 137–151; Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 1. С.18–25; Прохоренко И.Л. Возможности пространственного подхода в изучении этнополитической конфликтности // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 127–138; Реутов Е.В. Городская среда как фактор социального самочувствия населения и риски, сопутствующие её изменению // Управление городом: теория и практика. 2021. № 1(39). С. 51–54.

³⁸ Роккан С., Липсет С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204–234.

³⁹ Ильин М.В. Диалог об островах и проливах, междуморьях и междумирях // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 128–135.

⁴⁰ Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин И.В. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. Т. 30. № 5. С. 56–77.

содержащиеся в работах П. Бурдые, Р. Патнэма, А. Портеса, Ф. Фукуямы⁴¹. Для осмысления и эмпирической верификации символического измерения политики идентичности авторами будет использоваться теория социального обмена (П. Блау, Л. Мольм, Д. Хоманс⁴²).

В исследовании использовался комплекс методов сбора и анализа эмпирических данных: традиционный анализ документов, вторичный анализ социологических данных, опросные методы (онлайн-анкетирование, фокус-групповые дискуссии и экспертный опрос), метод кейс-стади.

Традиционный анализ документов (нормативные правовые акты, контент на цифровых ресурсах органов местного самоуправления, публикации в СМИ и др.) применялся с целью выявления уровня вовлеченности местных властей в качестве субъектов формирования политики идентичности и для характеристики социально-экономического, политического и социокультурного контекста политики идентичности в Краснодарском крае. Метод вторичного анализа социологических данных позволил получить представление об институциональных и процессуальных основах политики идентичности на локальном уровне.

Массовый опрос, реализованный в цифровом формате, позволил оценить уровень и характер включенности населения в солидарные связи, их ценностные и поведенческие установки, способствующие актуализации гражданского участия на социальном и политическом уровне (реальные и потенциальные); выявить условия, при которых жители территорий готовы включаться в различные практики солидарности. С помощью метода фокус-групп были выявлены характеристики локальной идентичности, связанные со следующими компонентами: темпоральная направленность (перспективная/ретроспективная), вовлеченность населения

⁴¹ Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001; Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, 2001; Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 1–24; Fukuyama F. Social Capital and the Global Economy // Foreign Affairs. 1995. № 74. P. 52–58.

⁴² Blau P.M. The dynamics of bureaucracy. Chicago, 1955; Molm, L. Theories of Social Exchange and Exchange Networks // In B. Smart & G. Ritzer (Eds.), Handbook of Social Theory. Sage Publications, 2001. P. 260–272; Homans G.C. Social Behavior: Its Elementary Forms. N.Y., 1961.

(позитивная/негативная), интегративное качество (эксклюзивная/инклюзивная) различных групп жителей рассматриваемых территорий. Экспертный опрос позволил определить ключевых субъектов, осуществляющих политику идентичности на локальном уровне, выявить значимые различия набора субъектов политики идентичности на городских и сельских территориях и определить ресурсный потенциал каждого выделенного субъекта. Также в рамках экспертного опроса были верифицированы данные, полученные в результате фокус-групповых интервью, и получено экспертное мнение относительно эффективности моделей политики идентичности на локальном уровне.

С помощью метода кейс-стади удалось исследовать конфигурации локальной идентичности, институциональную включенность конкретных субъектов, использование потенциала символической политики и политики памяти в рамках технологического комплекса политики идентичности, а также определить социально-экономические и политические результаты сформированных моделей политики идентичности на локальном уровне.

Эмпирическая база диссертации представлена несколькими видами источников, характеризующих структурные характеристики политики идентичности на локальном уровне:

1. Нормативно-правовые акты, закрепляющие в приоритетах политики развития локальный уровень: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.11.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития на период до 2030 года»; Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696 (ред. от 31.07.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий»; Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ

государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; Закон Краснодарского края от 21.12.2018 № 3930-КЗ «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года».

2. Источники, в которых закреплены нормативные и институциональные основы реализации политики идентичности на федеральном и региональном уровнях через технологические форматы политики памяти и символической политики: Указ Президента РФ от 31 мая 2019 г. № 246 «О присвоении аэропортам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством»; Указ Президента РФ от 15.05.2009 № 549 (ред. от 08.09.2010) «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»; постановление правительства Владимирской области от 13 ноября 2023 г. N 813 «О проведении конкурса лучших сельских старост "Важные дела Владимирской деревни"»; постановление главы администрации Краснодарского края от 15.10.2001 № 983 «Об учреждении ежегодной премии администрации Краснодарского края имени Е.Ф. Степановой».

3. Аналитические доклады, открытые статистические данные, отражающие характеристики неоднородности факторов, определяющих идентичность жителей территорий Краснодарского края: рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 г. (URL: <https://riarating.ru/infografika/20230515/630241787.html>); Краснодарский край в цифрах. Статистический сборник 2022. (URL: <https://rosinfostat.ru/naselenie-krasnodarskogo-kraja/>); отчет «Цифровая жизнь российских регионов 2020». (URL: file:///C:/Users/natar/Downloads/SKOLKOVO_IEMS_Research_Digital_life_of_russian_regions_2020-06-09_ru.pdf); рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2022. (URL: <https://riarating.ru/images/63023/66/630236639.pdf>); индекс регионального социально-экономического стресса (ИРСЭС) и реальных доходов населения в 2021 г. (URL: <chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglclefindmkaj/https://www.hse.ru/pubs/share/dire>

ct/document/560027143.pdf); сведения из Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства (URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html>).

4. Данные самостоятельного эмпирического исследования структурных и технологических компонентов политики идентичности на локальном уровне, а также комплекса факторов, обуславливающих её развитие:

– транскрипты 8 фокус-групп с жителями Тимашевского, Крыловского, Апшеронского и Темрюкского районов, а также материалы 40 экспертных интервью из данных территорий, собранных в июне-июле 2019 года;

– 12 транскриптов фокус-групповых интервью с жителями сельских поселений Апшеронского, Белореченского, Каневского, Крымского, Темрюкского и Тихорецкого районов, 60 транскриптов экспертных интервью с экспертами из данных территорий, собранных в июне-июле 2023 года;

– эмпирические данные анкетного опроса 969 респондентов (URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLScU01nlI1uvWjUGWcfD0Firz_LkAsrUSW4G0cOaczgSbp71Mg/viewform?usp=sf_link), собранных в сентябре-октябре 2023 года.

Научная новизна конкретизирована в следующих результатах:

– обоснована роль локальной идентичности как ресурса развития местных сообществ, которая заключается в ее консолидирующем потенциале, реализующемся через практики социально-политического взаимодействия разных субъектов в рамках политики идентичности;

– на основании анализа политологического научного дискурса выделены два основных исследовательских подхода к изучению политики идентичности: миноритарный и макрополитический;

– разработана теоретическая модель политики идентичности на локальном уровне, включающая субъекты, факторы, технологии и результаты;

– доказан многосубъектный характер политики идентичности и произведена оценка ресурсного потенциала основных субъектов, дифференцированных по городским и сельским сообществам;

– выявлены технологические компоненты политики идентичности, включающие технологии символической политики и политики памяти на локальном уровне;

– показано влияние современных социально-экономических, политических и социокультурных факторов на разработку и реализацию политики идентичности в Краснодарском крае;

– на основе обобщения результатов серии эмпирических исследований сельских территорий Краснодарского края выявлены и охарактеризованы эмпирические модели политики идентичности на локальном уровне.

Положения, выносимые на защиту:

1. Локальная идентичность имеет амбивалентный характер: она выступает фактором развития территории, равно как и фактором усиления социальных размежеваний и конфликтности. Характер локальной идентичности может быть инклюзивный (направлена, с одной стороны, на включение в политический дискурс региональной и федеральной повестки, с другой – на интеграцию всех субъектов политики идентичности на локальном уровне, на решение социально-экономических проблем территории) и эксклюзивный (противопоставление национальному сообществу в вертикальной проекции и исключенность отдельных групп населения из решения проблем территории в разрезе горизонтальных связей локального сообщества).

2. В политологическом научном дискурсе произошёл переход от миноритарного подхода к исследованию политики идентичности (фокусируется на общественном признании и легитимности ущемленных в своем социальном статусе меньшинств и групп) к макрополитическому, в фокусе которого – анализ деятельности различных субъектов политического

процесса, реализуемых ими технологий и практик по формированию и поддержанию различных форм макрополитической идентичности.

3. Компонентами модели политики идентичности на локальном уровне являются: субъекты, каждый из которых обладает уникальным набором ресурсов и разнообразными мотивационно-деятельностными характеристиками; структура, актуализирующаяся через технологии символической политики и политики памяти; а также результаты, выступающие либо фактором развития территории и консолидации, либо фактором роста социальных размежеваний и конфликтности. Важным элементом представленной модели является набор внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на свойства всех внутренних компонентов. Комплекс внешних факторов включает две группы: детерминированные (параметры административно-территориального деления, особенности природы и ландшафта, положение относительно федерального и регионального центра и др.) и конфигуративные (характер и уровень миграционной активности, включенность территории в региональные/федеральные/международные проекты, уровень и характер межрегиональных и внешних связей и др.). Внутренние факторы, характеризующие свойства процессов и явлений внутри территории, представлены особенностями освоения территории, сложившимся историческим опытом взаимодействия различных групп населения, уровнем финансово-экономических возможностей жителей территории, характеристикой символического пространства, а также характером социальных размежеваний внутри локальных сообществ.

4. Политика идентичности на локальном уровне отличается многосубъектным характером. В качестве субъектов выступают органы местного самоуправления, бизнес-сообщество и предприниматели, партии и общественно-политические движения, этнические сообщества и диаспоральные объединения, СМИ и блогосфера, культурно-просветительские сети (культурные и образовательные учреждения), лидеры

сообществ, гражданские организации/объединения, религиозные организации. Субъекты политики идентичности на локальном уровне обладают набором ресурсов, которые определены автором в следующие группы: концептуальные, кадровые, организационно-управленческие, материально-финансовые, информационные, символические и сетевые. В сельских сообществах весомый вклад в реализацию политики идентичности вносят культурно-просветительские сети, лидеры сообществ и диаспоральные объединения; для городских территорий значимым субъектом также являются СМИ, при этом этнические сообщества в качестве активного субъекта политики идентичности встроены в меньшей степени.

5. В рамках реализации политики памяти и символической политики для каждой технологии существует набор специфических приёмов, процедур, методик действий, технико-ресурсных компонентов. К основным технологиям политики идентичности на локальном уровне относятся музейные технологии, топонимические технологии, коммеморативные технологии, технологии использования публичных пространств, проектные технологии, образовательные технологии и технологии специальных событий. Особую роль в формировании локальной идентичности играют образовательные технологии, которые включают изучение истории местных сообществ, тематические уроки и классные часы, проведение локальных экскурсий, форумов, мастер-классов и др.

6. Краснодарский край характеризуется диверсифицированной экономикой, стабильной политической ситуацией, значительным социокультурным разнообразием и усиливающейся миграционной привлекательностью, что создаёт как позитивные условия, так и определенные риски в процессе выработки и реализации политики идентичности. Территория Краснодарского края гетерогенна, в каждой из зон сложился комплекс факторов, влияющих на формирование локальной идентичности. Включенность в международные проекты и высокий уровень миграционной нагрузки актуализируют усиление межкультурного

взаимодействия на локальном уровне. Нагляднее это отражается на характеристиках сообществ приграничных территорий: жители этих сообществ переживают перемену в своем субъективном восприятии через трансформацию системы ценностей, взглядов и оценок социально-политических процессов.

7. Конструирование эмпирических моделей политики идентичности осуществлено на основе трех критериев: конфигурации локальной идентичности, институциональная включенность конкретных субъектов, использование потенциала символической политики и политики памяти в рамках технологического комплекса политики идентичности. На основании интерпретации эмпирического исследования в 20 сельских поселениях Краснодарского края выделены следующие эмпирические модели политики идентичности на локальном уровне: модель «консервации» местного сообщества с неиспользованными экологическими и социокультурными ресурсами; модель ответственного развития; фрагментарно-дефицитная модель.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования.

Расширены теоретические представления о политике идентичности на локальном уровне. Создана объяснительная модель политики идентичности на локальном уровне, позволяющая проводить широкие эмпирические исследования на основе межстрановых и кросс-региональных сравнений.

Предложенная автором объяснительная модель политики идентичности может выступить концептуальным основанием для определения стратегических политических решений в области пространственного развития с учетом неоднородности социально-экономического, социально-политического и социокультурного пространства страны.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в разработке автором технологий проектирования политики идентичности на локальном уровне, которые могут стать важным содержательным элементом при разработке стратегий социально-

экономического развития и формирования целевых муниципальных программ сельских территорий.

Материалы диссертационного исследования использованы для разработки образовательных программ и семинаров в системе дополнительного образования кадров органов местного самоуправления.

Диссертационное исследование выполнено в рамках специальности **5.5.2. – «Политические институты, процессы, технологии»** и соответствует следующим направлениям исследований: 8. Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации; 21 в части «Национально-государственное, национально-территориальное, национально-культурное самоопределение»; 28. Политическая идентичность: сущность, типы, структура. Механизмы политической идентификации личности и социальных групп; 30. Политические технологии и специфика их применения.

Апробация результатов исследования. Промежуточные и итоговые результаты исследования были апробированы на 12 научных конференциях всероссийского и международного уровня, среди них наиболее важные: Всероссийская научная конференция РАПН с международным участием «Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы» (Москва, 2019 г.), Всероссийская научная конференция РАПН с международным участием «Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности» (Москва, 2022 г.), Всероссийская научная конференция с международным участием «Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск» (Москва, 2023 г.), Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы миграции и возможности межрегионального международного сотрудничества» (Тюмень, 2023 г.), Всероссийская научная конференция с международным участием «Политика в сетевом обществе» (Адлер, 2019 г.), Международная научно-практическая конференция «Человек. Сообщество. Управление: 2019» (Краснодар, 2019 г.), XX Международная научно-

практическая конференция «Человек. Сообщество. Управление: 2020», (Краснодар, 2020 г.), IX Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека» (Краснодар, 31 мая 2020 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Приоритеты и перспективы устойчивого развития российских регионов: правовое измерение» (Майкоп, 2023 г.).

В рамках проблематики диссертационного исследования автор работал в качестве исполнителя в 4 научно-исследовательских проектах: проект РНФ и КНФ № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов» в 2021–2024 гг. (руководитель – И.В. Мирошниченко); проект РФФИ 19-011-31356 «Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства региона» в 2019 г. (руководитель – И.В. Мирошниченко); проект РФФИ 20-511-05017 «Армянская диаспора в системе межэтнических отношений в полиэтничном регионе (на примере Краснодарского края)» в 2021–2023 гг. (руководитель – Т.А. Хагуров); проект КНФ № КНФ ФНИ-ГО-20.1/32 «Молодёжь полиэтничного региона в нелинейном глоболокальном социуме: идентичность и ценности, жизненные стратегии, риски взросления» в 2020–2021 гг. (руководитель – Т.А. Хагуров). В 2023–2024 годах под руководством диссертанта был реализован проект в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2023-0010 «Стратегии и технологии актуализации гражданской солидарности на локальном уровне (на примере субъектов Южного федерального округа)».

Основные положения диссертации изложены автором в 14 научных статьях общим объемом более 7 печатных листов, в том числе в 5 статьях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов кандидатских диссертаций.

Практические наработки были внедрены в рабочие программы дисциплин «Политика идентичности в современном мире и России» для направления подготовки 41.03.04 Политология и «Политика идентичности» для направления подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление факультета управления и психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» и используются автором в процессе преподавательской деятельности.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры государственной политики и государственного управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», протокол № 7 от 12.12.2023.

Структура работы состоит из введения, трех разделов, шести подразделов, заключения, списка использованных источников, пяти приложений.

1 Теоретико-методологические аспекты исследования политики идентичности в политической науке

1.1 Локальная идентичность в категориальном аппарате социальных и гуманитарных наук

Локальная идентичность представляет собой сложный феномен, привлекающий внимание теоретиков и практиков в связи с усилением роли городов, районов и сельских территорий в качестве акторов социально-политических процессов. В настоящее время в связи с высоким уровнем мобильности происходит размывание культурных и ценностных ориентиров, на территориях городов и сельских поселений проявляется социальная дифференциация с пересечением различных идентичностей, которые создают сложный рисунок социально-политических взаимодействий. В качестве научной категории локальная идентичность имеет многомерный характер, она «разделена» между различными научными направлениями, а также производит в среде ученых определенные сложности, которые выражаются в противопоставлении аскриптивных оснований и социального конструирования.

Соответственно, исследования локальной идентичности нельзя сводить только к измерениям определенных параметров, без представления о том, что из этих параметров является аскриптивным, а что – привнесенным социальным и политическим развитием сообщества или его части, которая может доминировать над остальными и навязывать свои параметры идентичности. Как отмечает Р.В. Евстифеев, развитие локальной идентичности ведет к формированию общего представления о субъектности разнообразных групп локальных сообществ, что представляется основой для конструирования национальной идентичности⁴³.

⁴³ Евстифеев Р.В. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления // Научный результат. Социология и управление. 2017. № 2 (12). С. 3–9.

Локальная идентичность в интерпретации Л. Лин является конструктом, который люди формируют из своей реальности в соответствии с обществом, в котором они живут. Он пронизан экономическими, образовательными и социальными реалиями контекста, в который погружены люди, и помогает им создавать отношения, характеризующиеся набором общих верований, традиций и культурных практик⁴⁴. Точно так же Б. Нортон утверждает, что локальная культурная идентичность – это отношения человека с членами определенной социальной группы с общей историей, языком и пониманием мира⁴⁵. Ф. Джандт описывает локальную идентичность как процесс идентификации и принятия в группу с общей системой символов и установленными нормами поведения⁴⁶. Согласно Д. Ариза, локальная идентичность определяется как модель поведения, убеждений и форм социальных мыслей, с которыми люди идентифицируют себя и которые делают их частью сообщества⁴⁷. Такая интерпретация определяет локальную идентичность не через статичный линейный процесс, а в качестве социального конструкта, который развивается через взаимодействие с другими. В работах Ю. Вана находится подтверждение данному тезису и утверждается, что локальная идентичность – это «план, созданный людьми для развития будущей деятельности на основе прошлого опыта»⁴⁸. Это означает, что идентичность формируется не только с учетом текущего опыта, с которым сталкиваются люди, но и благодаря предыдущим взаимодействиям, которые могут повлиять на видение и понимание мира, а также на их систему ценностей.

⁴⁴ Lin L.F. Second language Learners' Identity toward Their Home Culture: Adding Pragmatic Knowledge to Language Learning Curriculum // Asian Social Science. 2009. № 5(8). P. 43–51.

⁴⁵ Norton B. Identity as a Sociocultural Construct in Second Language Education // TESOL in Context. 2006. P. 22–33

⁴⁶ Jandt F.E. An Introduction to Intercultural Communication: Identities in a Global Community. Los Angeles, CA: Sage Publications, 2012.

⁴⁷ Ariza D. Culture in the EFL classroom at Universidad de la Salle: An Innovation Project // Actualidades Pedagógicas. 2007. № 50. 9–17.

⁴⁸ Wang Y. Globalization Enhances Cultural Identity // Intercultural Communication Studies. 2007. № 16(1). P. 83–86.

В контексте данной работы нам ближе определение локальной идентичности в представлении М.В. Назукиной: «низовой уровень территориально-пространственной идентификации, связанный с чувством сопричастности человека с местом его проживания и/или происхождения»⁴⁹.

Дж. Прендергаст подчеркивает, что «локальность» является необходимостью для социального существования, поскольку почти невозможно отличить «кто мы» от «откуда мы», отмечая, что «в условиях глобализации региональные идентичности выступают как средство объективации и конструирования различий внутри социокультурных практик»⁵⁰.

Разграничивая уровни идентичности, Ю. Шао, Э. Ланге, К. Туэйтс, Б. Лью отмечают, что для всех уровней идентичности характерны явления, когда люди отождествляют себя с народом, культурой, ландшафтом и другими характеристиками территории проживания. Отмечается взаимосвязь между площадью и ролью символического в создании жителей (чем больше территория, тем выше роль символических аспектов). Авторы выделяют 4 уровня пространственной идентичности: национальный, региональный, городской и локальный. На рисунке 1 показаны различия и взаимосвязи между этими уровнями:

⁴⁹ Назукина М.В. Локальная идентичность // Идентичность: Личность. Общество. Политика: энциклопедическое издание / под ред. И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 512–516.

⁵⁰ Prendergast J.G. Regional Identity and Territorial Integrity in Contemporary Russia // A New Russian Heartland? URL: <http://www.le.ac.uk/geography/research/RussianHeartland/index.html> (дата обращения: 12.10.2022)

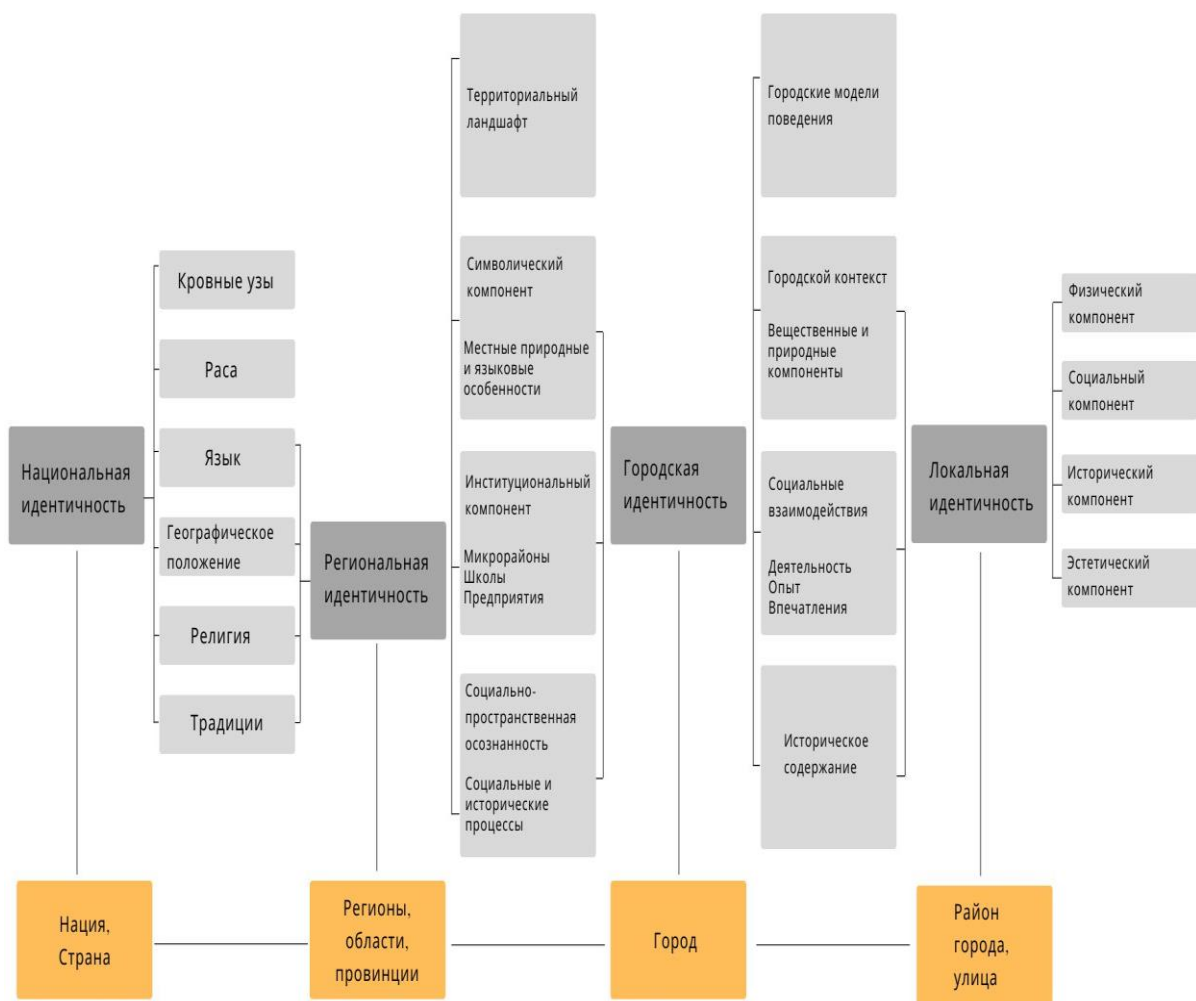

Рисунок 1 – Уровни пространственной идентичности по Ю. Шао, Э. Ланге, К. Туэйтс, Б.Лью

Региональная идентичность, по мнению исследователей, в большей степени ориентирована на взаимодействие жителей со своим окружением по сравнению с национальным уровнем, а жизнь людей в одном и том же регионе, как правило, объединяют схожий язык и религия. Городская идентичность еще больше сужает область от регионального уровня до более конкретного уровня города. Например, город Шеффилд – городское поселение в регионе Йоркшир. Городская идентичность «больше фокусируется на том, как взаимодействуют местные жители, и поэтому формирует свою собственную идентичность, которая затем становится основой для конструирования региональной идентичности». При этом

региональная идентичность может быть определена нечетко, тогда как городская более выражена. Локальный уровень, в представлении авторов, фокусируется на том, как люди, живущие в своем сообществе, взаимодействуют с местным окружением, и дополнительно разделяет городскую идентичность на небольшие части, что облегчает процесс идентификации и оценку⁵¹.

Локальная идентичность является жизненно важным компонентом городского и сельского развития и важным аспектом качества функциональности территории. Сформированная локальная идентичность является главной точкой притяжения для людей и бизнеса, а также служит точкой опоры в социальных и экономических преобразованиях территории. Локальный уровень характеризует принадлежность к небольшим территориям (кварталы, улицы), при этом обеспечивая функции, которые создают узнаваемый образ места и его жителей. Идентичность обеспечивает особые ощущения в физической, социальной и чувственной проекции, а также память жителей территории; такие ощущения могут включать и воспроизводить как положительные, так и отрицательные эмоции. Физический аспект является доминирующим в процессе формирования локальной идентичности, так как именно «физическая среда оказывает большое влияние на чувства местных жителей и то, как они воспринимают свою идентичность с местом». Несмотря на физическую уникальность каждой территории, без жителей категория «локальная идентичность» утратила бы свое значение. Локальная идентичность связана не только с тем, как физическая среда влияет на людей, но и с тем, какой вклад люди вносят, чтобы сделать место более привлекательным, а социальная активность рассматривается как важный способ, с помощью которого местные жители взаимодействуют со своим местом, чтобы сделать его уникальным⁵².

⁵¹ Shao, Y., Lange, E., Thwaites, K. Defining Local Identity // *Landscape Architecture Frontiers*. 2017. № 5 (2). P. 24–41.

⁵² Hidalgo M.C. Hernandez B. Place Attachment: Conceptual and Empirical Questions // *Journal of Environmental Psychology*. 2001. № 21. P. 273–281; Stedman R.C. Toward a Social Psychology of Place: Predicting Behavior from PlaceBased Cognitions, Attitude, and Identity // *Environment and Behavior*. 2002. № 34.

Идентичность на локальном уровне конструируется при помощи процессов социальной категоризации, а именно – идентификации и дифференциации через включение в социальное взаимодействие. В данном случае место проживания рассматривается не как локус жизнедеятельности, а место социализации и включения в иные социальные процессы. Таким образом, происходит трансформация поведения индивидов в соответствии с доминирующими в обществе нормами. Также актуализируются и другие функции, связанные с социальным компонентом локальной идентичности: например, упорядочивается личный опыт и создаются рамки для социокультурного пространства взаимодействий.

Территории могут иметь особенное значение для определенных людей, потому что их биография связана с этими местами: у каждого человека формируется свой жизненный опыт в прошлом, имеющий персональный смысл⁵³. Основываясь на различном опыте и привычках, каждый отдельный житель будет чувствовать себя по-разному в одном и том же месте, соответственно способность обеспечить психологический комфорт также можно отнести к функциям локальной идентичности⁵⁴. Так актуализируется чувственный аспект в формировании локальной идентичности. Также стоит отметить память как неотъемлемый компонент в формировании идентичности на локальном уровне. Несмотря на переосмысление и пересмотр исторических событий в их историко-культурном значении для территории⁵⁵, они остаются в памяти жителей и овещаются в виде памятников и в других физических формах. Для данной работы большое значение имеет интерпретация территории не как административно-

P. 561–581; Altman I., Low S.M. Place Attachment, NY: Plenum Press, 1992; Lynch, K. A Theory of Good City Form. Cambridge: MIT Press, 1981.

⁵³ Pretty G.H., Chipuer H.M., Bramston P. Sense of Place amongst Adolescents and Adults in Two Rural Australian Towns: The Discriminating Features of Place Attachment, Sense of Community and Place Dependence in Relation to Place Identity // *Journal of Environmental Psychology*. 2003. № 23. P. 273–287.

⁵⁴ Carmona M., Tiesdell S., Heath T., Oc T. Public Places Urban Spaces: The Dimensions of Urban Design. Oxford: Elsevier, 2003.

⁵⁵ Liu J.H., Paez D., Slawuta P., Cabecinhas R., Techio E., et al. Representing World History in the 21st Century: The Impact of 9/11, the Iraq War, and the Nation-State on Dynamics of Collective Remembering // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2009. № 40. P. 667–692; Lewicka M. Place Attachment, Place Identity, and Place Memory: Restoring the Forgotten City Past // *Journal of Environmental Psychology*. 2008. № 28. P. 209–231.

управленческой единицы, а как пространства, чьи границы социально и интеллектуально конструируются, а жители обладают набором разделяемых ценностей и норм, воспроизводящих одни процедуры⁵⁶.

П. Селман и К. Суонвик подчеркивают важность осознания уникальности территории в современных процессах развития города или поселения для укрепления связей между жителями и окружающей средой. Актуализация идентичностей, которые признаются горожанами, может помочь практикам улучшить имидж места до желаемого качества и, следовательно, выделить территорию среди других городов и регионов в глобальной конкуренции, что усилит чувство принадлежности горожан и привлечет квалифицированные кадры и инвестиции⁵⁷.

Нельзя не упомянуть точку зрения в контексте изучения идентичности места, согласно которой идентичность представляет собой динамический процесс, который позволяет человеку использовать наиболее удобную идентичность в зависимости от контекста⁵⁸. Например, в своем исследовании лондонских доков К. Твиггер-Росс и Д. Уззелл отмечают, что множественные идентичности дают людям набор идентификаций, служащих ресурсом, который можно использовать в зависимости от ситуации⁵⁹. Данный тезис об использовании различных идентификаций для позитивной самопрезентации или иной выгоды находит свое отражение в работах других авторов, изучавших совершенно иные территории. В исследовании Ф. Бернардо и Х. Пальма-Оливейра было выявлено, что временные жители, у которых в меньшей степени проявлялась идентификация с районом и городом,

⁵⁶ Макарычев А.С. Глобальное и локальное: Меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука. 2003. № 3.

⁵⁷ Selman P., Swanwick C. On the Meaning of Natural Beauty in Landscape Legislation // Landscape Research. 2010. № 35 (1). P. 3.

⁵⁸ Turner J.C., Onorato R.S. Social Identity, Personality, and the Self-concept: A Self-categorization Perspective // Rediscovering Social Identity. 2010. P. 315–339.

⁵⁹ Twigger-Ross C., Uzzell D. Place and Identity Processes // Journal of Environmental Psychology 1996. № 16. P. 205–220.

напротив, демонстрировали более высокую сформированность национальной идентичности⁶⁰.

Зачастую локальная идентичность рассматривается исследователями как синоним региональной идентичности, так как в идентификационной матрице она следует за уровнем последней в ряду возможных пространственно-территориальных идентификаций. Так, М.П. Крылов определяет региональную идентичность как способность и волю жить на территории и осваивать ее (включая как локальный, так и региональный уровни «малой родины»). В своей монографии «Региональная идентичность в европейской России» автор отмечает, что содержание и структура региональной идентичности сводится к двум составляющим: «местному патриотизму» и «пространственной самоидентификации». При этом пространственная самоидентификация относится к регионам, но проявляется более четко в поселениях, а местный патриотизм формируется и в регионах, и в поселениях⁶¹. Анализируя подходы к исследованию региональной идентичности (представляющей многоуровневый феномен) и её взаимосвязи с локальным самосознанием, Ю.Г. Волков и В.И. Курбатов приходят к выводу, что на микроуровне идентификация осуществляется жителями регионов через самописание, которое выражается в признаках локальной идентичности. Модель региональной идентичности представляется авторами как совокупность «локально оформленного сосуществования» в качестве базового гражданского компонента и «локально-региональных», которые, в свою очередь, включают социально-групповые, этнокультурные и другие элементы. Авторами установлено, что основанием для формирования государственно-гражданской идентичности в полиэтническом обществе является общая позитивная реализация региональной идентичности на индивидуально-личностном уровне (микро-уровень), уровне идентификации

⁶⁰ Bernardo F., Palma-Oliveira J. Place Identity, Place Attachment and the Scale of Place: The Impact of Place Salience *Identidad de lugar, apego al lugar y escala del lugar: el impacto de la prominencia del lugar. Psycology*. 2013. 4. № 167–193.

⁶¹ Крылов М.П. Региональная идентичность в европейской России. М.: Новый хронограф, 2010.

с социальной группой (мезо-уровень) и общенациональной идентификации (макроуровень) в едином векторе⁶².

В 1990-х гг. исследования идентификационных ощущений и рефлексий граждан показали их значительные трансформации. Идентификации по признаку территориально-поселенческой принадлежности «с теми, кто живет в нашем городе, деревне» на протяжении всего десятилетия показывали положительную динамику, тогда как близость сограждан «с россиянами» в некоторые годы уступала локальным солидарностям⁶³. Исследование группы ЦИРКОН продемонстрировало, что в некоторых регионах России локальная идентичность актуализирована в одинаковой степени с гражданской (в Пермском крае) или даже доминирует (Республика Татарстан); и во всех четырех рассматриваемых регионах (Ивановская область, Краснодарский край, Пермский край, Республика Татарстан) локальная идентичность преобладала над региональной в исследуемый период⁶⁴.

Исследования последних пяти лет также демонстрируют высокий уровень сформированности локальной идентичности на разных территориях. Группа исследователей из Перми, в рамках проекта «Пермь как стиль» изучая территориальные идентичности жителей города, пришли к следующему результату. Согласно социологическому опросу (N=970), 46 % жителей Перми из предложенного набора идентичностей (гражданско-политическая, территориально-географическая, национальная, региональная, локальная) отмечают первостепенно локальный уровень. Учеными также было определено, что на сформированность локальной идентичности влияют место рождения и социальный статус. Чаще выбор в пользу локальной идентичности делали жители, родившиеся на данной территории, реже – родившиеся в другой стране. Интересно, что пол и возраст не влияют на

⁶² Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Региональная идентичность Юга России в формате маркеров различных уровней // Социология. 2023. № 5. С. 98–105.

⁶³ Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 79–90.

⁶⁴ Территориальная идентичность на постсоветском пространстве // ЦИРКОН. Пресс-релиз. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/222/PR_territorialnaja_identichnost_na_PSP_15-03-13.pdf (дата обращения: 12.10.2022).

соотнесение себя с локальным уровнем, однако доминирующая идентификация «житель Перми» более свойственна респондентам, «средним» по показателям дохода и образования. Жители с высоким доходом и уровнем образования, по мнению исследователей, имея широкий кругозор, высокую мобильность и возможность посещать другие регионы и страны, менее склонны рассматривать локальную идентичность как первостепенную, она для них «мала»⁶⁵. В работе Е.В. Недосека описывается образ моногорода Сокол через ощущение единства с жителями. Так, ощущение близости с жителями города выражалось в ответах респондентов на вопрос: «Если говорить о Вас, то как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми – о ком Вы могли бы сказать: «Это – мы?»» в следующем соотношении: часто – 28,8 %, иногда – 50,2 %, никогда – 4,8 %, затрудняюсь ответить – 17,2 %. Распределение ответов с группой «со всеми гражданами России» следующее: часто – 13,8 %, иногда – 50,8 %, никогда – 7,8 %, затрудняюсь ответить – 27,6 %.⁶⁶

Территориальное измерение социальных и политических процессов необходимо для определения взаимосвязи между социальным, политическим и географическим. Определение «географического образа» с точки зрения территориального фокуса соотносится с категорией локальной идентичности. Д.Н. Замятин географический образ связывает с системой взаимосвязанных символов, знаков, архетипов и стереотипов, характеризующих территорию⁶⁷.

Осмысление территорий через призму политических процессов происходит преимущественно в связи с этническими и языковыми различиями. Так рассматривался вопрос Джамму и Кашмира, хрестоматийными примерами являются кейсы басков в Испании и шотландцев в Британии. Однако, как справедливо отмечает Д.В. Урвин, «во

⁶⁵ Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой, вступ. ст. О.Л. Лейбовича. Пермь: ПГГПУ, 2013.

⁶⁶ Недосека Е.В. Локальная идентичность населения моногорода (на примере г. Сокола) // Проблемы развития территории. 2020. № 1. С. 109–123.

⁶⁷ Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 3. С. 26–50.

второй половине XX века процессы регионализации и политизации происходят на территориях, которые не отличаются от идентичности национальной популяции»⁶⁸. Таким образом, в политологическом разрезе территориальные различия следует интерпретировать не только по примордиалистским основаниям, но и с позиций символических противоречий, характеристики локальной экономики, исторического опыта и др.

Рассматривая идентичность через выражение принадлежности человека к общности, И.Ю. Окунев выделяет два типа идентичности, имеющих отношение к географическим координатам, – территориальную и пространственную. Особое значение в идентификационных процессах автор придает пространственному опыту и местам памяти, а также пространственным мифам (например, мифы о гомогенности территории или миф о территориальной исключительности)⁶⁹. Автор также подчёркивает множественность идентификации личности и возможность актуализации одной из идентичностей внешними силами. Исследования территориальной идентичности, в отличие от пространственной, включают социальные, когнитивные и эмоциональные аспекты. Также отмечается значительная роль территориальной идентичности в процессе социализации, что включает интеграцию в определенную среду, которая представляет пространство и условия сосуществования с другими, а также соотнесение себя с социальными группами в пространстве территории (соседи, класс, спортивная команда)⁷⁰.

Вопрос формирования локальной идентичности изучала Н.Г. Федотова в контексте факторного и институционального аспектов. Автор подчёркивает тезис о том, что городская идентичность является символическим ресурсом

⁶⁸ Урвин Д.В. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. 2003. № 6(40). С. 117–132.

⁶⁹ Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. 2018. №1. С. 18–35.

⁷⁰ Самошкина И.С. Территориальная идентичность как предмет социально-психологического исследования // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2008. № 3. С. 43–53.

города, и представления о механизмах её формирования необходимы местным элитам. Символический ресурс городской идентичности состоит в ее способности стать социокультурной основой конструирования городской среды. На основе позитивной и устойчивой идентичности можно создать привлекательный городской образ, при этом на формирование городской идентичности воздействуют естественные (географическое положение, климат, ландшафт и др.) или искусственные (бренды, архитектура, символы и др.) факторы. Такой имидж способствует созданию благоприятного климата внутри города, создавая условия для реализации творческого потенциала горожан, препятствуя оттоку молодых и талантливых жителей, привлекая целевую аудиторию⁷¹.

Государственная политика идентичности реализуется через различные социально-политические практики и рассредоточивается на разных уровнях управления и власти: наднациональном, региональном и локальном⁷².

Во второй половине 90-х гг. прошлого века исследовательский вектор российских ученых сместился на изучение регионального измерения политики идентичности. Р.Ф. Туровский описывает процессы конструирования регионального самосознания в контексте постсоветской трансформации, которой способствовала деятельность властной и интеллектуальной элиты. Автор подчеркивает важность фактора региональной идентичности в разрезе российского политического процесса и фиксирует процессы регионализации политического пространства в России⁷³.

Локальная идентичность у жителей конкретных территорий актуализируется через различные формы: место рождения/жительства; особенности ландшафта и климата; экономическая специализация и параметры социально-экономического развития (такими формами могут

⁷¹ Федотова Н.Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 20(3). С. 32–49.

⁷² Семененко, И.С. Политика идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. М.: Весь мир, 2017.

⁷³ Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М.: Гендальф, 1999.

выступать отдельные формы хозяйственной деятельности, доминирующие на территории); значимые историко-культурные события и личности (близкие люди, друзья, известные люди, прославившие место); черты коллективного поведения, которые могут быть как реальные, так и приписываемые (например, особенности диалекта)⁷⁴.

В последние десятилетия фокус внимания отечественных исследователей сосредоточился на изучении содержания, механизмов и ресурсов политики идентичности на уровне регионов России. Во многом этот интерес обусловлен происходящими на рубеже 1980–1990 гг. последствиями политических трансформаций российского общества: кризисом идентичности и всплеском национализмов. Демонстрируются примеры использования этнического фактора в практике конструирования региональной идентичности. Анализируя этнополитические и этнокультурные процессы в Республике Татарстан, Л.В. Сагитова приходит к выводу, что национальные, культурные и языковые вопросы не решаются изолированно от политики государства, а направление государственной политики детерминирует диспозицию этнического большинства и меньшинств и их политического статуса. Автор подтверждает гипотезу о том, что этнический фактор активнее выражается в условиях социально-политических изменений полиэтнического государства в качестве реакции на реальные или воображаемые (в представлениях этнических общностей) проявления социального и этнокультурного неравенства в противопоставлениях «центр – национальная республика» и «этническое большинство и этническое меньшинство»⁷⁵. В.Д. Бедерсон типологизирует проводимую на уровне регионов политику идентичности, основываясь на персонафицированных образах. В качестве ресурса политики идентичности персоналистский идентификатор в большинстве случаев выполняет

⁷⁴ Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. № 4. С. 139–151.

⁷⁵ Сагитова Л.В. Республика Татарстан: политика идентичности и её акторы. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018.

консолидирующую функцию в отношении регионального сообщества. Автор отмечает, что в рассматриваемом им периоде (во второй половине 2000-х годов и начале 2010-х годов) политика идентичности в регионах является полем большей независимости от федерального центра, в отличие от других институциональных практик⁷⁶. В исследовании Е.Ю. Цумаровой проанализированы основные элементы образа Республики Карелия, которые базируются на природных, географических и культурных особенностях, однако доминирующим критерием принадлежности к сообществу является проживание на территории республики, а не этнические, языковые, религиозные и другие характеристики человека. Выявлено, что выбор стратегии политики идентичности обусловлен такими факторами как низкая доля титульного населения и высокая степень экономической зависимости от дополнительных финансовых средств⁷⁷. Осмысляя специфику пермской идентичности, большое значение в конструировании региональной идентичности В.М. Назукина придает культуре, наряду с природным и экономическим наполнением уникальности региона. Автор констатирует, что культурный компонент идентичности Пермского края актуализируется усилиями культурной элиты при содействии политической элиты⁷⁸.

Высокий уровень сформированности локальной идентичности может выражаться в созидательных действиях, общественной и политической активности различных социальных групп. Так, в исследовании И.В. Самаркиной и И.С. Башмакова была установлена зависимость степени актуализации идентичности молодежи Краснодарского края от участия в жизни города (прежде всего в деятельности общественных и политических организаций)⁷⁹.

⁷⁶ Бедерсон В.Д. Политика идентичности регионов современной России: сравнительные характеристики персоналистских идентификаторов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. Т. 16, № 1. С. 33–91.

⁷⁷ Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия). СПб., 2014.

⁷⁸ Назукина М.В. Между Уралом и Поволжьем: поиски пермской идентичности. Пермь: Гармония, 2018.

⁷⁹ Самаркина И.В., Башмаков И.С. Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования

Несмотря на высокий интерес российских исследователей к теме идентичности в течение трех последних десятилетий, остается ряд нерешенных методологических проблем, к которым О.В. Попова относит, например, сложность с определением степени влияния идентичности на политическое поведение, специфику политической идентичности в условиях разных политических режимов и степени влияния информационного общества или трудности в выявлении механизмов формирования политической идентичности⁸⁰.

В практике реализации политики идентичности на локальном уровне также есть ряд проблем, связанных, в первую очередь, с тем, что местные власти не видят в локальной идентичности возможности для развития территории⁸¹. В данном диссертационном исследовании сформированная локальная идентичность будет рассматриваться как нематериальный ресурс развития территории.

Португальский исследователь З. Рока отмечает, что идентичность территории выступает в роли важного ресурса для устойчивого и равномерного экономического роста и равноправного развития, которых можно добиться благодаря трансформативным инвестициям и террафилии⁸². Террафилия⁸³ в данном контексте работает как особый «двигатель развития», который может придать стартовый импульс общественному участию в управлении и смене настроений в обществе. Однако для эффективной работы «двигателя» местные жители должны быть убеждены в необходимости их участия в процессе развития своей территории.

городской молодежи Краснодарского края) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 159–171.

⁸⁰ Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. М., ИМЭМО РАН, 2011.

⁸¹ Морозова Е.В. Локальная идентичность и проблемы ее конструирования (кейс Краснодарского края) // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. М., ИМЭМО РАН, 2011.

⁸² Roca Z., Roca M.N.O. Affirmation of Territorial Identity: Development Policy Issue. *Land Use Policy*. 2007. Vol 24 (2). P. 436.

⁸³ Oliveira J.A., Roca Z, Leitão N. Territorial Identity and Development: From Topophilia to Terraphilia // *Land Use Policy*. 2010. Vol. 27(3). P. 810.

В контексте исследования локальной идентичности как ресурса развития важными являются наработки И.С. Семененко, Е.В. Морозовой и И.В. Мирошниченко, которые, в результате полевого исследования и анализа эмпирических данных, выявили и описали типичные маркеры локальной идентичности в различных локальных сообществах Краснодарского края. Авторы предложили композитную модель локальных сообществ, которая включает в себя набор типичных маркеров, таких как:

- малая родина – место рождения;
- особенности ландшафта и климата;
- значимые исторические события;
- значимые люди;
- экономическая специализация и уровень социально-экономического развития;
- реальные или приписываемые черты коллективного поведения;
- оппозиция другой/чужой.

В процессе формирования локальных сообществ, по мнению авторов, один из вышеперечисленных маркеров может являться доминирующим, тогда как другие являются вспомогательными или выполняют латентные функции.

Учеными была разработана и охарактеризована типология политик идентичности, которая отражает степень включенности субъектов в развитии территории и системность мероприятий, определяющих приоритеты развития:

- реактивная определяется отсутствием общих ориентиров, закрепленных в стратегии развития местного сообщества при ситуативном включении субъектов в мероприятия (как правило, инициированных «сверху»);
- проактивная характеризуется разрозненными и несистемными мерами, реализуемыми некоторыми субъектами политики идентичности в

условиях отсутствия общей институциональной стратегии и видения будущего для последовательной работы над проектами развития;

– активная определяется, прежде всего, целостным пониманием сообщества того, что локальная идентичность выступает ресурсом развития, и последовательными шагами по реализации политики идентичности по разным направлениям, в том числе, её институциональном закреплении в стратегии развития территории⁸⁴.

Внимание к позитивной локальной идентификации, результатом которой видится сформированное у индивида чувство принадлежности к территории и определяется набор элементов, являющихся ключевыми в процессе идентификации, связано с политическими факторами развития территорий. Выработка эффективных способов и технологий работы с негативной идентичностью позволяет решить ряд проблем на локальном уровне: исключенность различных социально-политических групп из проектов развития территорий, низкий уровень местного патриотизма, дезинтеграция из общенационального и регионального историко-символического контекста. Разработка политико-управленческих практик, базирующихся на использовании технологий политики идентичности, актуализирует инструментальное значение локальной идентичности как ресурса развития территорий⁸⁵.

Потенциал политики идентичности в развитии местных сообществ имеет решающее значение для оценки перспектив смены парадигмы политики развития в меняющемся мировом порядке. Появление новых расколов в современных обществах – из-за быстро растущего цифрового разрыва и неравенства между территориями – требует новой повестки дня в области развития для разных уровней политического управления. Внимание к нематериальным ресурсам и административным приоритетам развития

⁸⁴ Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семененко И.С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56–77.

⁸⁵ Русия Н.Т. Позитивная идентичность как ресурс развития на локальном уровне // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2023. № 2. С. 110–113.

негородских территорий в последние годы возрастает в политических исследованиях, особенно в контексте «сельских» исследований в разных регионах мира. Политика идентичности считается нематериальным ресурсом и включает деятельность, направленную на формирование сильной местной идентичности для содействия развитию сообщества⁸⁶.

Политическая наука пока еще не пришла к консолидированной позиции относительно концептуализации локальной идентичности и ее политического измерения.

Территориальная идентичность представляет собой совокупность представлений о принадлежности и привязанности к определенному территориальному сообществу, об общих интересах, возникающих в связи с местом проживания, особой связи с территорией, которая, как правило, имеет свои административные границы, и с функционирующими в пределах данной территории институтами. В свою очередь, локальная идентичность – это низовой уровень территориально-пространственной идентификации, связанный с чувством сопричастности человека с местом его проживания (происхождения), иными словами, конкретной местностью. Локальный или местный уровень пространственной организации жизни сообщества, относящийся обычно к городам, поселениям, микрорайонам и так далее, принято считать наиболее приближенным. И сегодня одним из ключевых ресурсов общественного развития является идентичность, скрепляющая социальные солидарности, выступая социокультурными основаниями государственного суверенитета.

Таким образом, нами были выявлены политологические аспекты содержания понятия локальная идентичность, которые включают процессы влияния локальной идентичности на политику развития, а также политизацию локальной идентичности. Характер локальной идентификации может быть инклюзивный (направлена на включение в политический

⁸⁶ Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семененко И.С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56–77

дискурс региональной и федеральной повестки) и эксклюзивный (противопоставление национальному сообществу), также выделяется позитивная и негативная идентичность на локальном уровне. Все чаще в современных условиях локальная идентичность рассматривается как ресурс развития определенного места – сельского поселения, города, района и так далее. Развитие локальной идентичности и локальной культуры – это одно из важнейших направлений политики местных властей, заинтересованных в удержании жителей, повышении их качества жизни и развитии локального самосознания. Оно способствует не только большей включенности жителей в решение проблем территории, но также объединяет политических акторов, позволяет прийти к консолидированной позиции по поводу повестки дня. Такой консенсус невозможен без согласия по поводу общих целей и ценностей. При проведении грамотной политики идентичности, направленной на создание или сохранение локальной уникальности, усиливается чувство сопричастности местному сообществу, складываются общие смыслы и ориентиры, формирующие его социальный потенциал. Важным условием эффективного развития территории является наличие данных общих смыслов, разделяемых местным сообществом.

1.2 Политика идентичности: основные исследовательские подходы

В качестве аналитической категории политика идентичности прочно утвердилась в научном дискурсе в среде российских исследователей. Актуализация проблематики изучения феномена российской идентичности в условиях глобализационных процессов современности связана с активным вовлечением в процесс геополитического и макроэкономического противоборства информационных стратегий и передовых технологий трансформации общегражданской идентичности. Технологии политики идентичности обладают потенциалом, позволяющим конструировать те или иные типы идентичностей и таким образом создавать основу для

фундаментальных преобразований системы государственных и общественных институтов, политики государства. Принципиально важная роль политики идентичности в современном мире связана с тем, что в условиях глобализации и регионализации для ряда обществ она становится основанием для самоопределения и ключевым фактором интеграции.

Политика идентичности на государственном уровне выполняет важные функции формирования национальной и гражданской идентичности населения, символического объединения граждан, предложения единого восприятия наиболее значимых образов «своего» государства. Она направлена на поддержку или оспаривание политизированных форм социальной идентичности различных социальных групп. Силами государства формулируется общий для всех граждан нарратив, использующий общие культурные, языковые и исторические основания. Эффективность политики идентичности является важным фактором социального развития и во многом определяет экономическое благополучие территории.

Актуализируется потребность в аналитической категории, отражающей социально-политические характеристики реальности как ответ на усложнение социальной архитектуры общества. Понятие идентичности активно используется и тиражируется в теоретическом и практическом социогуманитарном поле, как отмечает известный социолог Зигмунда Баумана: «"идентичность" становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни»⁸⁷.

Впервые термин «идентичность» появился в психологической науке, откуда он перешел в широкое междисциплинарное поле. Термин связан с именем психолога Эрика Эриксона, который сформулировал авторскую концепцию психосоциального развития личности, в которой подробно описал стадии развития личности. Идентичности автор определял одно из центральных мест среди социально-психологических характеристик: «В

⁸⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.

социальных джунглях человеческого существования без чувства идентичности нет ощущения жизни».

Несмотря на то что у Эриксона в работах идентичность рассматривается как психологическая категория, он указывает на взаимосвязь с социальными и политическими процессами и явлениями: «идентичность и идеология – два аспекта одного процесса. Оба создают необходимые условия для дальнейшего созревания индивида и этим для следующей, более высокой формы идентификации – солидарности, связывающей общие идентичности в единую – живущую, действующую и созидующую». Созданная Э. Эриксоном концепция идентичности получила широкое распространение, и, по справедливому замечанию В.С. Малахова, именно с этого момента категория «идентичность» вошла в междисциплинарный научный обиход⁸⁸. В представлении Н.Л. Поляковой, теорию идентичности Эриксона можно рассматривать как один из «первых вариантов конструктивистского подхода к решению вопроса интеграции социального действия и социальной структуры»⁸⁹.

Следующим важным этапом активного развития теории идентичности стали работы авторов символического интеракционизма – Дж. Г. Мида, Ч. Кули и других. В концепции «Зеркального Я» Чарльз Кули описывает как формируются представления человека о себе: через представление о том, как он выглядит в глазах других, через реакцию других на него, а также через ответ человека на воспринятые реакции общества. По Ч. Кули, человек конструирует персонификацию, основываясь на рефлексии реакций, приписываемых другим⁹⁰.

Если Ч. Кули рассматривал процесс идентификации через призму реакций «другого», то Дж. Герберт Мид процесс формирования идентичности связывал с двумя стадиями: первая соотносит конструирование

⁸⁸ Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–53.

⁸⁹ Полякова Н.Л. «Идентичность» в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 22–42.

⁹⁰ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.

идентичности с отдельными установками «значимых других» как итога социальных действий, совершаемых совместно; вторая предполагает принятие установок «обобщенного другого». В качестве «обобщенного другого» могут выступать как объекты нематериальной культуры и физического окружения, так и конкретные формальные и неформальные институты, например, политическая партия, позицию которой по отношению к различным вопросам может разделять индивид⁹¹.

Продолжают тему социального, но смещают фокус внимания с личностного на институционально-групповое, А. Тэджфел и Дж. Тернер. Авторы вводят понятие социальной идентичности и определяют её основные компоненты: когнитивный – признание принадлежности к группе, ценностный включает оценку этого факта соотнесения себя с группой (положительная или отрицательная), эмоциональный – переживание факта принадлежности и его оценки. Формирование групповой идентичности включает в себя как выделение «своей группы» по отношению к «чужой группе», так и склонность рассматривать свою собственную группу положительно, в отличие от чужой группы. У индивида актуализирована потребность не просто быть частью группы, но и осознавать, что данная группа по определенным параметрам лучше других. А. Тэджфел и Дж. Тернер в своих исследованиях писали, что «условное разделение людей на группы может порождать пристрастное отношение к собственной группе (внутригрупповой фаворитизм) и пренебрежение по отношению к членам других групп, даже в условиях отсутствия тесных взаимоотношений между ними»⁹². Несколько лабораторных и полевых исследований эмпирически подтвердили, что когда группы представляют угрозу друг для друга, эффект идентификации усиливается. Отрицательные характеристики чужой группы могут быть следствием восприятия чужих групп как конкурирующих за

⁹¹ Мид Дж. Г. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. М., 1994.

⁹² Turner J.C. Social Comparison and Social Identity: Some Prospects for Intergroup Behaviour // European Journal of Social Psychology 1975. № 5. P. 5–34; Tajfel H., Turner J. C. An Integrative Theory of Inter-group Conflict / W.G. Austin & S. Worchel (Eds) The Social Psychology of Inter-group relations. Monterey, 1979.

ресурсы⁹³ и когда группы рассматривают чужую группу через призму истории напряженных отношений (например, как в исследовании идентичности чернокожих африканцев среди этнических групп и их отношения к другим этническим группам до и после выборов⁹⁴).

Таким образом, можно отметить, что сложилась традиция исследований идентичности в психологии, антропологии, социологии, однако в политической науке некоторое время исследования идентичности проводились для осмысления фундамента политической активности ранее ущемленных социальных групп и меньшинств (расовых, этнических, конфессиональных и др.), члены которых отстаивают свою идентичность через консолидацию в протестные сообщества, противопоставленные «большинству»⁹⁵. Во второй половине XX века в публичном и академическом дискурсе идентичность утверждалась как ключевой фактор политической борьбы. Социально-политическая активность маргинализированных ранее групп, которые были идеологически и ценностно разнонаправленными, однако объединены общей идеей несправедливости по отношению к ним, требовала пересмотра теоретических объяснительных моделей со стороны общественных наук. Такой подход в контексте политологического исследовательского дискурса можно назвать *миноритарным*.

Коллективный поиск идентичности и социальный плюрализм способствуют развитию новых социальных движений, которые попадают в фокус анализа социальных и гуманитарных наук. Такие сообщества дают индивидам чувство принадлежности к чему-то большему, основанному на социальных и психологических потребностях, и носят надындивидуальный

⁹³ Cooper J., Fazio R.H. The Formation and Persistence of Attitudes that Support Intergroup Conflict / S. Worchel & W. Austin (Eds) Psychology of Intergroup Relations (pp. 183–195). Chicago, 1986.

⁹⁴ Duckitt, J., Mphuthing, T. Group Identification and Intergroup Attitudes: A Longitudinal Analysis in South Africa // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. № 74. P. 80–85.

⁹⁵ Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / под. ред. И.С. Семененко. М., 2017.

характер⁹⁶. Ярким примером исследовательских работ этого периода можно считать труды Кэрол Гиллиган «Иным голосом»⁹⁷ и Нэнси Чодороу «Воспроизведение материнства»⁹⁸, где авторы размышляют над тем, почему женщины не достигают такого же статуса в обществе, как мужчины.

Новые движения хорошо описываются идентичностью сопротивления (реакция дискриминируемых групп на их угнетенное положение) и проективной (создание новой идентичности через преобразование всей социальной структуры), представленной в классификации М. Кастельса⁹⁹. Легитимизация статуса ранее ущемленных групп требовала принятия мер со стороны государств для ослабления социальной напряженности и снижения уровня протестных настроений. Представители таких групп идентичностей, базирующихся на противостоянии, стремятся к политической автономии, признанию своего статуса через пересмотр нормативно-правового регулирования в области занятости или диверсификации учебных программ с целью обеспечения равенства с другими группами¹⁰⁰.

Маргарет Сомерс в то же время пишет о новых концептуальных трудностях, связанных с упрощением представлений о той или иной группе в контексте такого представления о политике идентичности. Так, например, представителей феминистских теорий, рассматривающих исключительно половые различия, не устраивают сообщества «цветных» феминисток, которые игнорируют фундаментальные различия, связанные с расовой, этнической, религиозной принадлежностью и др.¹⁰¹

Подход эссенциалистов, в котором различия понимаются как нечто естественное и неизменное, стал объектом критики со стороны социальных

⁹⁶ Галушина Н.С. Механизмы формирования идентичности в социальных движениях: на материале русскоязычного Интернета // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 8 (41). С. 134–154.

⁹⁷ Gilligan, C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge, 1982.

⁹⁸ Chodorow, N. The Reproduction of Mothering. Berkeley, 1978.

⁹⁹ Castells M. The Power of Identity. Cambridge, 1997.

¹⁰⁰ Kurzwelly J., Pérez M., Spiegel A.D. "Identity Politics and Social Justice" // Dialectical Anthropology. 2023. № 47. P. 5–18.

¹⁰¹ Somers M. The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach // Theory society. Dordrecht. 1994. Vol. 23, № 5.

конструктивистов, предлагающих более «гибкую» интерпретацию идентичности. В рамках конструктивистской парадигмы, которая прежде всего связана с именами П. Бергера и Т. Лукмана, сформулировавшими теорию социального конструирования реальности, вся окружающая реальность – результат нашего конструирования и интерпретации. Именно специфический способ взаимодействия индивида с окружающим миром, проявляющийся в конструировании социальной реальности, отличает общество от животной среды. Бергер и Лукман разрешают важнейшие проблемы социальной науки: с одной стороны, описывая повседневность как определяющую социальную практику, что выводит социальные науки за грань сугубо теоретического знания, с другой – синтезируя идеи европейских и американских социологов (речь прежде всего о феноменологической концепции общества Альфреда Шюца и теории социальных институтов Толкотта Парсонса)¹⁰².

Идентичность в теории Бергера и Лукмана выступает центральной категорией. Авторы отмечают, что «идентичность, безусловно, является ключевым элементом субъективной реальности»¹⁰³. Логика формирования идентичности, согласно конструктивистскому подходу, заключается в тезисе о том, что индивид – средоточие множества идентичностей, образующих некую суммарную идентичность. Современные социальные системы производят новые социальные институты и практики, которые обеспечивают основу для конструирования новых идентичностей, в том числе гибридных. Конструктивистский подход считается перспективным, когда речь идет о социологическом осмыслении и анализе новых и старых форм идентичности, некоторые из которых являются вызовами современному миропорядку¹⁰⁴.

¹⁰² Осипова Е.Д. Трансформация социальных практик: концепция П. Бергера и Т. Лукмана в условиях кризисного общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 2. С. 69–79.

¹⁰³ Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

¹⁰⁴ Антонова Н.Л., Бусыгин А.Г. Идентичность как социальный феномен: теоретико-методологические основания социального конструктивизма // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2 (132).

Невозможно переоценить вклад Зигмунда Баумана в современную конструктивистскую концептуализацию идентичности, который рассматривал данную категорию через призму глобализационных процессов. Бауман предлагает рассматривать идентичность с учетом её множественности, приводя примеры наднациональных и гибридных идентичностей. Автор отмечает, что идентичность формируется на всем жизненном пути личности, «финальный аккорд» отсутствует, а идентичности функционируют в процессе постоянного пересмотра, в то время как личность, имеющая неизменный набор ценностей и паттернов поведения, «все больше рассматривается как признак социокультурной неполноценности или ограниченности». Таким образом, З. Бауман продемонстрировал траектории эволюции идентичности в условиях современных вызовов и рисков и соотнес феномен индивидуализации с непрерывным процессом формирования идентичности¹⁰⁵.

Отметим, что не все авторы согласны с применением конструктивистской методологии в качестве аналитического инструментария в исследованиях идентичности. Так, Роджерс Брубейкер отмечает, что конструктивистский подход «не может полностью удовлетворять требованиям социального анализа» идентичности, так как представляет данную категорию размыто и неоднозначно¹⁰⁶. Выдвигается тезис о том, что исследователи часто прибегают к категории «идентичность», вследствие чего она теряет инструментальную и объяснительную работоспособность. Обобщив все аналитические представления о феномене идентичности, Брубейкер и Купер выделяют пять комплексных измерений идентичности, к которым относят: основание и продукт для социальных или политических действий, феномен коллективной самости, элемент индивидуальной/групповой самости, продукт конкурирующих дискурсов¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Bauman Z. Migration and Identities in the Globalized World // *Philosophy & Social Criticism*. 2011. Vol. 37, № 4. P. 425–435.

¹⁰⁶ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.

¹⁰⁷ Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity» // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. № 1. P.6.

Одни из ключевых позиций в процессе формирования идентичности занимают государство и политические элиты. Тезис о том, что этносы, нации и народности являются результатом сознательной политики элитных групп, можно найти в работах Э. Хобсбаума и Б. Андерсона. В книге «Изобретение традиций», вышедшей под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, описывается идея о том, что большая часть национальных традиций являются изобретенными, а для понимания происхождения наций и национальной идентичности необходимо изучить роль и функцию «изобретенных традиций». Все «изобретенные традиции» автор определяет в три группы: первая (по мнению автора, преобладающая) символизирует и выражает социальную близость, отображает идентификацию сообществ и наций; вторая группа традиций служит легитимации статусов, институтов, авторитетов; третьи формируют ценности, правила и нормы общества¹⁰⁸.

Таким образом, можно выделить несколько ключевых позиций, демонстрируемых в изучении идентичности с позиции конструктивизма:

- идентичности представляются конструктами, которые создаются индивидами;
- идентичность обладает динамическими характеристиками, которые трансформируются в течение жизни;
- на конструирование идентичности оказывает влияние социальный и политический контекст;
- акторы (индивиды, группы и общества) имеют относительную свободу в процессе самоопределения;
- идентичность обеспечивает интеграцию общества: у каждого члена даже небольшого сообщества есть воображаемый образ данного сообщества;
- базовым механизмом функционирования идентичности является рефлексивность.

Конструктивизм предлагает системный взгляд на процессы и механизмы формирования идентичности как динамической категории. С

¹⁰⁸ The Invention of tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983.

точки зрения постструктуралистов, субъект приобретает свою идентичность в процессе дискурсивного структурирования социального мира, она при этом подвижна, многослойна и неоднозначна. Значимый вклад в разработку идентификационных процессов внесли работы Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, которые определяли идентичность как результат дискурса социальных практик, где субъект имеет разные возможности идентификаций. В процессе социального взаимодействия одни варианты идентификации становятся более приоритетными, другие – менее. При этом социальные группы, которые потенциально актуализируют иные варианты идентификации, являются «другими». Описывая механизм конструирования идентичности, Лакло и Муфф описывают выстраивание себя посредством описания «мы» через определение «они» (или внешнего составляющего), находящееся в отношениях социального антагонизма с «другим». При таких условиях центральными аспектами в процессе конструирования идентичности являются отношения сходства и различия (логика эквивалентности и логика различия), а также унификационный эффект узловых точек¹⁰⁹.

Идеи Муффа также помогают решить проблему соотношения гражданства и групповых идентичностей, отводя гражданской идентичности компромиссное место в синтезе коммунитаристской теории и либеральных идей: гражданство здесь не есть одна идентичность среди многих, но и не господствующая, она артикулирует идентичности, воздействующие на субъективные позиции социальных агентов, при этом уважая личностную свободу¹¹⁰. Усложнение структуры идентичности требует применения идей и смыслов постструктуралистского подхода, который наиболее актуален при анализе, например, системы символов.

Новое измерение в осмыслении политики идентичности придает взгляд П. Бурдьё, который представляет направление конструктивистского

¹⁰⁹ Laclau E. *The Making of Political Identities*. London, 1994; Mouffe Ch. *On the political*. London, 2005.

¹¹⁰ Mouffe Ch. *Democratic Politics and the Question of Identity // The Identity in Question*. NY, 1995.

структурализма – синтеза теоретических положений конструктивизма с французской структуралистской традицией. Сам термин «политика идентичности» (identity politics) утвердился в западной научной литературе в рамках анализа социально-политических изменений Бурдье, он определяет политику идентичности как производное идентификационных процессов разного уровня и вместе с этим описывает её как инструмент реализации интересов, основанных на представлении концептов «Мы» и «Я». В основу этих представлений ложатся субъективные знания индивида об окружающем мире, а воздействие на него выражается в политическом действии¹¹¹. По мнению Бурдье, одной из основных частей управления является реализация символической власти при установлении социальных классификаций и иерархий. С одной стороны, идентичность, формирующая социальную общность и основанная на коллективной памяти, является результатом символических систем общественных институтов. С другой стороны, она порождает другие символические системы, лежащие в основе символической политики, исторического образования в школах и университетах, политики памяти¹¹².

В работах Энтони Гидденса обосновывается процесс оформления идентичности, где базовым механизмом функционирования является рефлексивность, а ключевым компонентом является интерпретация социальной действительности самим индивидом. Как отмечает Гидденс, идентичность выполняет защитную функцию, формируя чувство безопасности через рефлексию в повседневных практиках. Самоидентичность в представлении Гидденса – рефлексивный проект: индивид производит постоянно корректируемое биографическое повествование (о прошлом или будущем) в контексте многовариантности

¹¹¹ Бурдье П. Описывать и предписывать. Заметка о возможности и границах политической действительности // Логос. 2003. № 4–5. С. 33–41.

¹¹² Красноборов М.А. Управление формированием территориальной идентичности в рамках конструктивистского подхода Пьера Бурдье // Теория и практика общественного развития. 2017. № 10.

выбора, тесно связанного с существующими абстрактными системами¹¹³. Развивает тему свободы выбора идентичности Мануэль Кастельс, определяя идентичность через процесс конструирования значения на основе «культурного атрибута или связанного с ним набора культурных атрибутов, которому отдается приоритет над другими источниками смысла»¹¹⁴. Иными словами, акторы имеют относительную свободу в процессе самоопределения. Данный тезис поддерживает Самюэль Хантингтон, говоря об идентичностях как о воображаемых сущностях и обращая внимание на то, что даже определение врожденных и наследуемых характеристик поддаются трансформации «пускай даже с практическим применением этого определения впоследствии возникают сложности»¹¹⁵.

В отечественной литературе термин «политика идентичности» стал активно использоваться чуть более десятилетия назад в контексте конструирования ценностно-смыслового содержания макрополитической идентичности¹¹⁶. В современном научном дискурсе определяется широкое толкование политики идентичности, базирующееся на анализе субъектов и практик, конструирующих идентичности политических сообществ. В таком контексте под политикой идентичности понимается деятельность по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности¹¹⁷.

Для современных исследователей политической науки чрезвычайно важным является разграничение категорий «политика идентичности» и «политическая идентичность». При этом в сообществе политологов принято разделять термины *identity politics* и *identity policy*. Е.Ю. Цумарова соотносит политику идентичности (*politics*) с исследованиями политических движений, борющихся за идентичности, тогда как как политику идентичности как *policy*

¹¹³ Гидденс Э. Модерн и самоидентичность // Современная теоретическая социология. М., 1995.

¹¹⁴ Castells M. *The Power of Identity*. Malden, 2004.

¹¹⁵ Хантингтон, С. Кто мы: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2018.

¹¹⁶ Малинова, О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.

¹¹⁷ Семененко И.С. Политика идентичности: меняющаяся повестка дня // Символическая политика. М.: ИНИОН РАН, 2016.

связывает с «ролью политических элит в процессе формирования новых политических сообществ»¹¹⁸. В контексте данного исследования нам более близким представляется разграничение данных категорий О.Ю. Малиновой, которая рассматривает identity politics через «конкуренции широкого круга социальных акторов в связи с конструированием идентичностей конкретных групп и продвижением их интересов», а identity policy понимает как «совокупности целенаправленных действий институциональных акторов, прежде всего – государства»¹¹⁹. Политическая идентичность определяется как установка на эмоциональные представления индивида о своей принадлежности к политической группе. Индивид с выраженной политической идентичностью чувствует свою общность с группой, считает ее интересы своими и готов действовать в их защиту. Как субъективная составляющая политического процесса, политическая идентичность имеет первостепенное значение для понимания мотивации политического действия и выбора моделей политического поведения.

Описывая механизмы по конструированию национальной идентичности на примере государства Сингапур, И.С. Семененко подчеркивает, что без демократизации политических институтов полиэтничное авторитарное государство с однопартийной системой рискует оказаться в положении беспомощности перед возрастающей атомизацией общества на фоне конфликта между западными идеалами и традиционными ценностями¹²⁰.

Несмотря на относительно недавнюю академическую традицию изучения идентификационных процессов в разрезе политической науки в нашей стране, существует ряд работ, освещающих системные проблемы государственной политики идентичности. В исследовании 2019 года,

¹¹⁸ Цумарова Е.Ю. Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. 2012. № 2. С. 5–16.

¹¹⁹ Малинова О.Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: Проблемы концептуализации // Символическая политика. Вып. 5 Политика идентичности. М.: ИНИОН РАН. 2017. С. 7–12.

¹²⁰ Семененко И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // ПОЛИТЭКС. 2011. № 2. С. 5–24.

проведенное О.В. Поповой, представлены результаты экспертного опроса, затрагивающего вопросы и проблемы государственной политики идентичности. С помощью дискурсивного анализа были проанализированы стенограммы двадцати экспертных интервью, в которых эксперты обратили внимание на следующие важные аспекты реализации политики идентичности в России: невозможность эффективного сочетания государственной политики идентичности с «политикой различий» (соответствующей потребностям современного информационного общества с его многообразными каналами получения информации), неизбежность внутренних межэлитных конфликтов, отсутствие консолидированной позиции граждан по отношению к государственным символам, истории государства, историческим личностям, отсутствие единого понимания акторами сути политики идентичности и их конкуренции за финансовые, технические и организационные ресурсы¹²¹.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что в современном понимании политика идентичности представляет собой более широкую категорию, своего рода политический курс, в котором возможно сочетание поддержания различий вкупе с надгрупповыми солидарностями. Другой отличительной чертой современного понимания политики идентичности современные авторы видят её многосубъектность, в реализации которой принимают участие государство, политические элиты, бизнес-сообщество, СМИ, общественные организации и отдельные лидеры мнений. Такой *макрополитический подход* наиболее эффективен в анализе политики локальной идентичности, так как даёт возможность оценить всю палитру акторов политики идентичности, их стратегий и технологий.

В контексте интерпретации через макрополитический подход нами была сформирована теоретическая модель политики идентичности, имеющая конструктивистские и постструктуралистские основания (рисунок 2).

¹²¹ Попова О.В. Государственная политика идентичности в экспертных оценках российских политологов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4 (61). С. 50–56.

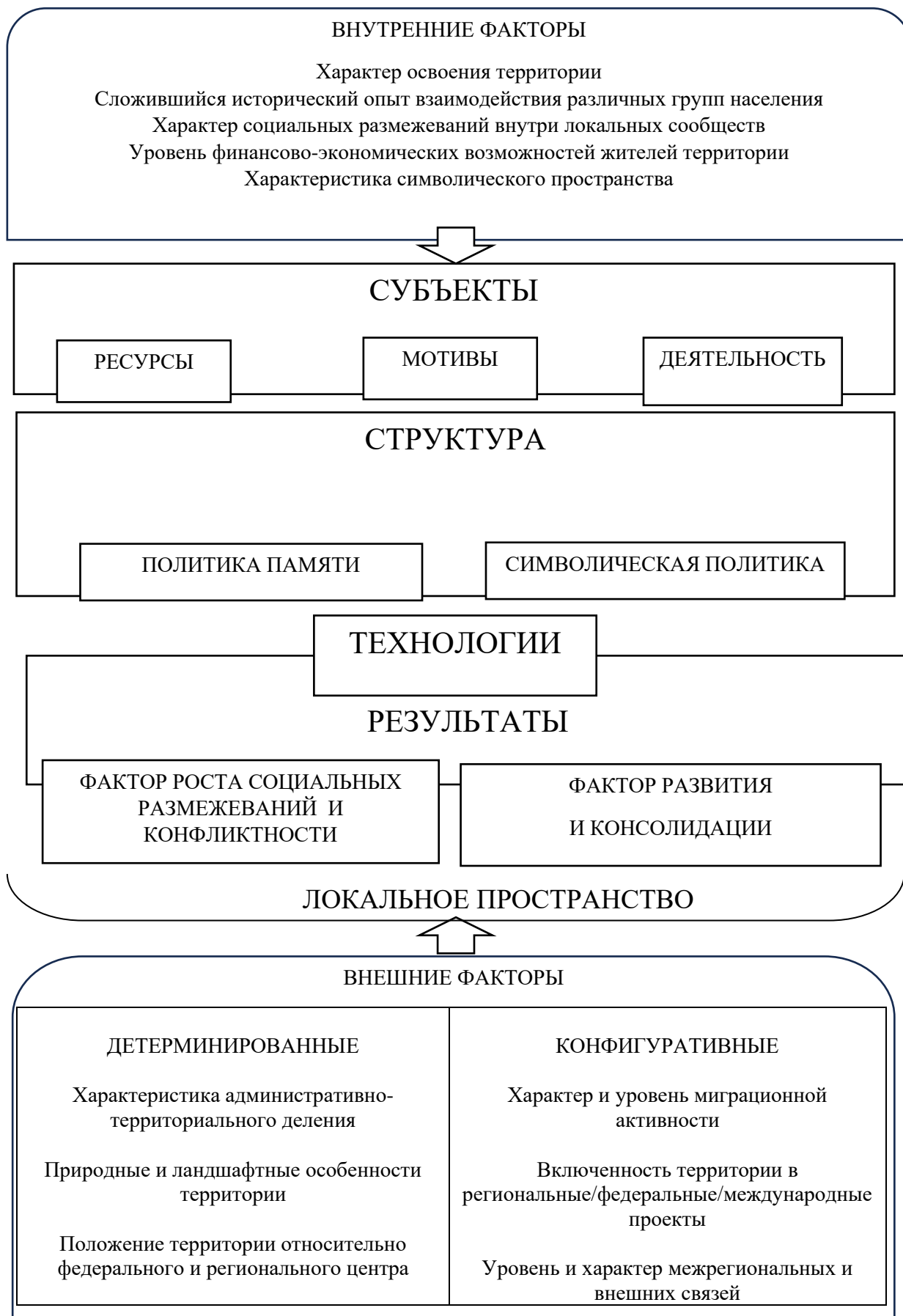

Рисунок 2 – Модель политики идентичности на локальном уровне

Данная модель отражает набор статичных и динамических характеристик и может быть использована для описания реализуемой политики идентичности на различных пространственно-территориальных уровнях, в том числе локальном. В зависимости от условий и каналов формирования, которые базируются на целенаправленных или стихийных мотивах, локальная идентичность может служить ресурсом развития и консолидации территории (включение различных групп в проекты развития, совместный поиск и привлечение ресурсов, создание стратегии развития на основе общего видения будущего) или выступать фактором конфликтности (активизация агрессивного этноцентризма, конкуренция среди социальных и политических акторов в связи с продвижением их интересов). Авторская модель политики идентичности на локальном уровне включает следующие структурные компоненты: субъекты, каждый из которых обладает уникальным набором ресурсов и разнообразными мотивационно-деятельностными характеристиками: структуру, актуализирующуюся через технологии символической политики и политики памяти, а также результаты, выступающие фактором консолидации и развития территории либо фактором конфликтности. В основе всех вышеперечисленных компонентов лежит пространство территории, а на реализацию политики идентичности на локальном уровне оказывает влияние набор внешних и внутренних факторов. Субъектами политики идентичности в городских и сельских сообществах выступают органы местного самоуправления, бизнес-сообщество и предприниматели, партии и общественно-политические движения, этнические сообщества и диаспоральные объединения, СМИ и блогосфера, культурные и образовательные учреждения, лидеры сообществ, гражданские организации/объединения, а также религиозные организации. Важным элементом представленной модели также является набор внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на свойства всех внутренних компонентов. Набор внешних факторов, оказывающих влияние на территорию извне, делится на две группы: детерминированные (включает

параметры административно-территориального деления, особенности природы и ландшафта, положение относительно федерального и регионального центра и др.) и конфигуративные (характер и уровень миграционной активности, включенность территории в региональные/федеральные/международные проекты, уровень и характер межрегиональных и внешних связей и др.). Внутренние факторы, характеризующие свойства процессов и явлений внутри территории, представлены особенностями освоения территории, сложившимся историческим опытом взаимодействия различных групп населения, уровнем финансово-экономических возможностей жителей территории, характеристикой символического пространства, а также характером социальных размежеваний внутри локальных сообществ.

Категория «идентичность», которая изначально зародилась в поле психологических исследований, в настоящее время занимает заметное место в разных областях социально-гуманитарного знания, имеет мощный когнитивный потенциал и обладает широким арсеналом методов изучения, встроенных в различные методологические подходы. Политика идентичности формулируется и реализуется политическими субъектами, направлена на определенный объект, имеет институциональную инфраструктуру и использует определенные технологии. Данный параграф посвящен концептуальной базе изучения идентификационных процессов в плоскости политологического анализа, обобщению и систематизации теоретико-методологических подходов к изучению политики идентичности в контексте современных политических и общественных трансформаций. Рассмотренные нами в настоящем теоретическом параграфе ключевые положения теорий и концепций идентичности могут служить теоретическими ориентирами в понимании политики идентичности на локальном уровне. Конструктивистский и постструктуралистский подходы раскрывают возможности концептуализации политики идентичности в условиях турбулентности современного социума. Идеи постструктуралистов

(символический капитал и обмен, двойная структуризация, система диспозиций индивида) могут быть полезны для формирования целостного представления о субъектах и технологиях политики идентичности. Обращение в конструктивистскому пониманию идентичности как социального феномена позволяет рассматривать идентификацию как нелинейный, динамичный процесс, а идентичность – как конструкт, создаваемый на протяжении всей жизни. Прикладная польза использования конструктивистского подхода заключается в формировании представления о роли различных акторов в конструировании политики идентичности на локальном уровне и механизмов разработки ими стратегий развития территорий.

Таким образом, мы можем наблюдать переход в политологическом научном дискурсе от миноритарного подхода в исследовании политики идентичности (фокусируется на общественном признании и легитимности ущемленных в своем социальном статусе меньшинств и групп) к макрополитическому, отличительная черта которого – анализ деятельности различных субъектов политического процесса, реализуемых ими технологий и практик по формированию и поддержанию различных форм макрополитической идентичности.

Подводя итог анализа теоритико-методологических оснований исследования политики идентичности, можно отметить, что в связи с усилением роли городов, районов и сельских территорий в качестве акторов социально-политических процессов, внимание политологического сообщества стало чаще привлекать исследование идентификационных процессов низового (локального) уровня. В качестве научной категории локальная идентичность характеризуется многомерностью, она разделяется между различными научными направлениями, а также производит в среде ученых определенные сложности, которые выражаются в противопоставлении между «естественным» происхождением и социальным конструированием. В условиях усиления мобильности в современном мире происходит размывание культурных и ценностных ориентиров, на

территориях городов и сельских поселений проявляется социальная дифференциация с пересечением различных идентичностей, которые создают сложный рисунок социально-политических взаимодействий.

В научном дискурсе политических наук произошел коренной сдвиг в исследовательской оптике изучения политики идентичности. Если на первых этапах в фокусе внимания исследователей была система ценностей и моделей поведения, составляющих основу для декларирования меньшинствами права на отстаивание собственной идентичности, то современный период исследования политики идентичности характеризуется поиском ученых объяснительных моделей и технологического комплекса для формирования и поддержания различных форм территориальной и макрополитической идентичности с учетом её многосубъектного характера. В современном понимании политика идентичности представляет собой более широкую категорию, своего рода политический курс, в котором возможно сочетание поддержания различий вкупе с надгрупповыми солидарностями. Другой отличительной чертой современного понимания политики идентичности является её многосубъектность, в реализации которой принимают участие государство, политические элиты, бизнес-сообщество, СМИ, общественные организации и отдельные лидеры мнений. Такой *макрополитический подход* наиболее эффективен в анализе политики локальной идентичности, так как даёт возможность оценить весь набор субъектов политики идентичности, их стратегий и технологий.

В соответствии со сформулированной автором теоретической моделью политика идентичности на локальном уровне включает следующие элементы: внешние и внутренние факторы, влияющие на характеристики локального пространства, субъекты с набором уникальных ресурсов и мотивацией, структура, которая проявляется через символическую политику и политику памяти, и результаты, отражающиеся в нарастании конфликтности и социальных размежеваний или в консолидирующих форматах и развитии территории. Характер локальной идентичности может

быть инклюзивный (направлена, с одной стороны, на включение в политический дискурс региональной и федеральной повестки, с другой – на интеграцию всех субъектов политики идентичности локального уровня на решение социально-экономических проблем территории) и эксклюзивный (противопоставление национальному сообществу в вертикальной проекции и выключенность отдельных групп населения из решения проблем территории в разрезе горизонтальных связей локального сообщества), позитивный и негативный. На уровне индивида локальная идентичность способна стать опорой социокультурных оснований через сформированный комплекс идейных и символических установок, в связи с чем в современных условиях локальная идентичность рассматривается как ресурс развития определенного места (сельского поселения, города, района), который раскрывается через консолидирующий потенциал, реализующийся в практиках социально-политического взаимодействия разных субъектов в рамках политики идентичности.

2 Институциональные и процессуальные основы политики идентичности на локальном уровне

2.1 Субъекты формирования локальной идентичности и их ресурсный потенциал

Политика конструирования идентичности на любом уровне, как и другие политические процессы, представляет собой сложную систему из структурных характеристик, включающую институты, субъекты, ресурсы и стратегии¹²². Постановка в центр исследовательского фокуса локального уровня из матрицы пространственно-территориальных идентификаций позволяет конкретизировать данные по ресурсным возможностям субъектов конструирования локальной идентичности, сложившимся стратегиям их взаимодействия и политическим эффектам результатов данных процессов.

И.С. Семененко отмечает, что государство является центральным субъектом политики идентичности и «использует институты социализации и инструменты публичной политики для легитимации властных институтов и для организации взаимодействия социальных субъектов вокруг определенной повестки дня, для вовлечения граждан в такие взаимодействия»¹²³. Действительно, государство во многих странах выступает ключевым субъектом политики идентичности. Н. В. Гришин, анализируя роль государства в конструировании идентичности, отмечает, что успешность и эффективность реализуемой политики требует уточнения в определении целей, конкретизации индикаторов мероприятий¹²⁴. Структура субъектов политики идентичности на местном уровне может быть сложной и более разветвленной, чем на федеральном и региональном уровнях.

¹²² Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России: рамки анализа // Полит.ру. URL: https://polit.ru/article/2010/05/18/gelman_vlast/ (дата обращения: 10.09.22)

¹²³ Семененко И.С. Политика идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь мир, 2017.

¹²⁴ Гришин Н.В. Государство как субъект политики формирования идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 66–72.

Для выявления ресурсного потенциала и результатов деятельности в контексте политики идентичности каждого из выделяемых субъектов, а также определения вклада субъектов в развитие сельских и городских территорий нами был проведен экспертный опрос среди представителей академического сообщества, имеющих научные работы по политике идентичности и отдельным её компонентам. В исследовании приняли участие 40 экспертов из ведущих университетских и академических структур Краснодарского края, Астраханской области, Республики Адыгея, Пермского края, Республики Татарстан, Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Нас интересовал вопрос, какие субъекты главным образом осуществляют политику идентичности (в значении *identity policy*) на локальном уровне и существуют ли значимые различия набора субъектов на городских и сельских территориях. В поле социально-политических исследований накоплен значительный материал, посвященный агентам политики идентичности регионального уровня, где формальными институциональными преимуществами обладают региональные политические элиты, выступающие доминирующими субъектами региональных идентичностей¹²⁵, однако на локальном уровне распределение основных субъектов будет выглядеть иначе, хотя бы в силу иного статуса политических элит, не входящих в систему государственной власти. Для подтверждения предположения о различиях в распределении субъектов политики идентичности на региональном и локальном уровне первый блок вопросов для экспертов был сформулирован с целью ранжирования субъектов по их вкладу в реализацию политики идентичности. Были выделены следующие субъекты:

- органы местного самоуправления;
- бизнес-сообщество и предприниматели;

¹²⁵ Докучаев Д.С., Назукина М.В. «Элитарный» регионализм в России: проблема взаимоотношений власти и интеллигенции (на материале Пермского края и Ивановской области) // Интеллигенция и мир. 2013. № 3. С. 18–33; Ачкасов В.А. Этническая и региональная идентичность в российском поле политики // ПОЛИТЭКС. 2005. № 1. С. 68–82; Бедерсон В.Д. Персоналистские образы как ресурс политики региональной идентичности в субъектах Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2016.

- партии и общественно-политические движения;
- этнические сообщества и диаспоральные объединения;
- СМИ и блогосфера;
- культурные и образовательные учреждения;
- лидеры сообществ;
- гражданские организации/объединения;
- религиозные организации.

Нами также было выдвинуто предположение, что существуют значимые различия по эффекту от деятельности разных субъектов политики идентичности для городских и сельских территорий. Это подтвердилось в ответах экспертов, которые определяли ранги по вкладу субъектов в политику идентичности с дифференциацией по типу территории (таблица 1).

Таблица 1 – Ранжирование субъектов по их вкладу в реализацию политики идентичности на локальном уровне (на материалах экспертного опроса)

Наименование субъекта	Ранг по вкладу в политику идентичности сельских территорий*	Ранг по вкладу в политику идентичности городских территорий*	Общий ранг по вкладу в политику идентичности на локальном уровне*
Органы местного самоуправления	8	5	6
Бизнес-сообщество и предприниматели	7	7	7
Партии и общественно-политические движения	9	8	9
Этнические сообщества и диаспоральные объединения	1	4	2
СМИ и блогосфера	6	3	4
Культурно-просветительские сети (культурные и образовательные учреждения)	3	2	3

Продолжение таблицы 1

Наименование субъекта	Ранг по вкладу в политику идентичности сельских территорий*	Ранг по вкладу в политику идентичности городских территорий*	Общий ранг по вкладу в политику идентичности на локальном уровне*
Лидеры сообществ	2	1	1
Гражданские организации/объединения	4	6	5
Религиозные организации	5	9	8

*значение от 1 до 9, где 1 – самый существенный вклад в реализацию политики идентичности, 9 – самый незначительный.

Для села, по мнению экспертов, ключевыми в проводимой политике идентичности стали этнические сообщества (и диаспоральные объединения), лидеры сообществ и культурно-просветительские сети. Автор допускает взаимосвязь между высокой оценкой вклада этнических сообществ и распределением опрошенных экспертов по регионам, в частности большую представленность из Республики Татарстан и Республики Адыгея, где этническое самосознание занимает важное место в структуре мотивации социально значимого поведения. Кроме того, к этническим сообществам в широком смысле относятся и казаки, которые на локальном уровне включаются во все ключевые социально-политические процессы. Самую незначительную роль в данном направлении определили органам местного самоуправления и партиям. На уровне города местная администрация расположилась значительно выше в ранге, однако партии и здесь занимают последние позиции. Роль средств массовой информации и блогосферы в формировании идентичности городских пространств экспертами оценена значительно выше, чем в сельских территориях. Высказанные оценки однозначно свидетельствуют о том, что в контексте реализации политики идентичности деятельность основных властных акторов, имеющих

формальные статус и ресурсы на локальном уровне, едва ли можно назвать эффективной и заслуживающей доверия (*Закрытость органов управления от населения, что вызывает недоверие со стороны людей – Э30-Краснодарский край; Выстроены принципы диалога с местным сообществом, но слабо – Э28-Татарстан*).

Лидеры сообществ, которые были определены экспертами в качестве субъектов политики идентичности с самым высоким потенциалом, действительно оказывают влияние не только на социально-экономическое развитие территорий, но также формируют их имидж и становятся ядром гражданского общества, приобретая политическую субъектность и встраиваясь в институциональные практики публичного управления. Независимо от сферы реализации (экологический активизм, добровольчество, общественная деятельность, предпринимательство и др.) лидеры на локальном уровне имеют возможности конвертации собственных ресурсов в практики решения организационно-управленческих задач территории.

Проиллюстрируем эффективную деятельность лидера бизнес-сообщества как субъекта политики идентичности на локальном уровне на примере села Дмитриевы Горы во Владимирской области, где проживает чуть более тысячи человек, большая часть которых задействована в работе сельскохозяйственного производственного кооператива «Дмитриевы горы», наследника колхоза-миллионника «Большевик». Предприятие занимается несколькими приоритетными направлениями сельского хозяйства: молочное животноводство, растениеводство, а также племенное дело и семеноводство. Руководитель СПК Валентина Сухарева, которой удалось спасти предприятие в период кризиса, в публичных выступлениях и интервью транслирует идею о достойной и обеспеченной жизни в селе: *«Я смотрю на своих односельчан, у многих наших работников по двое-трое ребятишек. Люди обзаводятся семьями, строятся, покупают личный транспорт, значит, наши Дмитриевы Горы – село живое, перспективное, а благодаря*

стабильной работе и достойной зарплате в хозяйстве можно обеспечить семью». Кооператив является показательным для всей области: работает без кредитов, входит в десятку самых прибыльных сельхозпредприятий области¹²⁶, имеет собственный детский сад, школу, клуб, столовую, обеспечивает жильем сотрудников. Деятельность СПК «Дмитриевы горы» встроена в социальную и культурную жизнь села и муниципалитета: ни одно знаковое для территории мероприятие не обходится без публичного выступления Валентины Сухаревой, на производстве регулярно проводятся школьные экскурсии, в местном детском саду за счет кооператива оборудовали «уголок фермера», на Дне села проводится парад техники. Все ключевые политические решения принимаются совместно и при поддержке руководителя кооператива¹²⁷.

Такое позитивное видение будущего при активной преобразовательной деятельности в настоящем демонстрирует высокий уровень сформированности локальной идентичности, а ключевую роль позитивного итога процесса идентификации играет работа руководителя сельскохозяйственного кооператива (*«Судьбы предприятия и деревни неразделимы, они сформировались как единое целое и развиваются вместе»¹²⁸*).

Для городских территорий, по оценкам экспертов, большее значение приобретает деятельность *СМИ*, которые, обладая серьезным ресурсным потенциалом, могут как позитивно, так и негативно влиять на реализацию политики идентичности на локальном уровне. С одной стороны, *СМИ* и блогосфера формируют позитивный имидж территории, служат диалоговой

¹²⁶ Топ-15 самых прибыльных сельхозпредприятий Владимирской области на сегодняшний день // Владимирские новости. URL: https://newsvladimir.ru/fn_1083791.html (дата обращения 21.04.23).

¹²⁷ Во Владимирской области работают новые технологии в сельском хозяйстве // Россия. ГТРК Владимир. URL: <https://vladtv.ru/economy/143898/> (дата обращения 21.04.23); Александр Авдеев побывал на двух аграрных предприятиях Меленковского района // Владимирские новости. URL: <https://vedom.ru/news/2023/04/20/60145-aleksandr-avdeev-pobyval-na-dvuh-agrarnyh-predpriyatiyah> (дата обращения 21.04.23); Все профессии важны. Группа Вконтакте Дмитриевогорской средней школы. URL: https://vk.com/wall-56022692_965.

¹²⁸ Школьников ориентируют на сельское хозяйство. Меленковский район // Официальный сайт органов местного самоуправления. URL: <https://www.melenky.ru/home/novosti/73-city/3742-shkolnikov-orientiruyut-na-selskoe-khozyajstvo>

площадкой и создают продуктивное коммуникативное взаимодействие субъектов политики идентичности на локальном уровне для разных категорий жителей и местной власти, информируют о значимых для территории символах, событиях и персоналиях, с другой стороны – могут выступать проводниками конфликтного дискурса, способствовать поляризации общества (например, разделение на местных и приехавших), а также давать поверхностную оценку происходящим событиям (*потому что журналисты малообразованны и не любят вести сложную дискуссию – Э31-Краснодарский край*).

Формирование картины мира на локальном уровне в значительной степени обеспечивается местными средствами массовой информации: телеканалами, газетами, радиопередачами, каналами в онлайн социальных сетях и др. В медиадискурсе местных СМИ информация о событиях освещается через призму ценностных, социокультурных и этнорелигиозных особенностей территории. На уровне местных СМИ ещё большую важность приобретает обратная связь, которая обеспечивает единство коммуникативного пространства.

Очевидно, что архитектура медиаландшафта в каждом городе и сельском поселении уникальна. Однако за последние несколько лет обозначилось несколько общих тенденций, влияющих на медиaproстранство¹²⁹:

– в связи с уходом крупных зарубежных работодателей и введением санкций на типографское оборудование с рынка печатных СМИ уходят многие печатные издания, в том числе локальные (например, перешла в цифровой формат ростовская независимая газета о жизни села «Крестьянин»¹³⁰);

¹²⁹ Медиаландшафт в 2023 году: аудитория, контент и генераторы повестки // Сетевое издание «Информационный ресурс СКАН». URL: <https://scan-interfax.ru/blog/medialandshaft-v-2023-godu-auditoriya-kontent-i-generatory-povestki/> (дата обращения: 21.04.23)

¹³⁰ «Совесть не позволяет»: почему в Ростове закрывают издание о жизни села // РБК. URL: <https://rostov.rbc.ru/rostov/29/06/2022/62bc075d9a7947fa4e279f3f> (дата обращения: 21.04.23)

– в условиях неопределенности медиапотребление растет: наибольшие всплески активности приходится на время выхода резонансных новостей (абсолютные пики посещаемости СМИ за последние годы были отмечены в периоды локдауна и начала специальной военной операции);

– несмотря на доминирование общественно-политических новостей, в настоящее время набирают обороты медиапроекты в сфере культуры, образования, дизайна, HR, туризма и поддержки предпринимательства;

В 2022 году совершила скачок в цитируемости «Сеть городских порталов» – проект Shkulev Media Holding, который объединяет 46 городов от крупных миллионников (Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск) до средних и малых (Курган, Чита, Салехард)¹³¹. В каждом из городов, охваченных сетью проекта, обеспечивается работа сайта, Telegram-канала, группы ВКонтакте и других онлайн социальных сетей. Локальным городским медиа трудно выдерживать конкуренцию с крупным медиахолдингом, который, расширяя сеть присутствия, на каждой конкретной территории принимает решение о соотношении глобального и локального в медиаповестке. Несмотря на освещение новостей города, публикацию спецпроектов и представленность на всех востребованных площадках, «Городские порталы» не формируют локальное сообщество и не сотрудничают с жителями на основе принципов вовлечения и соучастия. Все спецпроекты, размещенные на сайтах «Городских порталов» (виртуальные экскурсии, истории героев, прямые эфиры, многосерийные обзоры и др.), – материалы, подготовленные по заказу работодателя.

Пример другого медиапроекта, который преследует иные задачи, – интернет-журнал Enter в Казани, который позиционируется как лайфстайл-издание, освещающее новости города: открытие новых публичных пространств, городские инициативы и проекты в историях жителей, продвижение локальных брендов. Цель журнала обозначена как «показать,

¹³¹ Городские порталы // Shkulev Media Holding. URL: <https://shkulevholding.ru/structure/portals/> (дата обращения (дата обращения: 28.04.23)).

как сильно способен измениться город благодаря его жителям»¹³². Редакция организует и сопровождает межсубъектное взаимодействие, организуя совместные проекты с местными бизнесменами, органами власти и муниципальными службами. Так, например, совместно с МУП «Водоканал» города Казани журнал размещал серию плакатов на местах ремонтных работ по водоснабжению и водоотведению. В первый раз на плакатах размещали юмористические тексты с целью разнообразить городской ландшафт на время проведения ремонтных работ, что, по мнению авторов, позволит «показать, что ремонтные работы – точно не навсегда». Такая инициатива была позитивно воспринята жителями города, и организаторы раскрыли идею в тематических плакатах к нескольким последующим праздникам: Международному женскому дню, Новому году и Дню космонавтики (рисунок 3).

Рисунок 3 – Проекты Enter и «Водоканал»

Медиа Enter не только освещают культурную жизнь города, но и сами являются инициаторами крупномасштабных проектов: в 2021 г. при поддержке мэрии Казани был организован мультиформатный фестиваль

¹³² О проекте // Enter. URL: <https://entermedia.io/about/> (дата обращения: 28.04.23).

«Профсоюзная» (включающий мастер-классы, интерактивные экскурсии, открытые дискуссии об актуальных проблемах города, ряд развлекательных площадок), который посетили более 20000 человек. Фестиваль также можно отнести к эффективным практикам повышения электоральной активности молодежи: он проходил во второй день выборов в Государственную Думу, для проголосовавших были предусмотрены скидки в заведениях–партнерах фестиваля¹³³.

Таким образом, медиапространство Enter в Казани выступает площадкой для обсуждения проблемных вопросов, обмена мнениями по актуальной повестке в онлайн и офлайн пространстве, а также является «голосом» локальной идентичности, формируя сообщество активных граждан, продвигая местные проекты и привнося положительные изменения в облик территории.

За последнее десятилетие в значительном количестве городов начали работу локальные медиа. Вот некоторые успешные проекты в российских городах, которые демонстрируют положительную динамику развития и являются субъектами, формирующими локальную идентичность.

Журнал «Балтийский Бродвей» вместе с интернет-изданием «Твой Бро» издает материалы о городской культуре Калининграда, преимущественно о локальной гастрономии. Журнал активно освещает локальную повестку: выпускает статьи об истории города и его жителях, настоящих событиях и позитивных преобразованиях Калининграда и другие материалы (*Сделано в Калининграде: что удивительного создают местные креаторы*, *Тренд на локальность: подборка подарков из Калининграда*, *Приготовлено в Калининграде: кто развивает локальную гастрономию и где попробовать балтийскую кухню*). Схожую направленность имеют интернет-журнал о современном Курске «МОРС»¹³⁴, городское общественно-

¹³³ День выборов в Казани: ешь, танцуй, иди в музей // Kazanfirst. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/559097> (дата обращения: 28.04.23).

¹³⁴ Интернет-журнал «Морс». URL: <https://morsmagazine.ru/> (дата обращения: 28.04.23).

политическое издание Иркутска и Иркутской области «Верблюды в огне»¹³⁵, медиапроект «Пойма» в Волгограде¹³⁶, медиа о жизни Йошкар-Олы «Топь»¹³⁷, сочинский журнал SCAPP¹³⁸.

Культурно-просветительские сети как для городских, так и для сельских сообществ выполняют важнейшие задачи, связанные с сохранением и передачей ценностей и норм территории, при этом являясь флагманом конструирования социальных изменений. Проиллюстрируем работу учреждений культурно-просветительских сетей по конструированию локальной идентичности на примере современных локальных музеев, которые все чаще в последнее время попадают в фокус внимания органов государственной власти. Так, в 2022 году запущена масштабная реформа по модернизации муниципальных музеев (в государственном каталоге музейного фонда РФ зарегистрировано 3376 музеев, из них 1818 являются муниципальными¹³⁹), которая затрагивает вопросы повышения квалификации музейных работников, организации научно-исследовательской, научно-просветительской и культурно-образовательной деятельности в пространстве музеев, повышения качества хранения, безопасности и реставрации музейных предметов¹⁴⁰. В соответствии с поручением Президента РФ В.В. Путина до 2024 года планируется модернизировать 450 локальных музеев, на эту меру поддержки выделено более 4 млрд рублей¹⁴¹. В некоммерческом секторе музейное дело также становится приоритетным направлением. Конкурсы по поддержке музейных проектов уже 20 лет поддерживает Благотворительный фонд В. Потанина: с 2003 года фондом впервые была реализована программа «Меняющийся музей в меняющемся

¹³⁵ Проект «Верблюды в огне». URL: <https://verbludvogne.ru/> (дата обращения: 10.02.23).

¹³⁶ Проект «Пойма». URL: <https://poymamagazine.ru/> (дата обращения: 10.02.23).

¹³⁷ Медиа «Топь». URL: https://t.me/topyo_media (дата обращения: 10.02.23).

¹³⁸ Интернет-журнал. URL: <https://sochi.scapp.ru/> (дата обращения: 10.02.23).

¹³⁹ Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/> (дата обращения: 10.02.23).

¹⁴⁰ Методические рекомендации по модернизации муниципальных музеев на основе модельного стандарта деятельности муниципального краеведческого музея. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://culture.gov.ru/upload/iblock/2d1/2d175d2d81958a56a1fa0a15e56c8d9a.pdf> (дата обращения: 10.02.23).

¹⁴¹ Правительство утвердило постановление о переоснащении муниципальных музеев // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/44109/> (дата обращения 01.12.2022).

мире», на смену которой пришла программа «Музей без границ», действующая по настоящий момент. Итогом деятельности данного направления фонд видит трансформацию музея в современный открытый социальный институт, являющийся центром инноваций и просвещения, а также субъектом социально-экономического развития территорий России¹⁴².

Примером, когда музей выступает в качестве субъекта актуализации локальной идентичности, можно считать музей села Вятское в Ярославской области. В 2006 году меценат Олег Жаров начал реставрацию и восстановление архитектурных памятников, 15 из которых на сегодняшний день являются музеями (Музей кухонной машинерии, Музей «Вятского торгующего крестьянина», Музей русских забав и др.). Из полузаброшенного села Вятское стало туристическим центром, имеющим статус историко-культурного комплекса, который в год посещает 300 тыс. туристов. В 2019 году Вятское было внесено в предварительный список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, а в 2022 году комплекс получил статус музея федерального значения, что является первым случаем в России для частного музея. 150 жителей из 1000 проживающих в селе прошли дополнительное обучение и стали работать в комплексе, несмотря на то что на первых этапах данный проект вызывал сопротивление и неприятие местных жителей¹⁴³¹⁴⁴. Таким образом, благодаря усилиям и инициативе одного предпринимателя, объединившего вокруг своей утопической идеи жителей, умирающее село с богатой историей стало большим музейным комплексом с собственным сайтом, со статусом одной из самых красивых деревень России и выраженной локальной идентичностью. Музей как автономный субъект формирования коллективных идентичностей и «инструментарий

¹⁴² Благотворительная программа «Музей без границ». URL: <https://fondpotanin.ru/upload/iblock/eeb/wwngnw3n7d684gataxq81s1ywu4s91ed.pdf> (дата обращения 01.12.2022).

¹⁴³ Деревня навзрост: зачем бывший математик инвестировал в село Вятское миллиард // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/484537-derevna-na-vyrost-zacem-byvsij-matematik-investiroval-v-selo-vyatskoe-milliard> (дата обращения 01.12.2022).

¹⁴⁴ Чем знаменито село Вятское Ярославской области // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/11/02/reg-cfo/chem-znamenito-selo-viatskoe-iaroslavskoj-oblasti.html> (дата обращения 01.12.2022).

политической власти» в русле конструктивистского подхода рассматривается в работе московских исследователей И.А. Гринько и А.А. Шевцовой¹⁴⁵.

Невозможно обойти стороной этнический и религиозный факторы, а также субъекты политики идентичности на всех уровнях, представляющие различные этнические группы и диаспоральные объединения. Исследование концептуальных основ формирования межнационального согласия средствами политики идентичности на примере полиэтничных территорий является чрезвычайно актуальным. В работе М.Ю. Мартынова, В.С. Пуртовой была установлена корреляция между оценкой респондентами состояния межэтнических отношений и деятельностью политических акторов в сфере политики идентичности¹⁴⁶. Изучение деятельности диаспор и этнических объединений в контексте настоящего исследования приобретает значимость в связи с процессами политизации этничности, актуализированными не только в национальных республиках, но и на территории полиэтничных регионов РФ. При этом важным аспектом является гибридный характер идентификации представителей диаспор, которые, с одной стороны, являются носителями идентичности страны исхода (в некоторых случаях даже не родившись и не бывав в ней, но транслируя общие ценности и формы коллективной памяти о родине), с другой – новой территории. В современных диаспорах неизбежно происходит процесс институционализации: различные структуры и институты создаются с целью поддержания связей между членами диаспор, поддержания культурных традиций и решения общих социальных вопросов. В дальнейшем может происходить политизация подобных институтов, которые, организуя общественно-политические движения или партии, на разных уровнях встраиваются в политический процесс¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Гринько И.А., Шевцова А.А. "Реанимируя Андерсона": музей и карта в формировании современных идентичностей // Культурологический журнал. 2015. № 1(19). С. 9.

¹⁴⁶ Мартынов М.Ю., Пуртова В.С. Этническая и гражданская идентичность // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 149–157.

¹⁴⁷ Прохоренко И.Л. Диаспоры и диаспоральные «миры» // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь мир, 2017.

Этническая идентичность может встраиваться в локальную и осознаваться жителями территории как атрибут уникальности места. Этнические символы зачастую закрепляются в официальных символах. Например, в районах Республики Башкортостан на гербах часто встречается орнамент племен башкирских народов: на гербе Иглинского района изображена орнаментальная композиция из народных узоров представителей минских и кудеевских родов, потомки которых проживают на данной территории, схожий родовой знак (золотая «тамга») вписан в центр герба Аскинского района. Герб Нуримановского района изображает солнце в исполнении башкир кудейского рода, потомки которых – значительная часть населения района (рисунок 4).

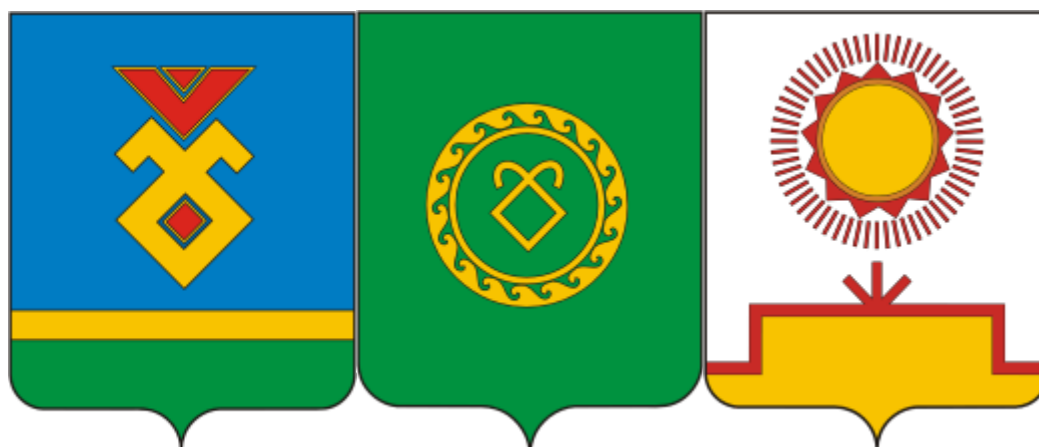

Рисунок 4 – Гербы Иглинского, Аскинского и Нуримановского районов Республики Башкортостан

Религия и язык также относятся к значимым компонентам этнической идентичности на территориях России. На территориях Чеченской Республики доминирующим маркером является суннитский ислам, в Республике Калмыкия – буддизм, в Туве отличительной чертой стало уникальное сосуществование шаманизма, буддизма и православия. Религиозные институты, имеющие несомненный авторитет у населения, а также многовековой опыт транслирования общечеловеческих ценностей и разрешения социальных, политических и межнациональных противоречий

обладают мощным потенциалом снижения уровня конфликтности. Диаспоральными объединениями также проводится значительная работа в данном направлении. Так, самая влиятельная организация, представляющая интересы греков в России, «Федеральная национально-культурная автономия греков России», в своей миссии обозначает сохранение самобытности и национального самосознания греков, при этом отмечая «обязательную интеграцию греческой диаспоры в уникальную этнокультурную среду российского государства»¹⁴⁸. Такая декларируемая позиция находит отражение в реальных действиях по укреплению межконфессиональных и этнических взаимоотношений на территориях представленности греческих обществ: организация межнациональных форумов и фестивалей¹⁴⁹ и инициирование образовательных и социальных проектов, формирующих культуру межнационального общения и этническую толерантность¹⁵⁰. Органичное включение проектов греческих общин в социокультурное и политическое пространство территорий объясняется схожими духовно-нравственными ценностями: сохранение исторической памяти с ведущим нарративом, отражающим события Второй мировой войны (центральный национальный праздник греков «Охи» является днем памяти об отклонении ультиматума фашистской Италии и фактическим вступлением во Вторую мировую войну на сторону антигитлеровской коалиции), определение особой роли православного христианства в укреплении традиционных ценностей и распространение идеи единства народов России.

В условиях трансформации социального пространства российских регионов, вызванной усложнением социальной структуры, усилением миграционных процессов и созданием новых информационно-коммуникационных технологий, этнические и диаспоральные общности

¹⁴⁸ Официальный сайт Федеральной национально-культурной автономии греков России. URL: <https://rusgreek.ru/fnka> (дата обращения: 12.02.23)

¹⁴⁹ Всероссийский молодежный фестиваль «Крымский маяк» // Официальный сайт Федеральной национально-культурной автономии греков России. URL: <https://rusgreek.ru/festival-krimskii-mayak>

¹⁵⁰ Федеральный образовательный семинар для учителей и преподавателей национальных родных языков РФ прошел в Ростове-на-Дону // Официальный сайт Федеральной национально-культурной автономии греков России. URL: <https://rusgreek.ru/news/3644>

стараются сохранить свой образ жизни и языковые и культурные традиции. В реализации политики идентичности на локальном уровне этнический фактор является чрезвычайно значимым. Для выстраивания долгосрочной стратегии развития конкретной территории важно учитывать все идентификационные характеристики членов местных сообществ, в том числе явление гибридной идентичности, проявления которой не имеют предсказуемого результата.

Каждый субъект политики идентичности на локальном уровне обладает своим уникальным набором ресурсов, которые мы классифицировали в 7 групп:

- концептуальные (осознание роли идентичности для развития территории и фиксация в документах политики идентичности);
- кадровые (наличие ответственных и компетентных людей, в функции которых входит формирование локальной идентичности);
- организационно-управленческие (координация и организация граждан для включения в проекты развития территории);
- материально-финансовые (бюджетные и внебюджетные средства, выделяемые на проекты и мероприятия по формированию местного патриотизма);
- информационные (освещение компонентов и технологий политики идентичности в традиционных СМИ и сетевых ресурсах);
- символические (имиджевые и ценностные основания территории, отображаемые в официальных и неофициальных символах);
- сетевые (социальный капитал местных сообществ, плотность межличностных и институциональных связей и уровня доверия).

Опрошенные нами эксперты определили для каждого субъекта набор ресурсов, которыми он обладает, а также, опираясь на опыт территорий своего региона, сформулировали результат деятельности выделенных субъектов (таблица 2). Визуализация конфигураций всех ресурсов выделенных субъектов отражена в приложении.

Таблица 2 – Характеристика субъектов политики идентичности на локальном уровне

Наименование субъекта	Ресурсы	Позитивные результаты
Органы местного самоуправления	<p>Организационно-управленческие</p> <p>Информационные</p> <p>Материально-финансовые</p>	<p>Выстраивается система участия жителей города в обсуждении стратегических приоритетов для территории (например, концепции благоустройства публичных пространств)</p> <p>Формирование местного сообщества, активно участвующего через различные институциональные практики в развитии своей территории</p> <p>Выстраивание системы взаимоотношений, где жители, гражданские структуры и бизнес стремятся к взаимовыгодному сотрудничеству</p> <p>В условиях кризиса существует возможность оперативно привлечь материальные и нематериальные ресурсы граждан и их объединений</p>
Бизнес-сообщество и предприниматели	<p>Материально-финансовые</p> <p>Сетевые</p> <p>Символические</p>	<p>Усиление брендинга территории (случаи, когда территория отождествляется с местом локализации бизнеса в городе/сельской местности)</p> <p>Формирование ценностей социальной ответственности бизнеса</p> <p>Локальное бизнес-сообщество чаще выступает в качестве субъекта софинансирования инициатив общественных объединений и институтов, оказывает материальную и организационную поддержку</p> <p>Участие в реализации стратегии развития территории, в конкретных программах в коммуникации с органами местного самоуправления и жителями территорий</p>

Продолжение таблицы 2

Наименование субъекта	Ресурсы	Позитивные результаты
<p>Партии и общественно-политические движения</p>	<p>Организационно-управленческие Информационные</p>	<p>Активизация граждан для содействия социально полезным инициативам (совместно с МСУ)</p> <p>Включение в разработку планов развития территорий</p> <p>Реализация программ и проектов по формированию гражданской общероссийской идентичности и воспитанию патриотизма с использованием локального материала</p>
<p>Этнические сообщества и диаспоральные объединения</p>	<p>Символические Сетевые Информационные</p>	<p>Снижение конфликтности и уровня социального напряжения на территории</p> <p>Расширение позитивных представлений о «себе» посредством реализации культурно-просветительских инициатив</p> <p>Развитие этнической идентичности через трансляцию традиций и этнических ценностей</p> <p>Организация сетевой работы по сохранению и развитию этнической культуры и идентичности</p> <p>Поддержание и развитие культурного многообразия территории</p> <p>Накопление опыта в упрочении межэтнического и межконфессионального взаимопонимания и согласия на многонациональных территориях</p> <p>Решение проблем, связанных с реализацией потребностей и интересов этнических групп, проживающих на своей территории</p>

Продолжение таблицы 2

Наименование субъекта	Ресурсы	Позитивные результаты
СМИ и блогосфера	Символические Сетевые Информационные	<p>Создание организованных площадок для дискуссии по волнующим местное сообщество темам</p> <p>Конструирование позитивного имиджа территории; выявление перспективных направлений ее развития; выявление и адекватное освещение проблемных зон в развитии территории</p> <p>Формирование продуктивного коммуникационного взаимодействия субъектов политики идентичности на уровне территории</p> <p>Просвещение и информирование населения о символах, памятных событиях, героях, а также мобилизация на участие в значимых для местного сообщества мероприятиях</p>
Культурно-просветительские сети (культурные и образовательные учреждения)	Информационные Символические Кадровые	<p>Сохранение культурных ценностей и традиций</p> <p>Формирование единого символического пространства локальной территории, развитие человеческого потенциала локальной территории</p> <p>Воспроизведение локальной идентичности, трансляция нарративов, мифов о героях, истории, культуре и др.</p> <p>Передача соответствующих ценностей подрастающему поколению</p>
Лидеры сообществ	Организационно-управленческие Символические Информационные	<p>Формирование команды изменений муниципального образования, разработка и реализация стратегии развития территории с учетом потенциала политики идентичности</p> <p>Популяризация в обществе конструктивных преобразовательных практик</p> <p>Организация взаимодействия с другими субъектами, влияние на общественное мнение за счет человеческого и социального капитала</p>

Продолжение таблицы 2

Наименование субъекта	Ресурсы	Позитивные результаты
Гражданские организации/объединения	Сетевые Организационно-управленческие Информационные	<p>Укрепление социальных связей в местном сообществе, создание институтов межсекторного партнерства, обеспечивающих местное развитие</p> <p>Продвижение социальной солидарности, общественно значимых ценностей через практические инициативы (формирование эко-культуры, развитие патриотизма среди молодежи и др.)</p> <p>Продвижение гражданских инициатив по сохранению культурных ценностей, продвижению образа региона</p> <p>Участие в реализации проектов и программ территориального развития и решения его актуальных проблем</p> <p>Формирование понимания важности идентичности на концептуальном уровне, переход к инструментальному, поведенческому уровню, мобилизация сторонников на общественно полезные действия</p>
Религиозные организации	Символические Информационные Кадровые	<p>Развитие нравственности подрастающего поколения (ограниченный, преимущественно в сельской местности), а также сглаживание негативных эффектов от кризисных процессов с точки зрения их восприятия общественностью, прихожанами</p> <p>Сохранение и трансляция традиционных ценностей</p> <p>Социализирующие действия в рамках прихода, сотрудничество с другими субъектами политики идентичности в идеальной модели</p>

Самым неоднозначным видится результат деятельности СМИ и органов местного самоуправления, которые, обладая значительным набором ресурсов, в ряде случаев имеют деконсолидирующий потенциал. Эксперты отметили негативные результаты работы местного самоуправления,

связанные с ростом недоверия со стороны жителей территории ввиду закрытости органов МСУ от населения, и слабо выстроенные принципы диалога с местным сообществом. Средства массовой информации помимо позитивных эффектов, относящихся к возможностям конструирования имиджа территории и эффективному информационно-коммуникационному сопровождению, по мнению экспертов, могут демонстрировать негативные результаты и служить проводником конфликтного дискурса.

Отметим, что партиям и общественно-политическим объединениям в политике идентичности эксперты отводят второстепенную роль (*Партия будет вести соответствующую деятельность, если заинтересована в определенном сегменте электората в территории, который можно привлечь, используя символы идентичности определенных групп или территории в целом – Э22–Пермский край; Эта задача не стоит в повестке партий – Э16–Краснодарский край*).

Позитивными оценками отмечается деятельность лидеров сообществ, культурно-просветительских сетей и гражданских сообществ, которые решают широкий набор задач, связанных с формированием системы многоуровневой коммуникации для реализации стратегии развития территории и созданием институтов межсекторного партнерства, обеспечивающих местное развитие.

Наибольший дефицит наблюдается в использовании концептуальных и кадровых ресурсов, что обусловлено непониманием политической элитой потенциала локальной идентичности в политике развития территорий, отсутствием закрепления на уровне нормативных документов обязательных компонентов в стратегии развития муниципальных образований, использования нематериальных ресурсов, в том числе в рамках политики идентичности.

Отметим, что в некоторых случаях существует ряд методологических трудностей, связанных с определением статуса субъектов политики идентичности, которые фактически могут находиться на территории

сельского поселения или небольшого города и могут выступать ключевыми агентами формирования локальной идентичности, при этом имея федеральное подчинение и ресурсы (например, музеи и объекты культурного наследия федерального значения). С расширением арсенала технологий и практик федерального центра по формированию общегосударственного исторического нарратива и символического пространства (проведение всероссийских акций «Свеча памяти», «Окна памяти»), а также созданием новых разветвлённых общественно-политических организаций (сеть штабов #МЫВМЕСТЕ, движение детей и молодежи «Движение первых») возникают сложности в определении форматов взаимодействия субъектов политики идентичности на разных уровнях, а также доля «локального» в реализации данных форматов.

Субъектная деятельность в политике идентичности приобретает проактивный характер, когда все ключевые субъекты демонстрируют *кооперативные форматы взаимодействия*, их отношения в политике развития институционализированы. На уровне города или сельской территории исключительны кейсы автономного включения субъекта в реализацию политики идентичности в целом или отдельных её компонентов.

К факторам, определяющим слабое использование ресурсов в реализации политики идентичности, можно отнести:

- дефицит каналов взаимодействия и диалоговых площадок для субъектов с разным набором ресурсов;
- конкуренция в действующих коалициях, продвигающих собственную повестку в поле публичной политики;
- слабая развитость неформальных делиберативных практик на местах;
- отсутствие понимания взаимосвязи локальной и национальной идентичности и возможностей интеграционного потенциала локальной идентичности;
- дефицит необходимых компетенций у отдельных субъектов в реализации политики идентичности на местном уровне.

Таким образом, политика идентичности на локальном уровне характеризуется многосубъектным характером. В качестве субъектов выступают органы местного самоуправления, бизнес-сообщество и предприниматели, партии и общественно-политические движения, этнические сообщества и диаспоральные объединения, СМИ и блогосфера, культурно-просветительские сети (культурные и образовательные учреждения), лидеры сообществ, гражданские организации/объединения, религиозные организации. Субъекты политики идентичности на локальном уровне обладают набором ресурсов, которые можно определить в 7 групп: концептуальные, кадровые, организационно-управленческие, материально-финансовые, информационные, символические и сетевые. В реализации политики идентичности в сельских сообществах важную роль играют этнические и диаспоральные объединения, лидеры и культурно-просветительские сети. В городских территориях значительно проявляется субъектность СМИ, в то время как этнические сообщества в городе встраиваются в политику идентичности в меньшей степени.

2.2 Технологии политики идентичности на локальном уровне: вариативность локальных практик

Осмысление феномена локальной идентичности как ресурса развития территории актуализирует значимость применения политических технологий её конструирования. В рамках реализации политики памяти и символической политики для каждой технологии существует индивидуальный набор специфических приёмов, процедур, методик действий, технико-ресурсных компонентов. Как описывалось ранее, идентичность представляет собой динамичную, непрерывно трансформирующуюся с ходом времени сложную целостную систему, что определяет необходимость при использовании технологий конструирования идентичности учитывать такие факторы как специфика территории (социально-экономические показатели,

географическое расположение, этнорелигиозный состав и др.), которая находится в фокусе технологий политики идентичности, а также сформированность представления о результате (какой тип идентичности конструируется, каким консолидирующим/деконсолидирующим потенциалом обладает).

Технологии, применяемые субъектами политики идентичности на локальном уровне, можно разделить по двум основаниям: по возможности воспроизводства в пределах других территорий – универсальные (возможно тиражировать) и уникальные (повторение на других территориях невозможно), а также по отнесению к одному из компонентов политики идентичности – технологии политики памяти и технологии символической политики.

Использование уникальных технологий обусловлено исключительными географическими, социально-политическими и историко-культурными характеристиками территории. Примером использования уникальной технологии исторической памяти являются казачьи поминовения – комплексные мероприятия, ритуал дани погибшим казакам, проявившим мужество при защите территорий. Так, Тиховские поминовения являются ритуалом благодарности, посвященным полковнику Л.Л. Тиховскому и его казакам, за мужество, проявленное при защите станиц Ивановской и Старонижестеблиевской от горцев. Ежегодные массовые мероприятия, проводимые в первую субботу мая, посвящены событиям Кавказской войны и происходят только на территории поселка Колос Красноармейского района – места расположения Ольгинского кордона. В отличие от уникальных технологий, универсальные воспроизводятся на территориях, обладающих совершенно разным набором характеристик (например, празднование дня станицы, проведение акций «Свеча Памяти», «Бессмертный Полк» и «Окна Победы»).

Политика идентичности независимо от направленности и содержания базируется на коллективном образе прошлого. Государство, как

доминирующий субъект политики памяти, с одной стороны, использует данные для конструирования общего дискурса идентичности (политика памяти), с другой – изменяет и интерпретирует их (историческая политика)¹⁵¹. Соотношение понятий «политика памяти» и «историческая политика» вызывает бурные дискуссии в среде исследователей. Одни ученые говорят о фундаментальных различиях в данных терминах: например, в интерпретации А.Р. Дюкова, политика памяти направлена на формирование идентичностей, тогда как историческая политика является инструментом политической борьбы¹⁵². Несколько иной взгляд на историческую политику предлагают В.В. Бушуев и В.В. Титов, которые связывают историческую политику с деятельностью по исторической аргументации внешнеполитических инициатив одновременно с легитимацией конкурирующих субъектов властных отношений в контексте внутренней политики. При этом, в представлении авторов, политика памяти значительно шире в темпоральном ракурсе, объединяя сюжеты из прошлого, исторический контекст сегодняшнего дня и «образ будущего»¹⁵³. Поддерживает позицию о том, что политика памяти имеет более широкое основание, А.И. Миллер, который отмечает, что историческая политика является частным случаем политики памяти¹⁵⁴. О.Ю. Малинова политику памяти рассматривает в контексте символической политики, как одну из основных её областей¹⁵⁵.

Политика памяти в условиях трансформации глобального политического пространства занимает особое положение в общественно-

¹⁵¹ Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: «Ваш формат», 2017.

¹⁵² Дюков А.Р. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей «политики памяти» // Сайт фонда «Историческая память». URL: http://www.historyfoundation.ru/media_item.php?id=56 (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁵³ Бушуев В.В., Титов В.В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в её формировании (теоретико-методологический анализ) // ЛОКУС: люди, общество, культура, смыслы. 2011. № 4. С. 77–93.

¹⁵⁴ Миллер А.И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ // Символическая политика. 2015. № 3. С. 210–235.

¹⁵⁵ Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312.

политической жизни России. Это подтверждается риторикой политических элит и расширением арсенала практик и технологий для институциональной поддержки национального строительства. Подтверждением актуализации данного направления служит внесение в Конституцию РФ поправки в статью 67, а именно выделение отдельного пункта, в котором подчеркивается значение исторической правды: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»¹⁵⁶. Данная поправка является предпосылкой к инициированию законодательных инициатив различного уровня в поле политики памяти. Так, например, законопроект депутата Государственной Думы И.А. Яровой 2021 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования мер, направленных на увековечение памяти погибших при защите Отечества и защиту исторической памяти» предполагает в качестве одной из мер по популяризации исторического наследия нанесение на памятники информации в виде QR-кода, где будет содержаться историческая справка, документы и иные материалы об объекте. В 2020 году Владимир Владимирович Путин назвал Россию не просто страной, а «отдельной цивилизацией»¹⁵⁷, в 2022 году Президент на Всероссийском школьном историческом форуме подчеркнул, как знание исторического прошлого «позволяет делать верные выводы из прошлого»¹⁵⁸, а в начале 2023 года глава государства призвал сохранять историческую память для реагирования на возникающие угрозы для страны¹⁵⁹.

¹⁵⁶ Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁵⁷ Путин назвал Россию отдельной цивилизацией // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4347719> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁵⁸ Знание истории поможет сделать верные выводы из прошлого, заявил Путин // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220419/istoriya-1784245449.html> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁵⁹ Путин призвал сохранять историческую память // РБК. URL: <https://ria.ru/20230118/pamyat-1845725875.html> (дата обращения: 12.04.2023).

Коммеморативные технологии, направленные на увековечение событий, памяти о людях, которые через символическое отображение транслируют ценности, важные для локального сообщества.

Установка памятников как наиболее распространенная практика коммеморацию выполняет задачи по консолидации местных сообществ, самоопределения «малых» народов, а также легитимизации нарративов на локальном уровне. Памятники являются не просто украшением и объектом искусства, но и важной составляющей пространства территории.

Иллюстрацией использования коммеморативных технологий для демонстрации самобытности территории служит открытие в 2012 году в городе Ижевске памятника Трокаю Борисову, который является первым удмуртом, получившим высшее медицинское образование, этнографом и общественным деятелем. При жизни активно продвигал удмуртский язык и культуру, а также стал основоположником идеи удмуртской автономии, за что был обвинен по сфабрикованному делу и репрессирован. Посмертно Трокай Борисов был реабилитирован и стал символом национального духа удмуртского народа. По инициативе общества удмуртской культуры «Дэмен» 2011 г. был объявлен годом Трокая Борисова, в честь него в Ижевске проводились научные конференции, книжные выставки, а также учреждена памятная медаль, которой награждаются лица, внесшие значительный вклад в этническое возрождение удмуртов¹⁶⁰. Через установку памятников актуализируется и другая стратегия – включение в общероссийский культурно-исторический нарратив.

Некоторые инициативы, связанные с возведением памятников, вызывают негативную реакцию общественности и отдельных политических групп. В Республике Бурятия за последние 15 лет бурно обсуждается проект установки памятника Чингисхану, который, по преданиям, родился возле

¹⁶⁰ Шубин Л.Л., Савельев В.Н., Гасников В. К. Борисов Трофим Кузьмич - у истоков государственного здравоохранения Удмуртии // Медицинский альманах. 2017. №1 (46). С. 30–32; Т.К. Борисов. У истоков Удмуртской автономии // Алнашский историко-литературный музей муниципального образования «Алнашский район». URL: <https://alnashimuseum.udm.muzkult.ru/news/60257829> (дата обращения: 12.04.2023).

села Кункур Агинского района¹⁶¹. Несмотря на то что проект памятника не был поддержан, персоналистский образ Чингисхана используется в имиджевой политике республики: например, проект «Волшебная страна “Баргуджин-Токум”» (название этноисторической области в северной части монгольской метаэтнической общности стало общереспубликанским брендом), который включает проведение фестивалей, организацию туристических маршрутов, экспедиций¹⁶².

Однозначно позитивный эффект имели все инициативы, связанные с увековечением подвига медицинских работников в пандемию коронавируса COVID-19. Памятники, которые посвящены героизму врачей, и символизируют борьбу с пандемией, были установлены в Москве¹⁶³, Челябинске¹⁶⁴, Нижнем Новгороде¹⁶⁵ и других городах России.

Образовательные технологии.

В выступлении на Совете по межнациональным отношениям в 2013 году Президент В.В. Путин выделил ключевую роль школы в формировании культуры межнациональных взаимоотношений и выдвинул идею о создании единого учебника для средней школы по истории России «в рамках единой логики непрерывной российской истории»¹⁶⁶. Несмотря на многолетнее обсуждение концепции новых учебников и последующее издание тиража единого учебника под новой редакцией, пособия по истории все еще попадают под критику Президента, по мнению которого, недостаточно внимания уделяется отдельным событиям¹⁶⁷.

¹⁶¹ Бизнесмены Бурятии поддержат возведение памятника Чингисхану в Аге // Байкал-Daily. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/86290/> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁶² Чингисхан станет брендом Республики Бурятия // Центр Льва Гумилёва. URL: <https://www.gumilev-center.ru/chingiskhan-stanet-brendom-respubliki-buryatiya/> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁶³ В Москве открыли памятник врачам, борющимся с COVID-19 // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12433987> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁶⁴ В сквере в центре Челябинска установили памятник врачам, спасающим больных ковидом // Челябинск онлайн. URL: <https://74.ru/text/gorod/2021/06/23/69987131/> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁶⁵ В Нижнем Новгороде открыт памятник врачам, боровшимся с COVID-19 // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5757704> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁶⁶ Заседание Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт Администрации Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17536> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁶⁷ Путина удивили школьные учебники, где не говорится о Сталинградской битве // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20210421/istoriya-1729245183.html> (дата обращения: 12.04.2023).

Образовательные технологии в контексте изучения истории в большей степени работают на формирование национальной (история России) и региональной идентичности (краеведение). Однако в школьные и университетские курсы по краеведению интегрируются виды учебной деятельности, которые соотносятся с формированием локальной идентичности. Например, в примерной программе курса «История Самарского края» предусмотрена подготовка сообщений/презентаций на тему «Мои земляки на фронтах Великой Отечественной войны», «Их имена носят улицы моего города, села»¹⁶⁸.

Образовательные технологии также могут использоваться в практике работы негосударственных акторов, работающих автономно или в партнерстве с другими субъектами. Примером последней стратегии является проект «Екатеринбург – город семи районов», инициированный волонтерским сообществом (при поддержке музея истории и администрации города) и получивший финансирование Фонда Президентских грантов в 2018 году¹⁶⁹. Один из этапов реализации проекта предполагал широкую образовательную программу про историю районов Екатеринбурга, с содержанием которой можно ознакомиться и после завершения проекта на специально созданном ресурсе, который и на сегодняшний день актуален и обновляется (рисунок 5).

¹⁶⁸ Примерная рабочая программа учебного курса «История Самарского края». URL: <chrome-extension://efaidnbmninnibpcapjpcglclefindmkaj/https://rcneftegorck.ru/wp-content/uploads/2022/04/istoriya-samarskogo-kraja-programma.pdf> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁶⁹ Екатеринбург – город семи районов // Сайт Фонда президентских грантов. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=33A108DB-81BB-4E5D-AB95-B297D2A16151> (дата обращения: 12.04.2023).

Рисунок 5 – Информационный ресурс о районах Екатеринбурга

Благодаря данному проекту в городе сформировалась прочная сеть единомышленников, увлеченных историей города и его отдельных районов (участников и организаторов серии экскурсионных маршрутов, создателей сувенирной продукции, вдохновленной достопримечательностями Екатеринбурга, авторов книг с воспоминаниями о городе, поддержанных проектом). В ходе реализации проекта получилось консолидировать разрозненный опыт и знания отдельных групп и граждан через сеть волонтерских объединений, используя ресурсы библиотек, школ искусств, музеев и других социально-культурных учреждений.

Более масштабный проект, направленный на развитие креативного предпринимательства на территориях всей страны и реализующий ряд образовательных программ, – онлайн-платформа «Мастера», которая входит в экосистему для обмена опытом между локальными сообществами в рамках фонда поддержки творческих индустрий «Креативные практики». В задачи экосистемы входит исследование креативной среды на территории России, разработка стратегий развития инновационно-креативного сектора, обеспечение работы медиапроектов, освещающих актуальные тренды развития современной культуры и креативной экономики, а также формирование сообщества профессионалов, способствующих развитию

креативного капитала российских городов через обучение. Данный проект реализуется фондом поддержки творческих индустрий «Креативные практики» совместно с программой социальных инвестиций «Родные города» компании «Газпром нефть».

Технологии использования публичных пространств.

Социокультурное и политическое пространство территории определяется не только её зафиксированным физическим значением, но также символическими компонентами, которые основаны на образе территории. Символы территорий, в том числе в публичных пространствах населенных пунктов, представляют собой не просто ландшафтный или архитектурный объект, но становятся важными смысловыми единицами, которые играют важную роль в формировании сообществ территорий¹⁷⁰. Исследователи городских пространств отмечают, что город является многофункциональной средой, что определяет многослойность городской идентичности, в которой у одного человека может формироваться сложный образ горожанина – не просто носителя формального статуса, а активного преобразователя городского пространства¹⁷¹.

В последние десятилетия значительно изменился подход к работе с публичными пространствами, которые не только фиксируют памятные места, сохраняют самобытность локуса и являются атрибутом социально-исторической преемственности, но также формируют цельный образ территории. С осознанием важности выполняемых публичными пространствами функций, особенно для городских территорий, политические акторы переосмысливают символическое значение пространств, что актуализируется в проектах благоустройства различного уровня. В мировой практике любопытным с точки зрения сохранения локальной идентичности через знаковое публичное пространство является кейс «Парко Дора» в

¹⁷⁰ Яковлева М.В. Особенности социологического анализа городской символики как фактора формирования идентичности горожан // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2008. № 1. С. 83–90.

¹⁷¹ Правоторова А.А., Кондратьева У.Г. Теоретические основания исследования городской идентичности // Творчество и современность. 2018. № 2 (6). С. 69–79.

Турине. Турин был важным промышленным городом в XIX веке, его промышленные районы появились в основном вдоль берегов реки Дора-Рипария, так как этот поток использовался для электроснабжения машин. После того как большинство этих предприятий закрылись в 80-х годах, в центре города были созданы огромные площади для реконструкции. С 1998 года власти города провели переоценку объектов для поиска им применения и начали осуществление крупномасштабной программы по реконструкции территории. Парк Дора, охватывающий 45 га, самый крупный из проектов уже известного тогда архитектора Петера Латца и его команды. Ранее на территории парка располагались сталелитейный и сталепрокатный завод Fiat Ferriere Piemontesi и производство автопокрышек Michelin. Авторы проекта сохранили аутентичные детали промышленного наследия предприятий и вписали их в облик территории. Так, например, старая труба сталелитейного завода превратилась в колокольню новой церкви Санто-Вольто, а архитектура самой церкви продумывалась в контексте органичной интеграции в окружающее промышленное пространство (рисунок 6) ¹⁷².

Рисунок 6 – Церковь Санто-Вольто в Турине

¹⁷² Фролова Н. Постиндустриальная долина. «Парко Дора» в Турине, созданный бюро Latz + Partner на берегах реки Дора-Рипария // Архи.ру. URL: <https://archi.ru/world/54574/postindustrialnaya-dolina> (дата обращения: 12.04.2023).

В практике российских населенных пунктов также становится все больше кейсов проектов благоустройства общественных пространств с сохранением самобытности территории, являющейся маркером локальной идентичности её жителей. На примере реновации двух публичных пространств – парка около ДК Саид-Галиева (пос. Дербышки) и Парка культуры и отдыха им. С. Лазо (г. Владивосток) исследователи из Казани и Москвы разработали комплексную методологию, которая включает ценностный и символический компонент и позволяет сформировать представление о локальной идентичности территории, раскрывая потенциал её развития. К принципам проектирования и реновации публичных пространств с опорой на сохранение «духа места» авторы относят трансляцию маркеров локальной идентичности через архитектуру и дизайн, функциональное разнообразие для активного включения всех категорий жителей, партисипативность (включение местного сообщества в процесс обсуждения проектов, а также учет их потребностей и пожеланий), а также комплексность и синергичность¹⁷³.

Парк около ДК имени Саид-Галиева в пос. Дербышки, относящемся к Казани, имеет ряд важных для горожан символов: центральные объекты парка связаны с памятью о Великой Отечественной войне (особенно важный элемент – монумент в виде противотанковой надолбы, посвященный жителям блокадного Ленинграда, которые были эвакуированы в Дербышки). Некоторые символы пространства были утрачены (сцена и танцевальная площадка), но в памяти жителей остались стойкие ассоциации и ностальгия по ним. Публичное обсуждение проекта включало много этапов, так как перед авторами стояла сложная задача: встроить парк в общее пространство поселка с сохранением в планировочной структуре парка зон для отдыха, спорта, семейного досуга, при этом оставив центральное место теме Великой Отечественной войны. В ходе ряда встреч с жителями поселка проектная

¹⁷³ Саляхова М.Р., Степанчук А.В., Саляхова В.М. Реорганизация городских общественных пространств с учетом сохранения идентичности // Известия КГАСУ. 2022. № 4 (62). С. 129–141.

группа остановилась на ретроконцепции времен оттепели, в которой авторами были отражены возрождение утраченных традиций, воспитательный компонент через пространство, а также ностальгия старшего поколения по атмосфере старого парка. Локальная идентичность актуализируется через дизайн элементов, которые отражают важные вехи в истории поселка (например, малые архитектурные формы и деревянная парковая архитектура отсылают к периоду, когда был открыт знаковый объект – Дворец культуры) (рисунок 7)¹⁷⁴.

Рисунок 7 – Элементы реконструированного парка около ДК Саид-Галиева (пос. Дербышки)

Если парк в пос. Дербышки является завершенным проектом, то Парк культуры и отдыха им. С. Лазо в г. Владивосток, победивший в голосовании за объекты благоустройства по национальному проекту «Жилье и городская

¹⁷⁴ Как парку у ДК им. Саид-Галиева удалось сохранить дух эпохи // Казанские ведомости. URL: <https://kazved.ru/news/kak-parku-u-dk-im-said-galiev-a-udalos-sohranit-duh-epohi-5772172> (дата обращения: 12.04.2023).

среда», находится в процессе реконструкции.¹⁷⁵ На всех этапах планирования и реализации проекта демонстрируется высокий уровень включенности как со стороны жителей, которые участвуют в онлайн (отправка предложений по благоустройству, участие в опросах о ходе реализации) и офлайн (встречи и обсуждения этапов реконструкции) практиках¹⁷⁶, так и со стороны представителей городских властей.

Объекты локального культурного наследия, включенные в пространственную структуру ландшафтов территорий, формируют у жителей визуальное представление об историческом прошлом в данном локусе. Школьные и студенческие проекты, направленные на поддержку объектов исторического наследия, привлекают значительное количество молодых людей, готовых к реализации реальных проектов улучшения своей малой родины. Так, в рамках ежегодного Всероссийского фестиваля «Архитектурное наследие» проводится номинация студенческих работ, где молодые команды, представляющие широкую географию регионов России, презентуют свои проекты модернизации пространств территорий. За годы проведения конкурса студенческими командами были представлены проекты реновации и реставрации объектов архитектурного наследия не только крупных региональных центров и городов-миллионников, но и кейсы локальных территорий – сёл, деревень, небольших городов, что подтверждает актуализацию интереса к сохранению историко-культурного достояния на всех уровнях. Яркими работами в номинации «Творчество студентов архитектурных вузов», отмеченными дипломами, были проекты восстановления усадьбы Березичи-Заречье в Калужской области (2018), реставрации ансамбля усадьбы графа В.С. Храповицкого «Муромцево» в

¹⁷⁵ Благоустройство парка им. Сергея Лазо началось во Владивостоке // Сайт Дирекции общественных пространств города Владивостока. URL: <https://vlparki.ru/news/tpost/vccvmf2l21-blagoustroistvo-parka-im-sergeya-lazo-na> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁷⁶ Владивостокцам предлагают обсудить развитие парка имени Сергея Лазо // Рамблер. URL: <https://news.rambler.ru/sociology/47761897-vladivostoktsam-predlagayut-obsudit-razvitie-parka-imeni-sergeya-lazo/> (дата обращения: 12.04.2023).

Судогодском районе Владимирской области (2018)¹⁷⁷, реставрации комплекса церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы в с. Першинское Курганской области (2019)¹⁷⁸, реновации объекта историко-культурного наследия эпохи модернизма – гостиницы верхней колонии в Новокузнецке (2020)¹⁷⁹ и др. Некоторые проекты после презентации на конкурсе получают поддержку местных властей, освещение в локальных СМИ и дают старт для инициатив граждан и некоммерческих организаций. Например, презентованный в 2020 году проект развития туристско-рекреационных территорий г. Грайворона Белгородской области, в котором была проведена комплексная оценка ресурсного потенциала территорий города и разработана модель туристско-рекреационного комплекса, привлек общественное внимание к территории. На сегодняшний день территория Грайворона участвует в губернаторской программе инициативного бюджетирования «Решаем вместе», часть работ по благоустройству «Петровской кручи» будет профинансирована из федерального бюджета как проекта-победителя VI Всероссийского конкурса по созданию комфортной городской среды¹⁸⁰. В направлении развития туристического потенциала территории включились и местные НКО: в 2022 году центром поддержки сферы культуры и молодежного творчества «Грайкульт» был создан грантовый проект #PROГрайворон, целью которого было создание и продвижение информационной платформы, основанной на локальной идентичности и историко-культурных традициях края¹⁸¹.

¹⁷⁷ Лауреаты Всероссийского фестиваля «Архитектурное наследие» 2018. Сайт Всероссийского фестиваля «Архитектурное наследие» // URL: <https://archnasledie.ru/itogi-festivalya/2018/> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁷⁸ Пост-релиз 2019. Сайт Всероссийского фестиваля «Архитектурное наследие» // URL: <https://archnasledie.ru/itogi-festivalya/2019/> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁷⁹ Пост-релиз 2018. Сайт Всероссийского фестиваля «Архитектурное наследие» // URL: <https://archnasledie.ru/itogi-festivalya/2020/> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁸⁰ На территории рекреационной зоны «Петровская круча» стало светлее // Официальный сайт органов местного самоуправления Грайворонского городского округа. URL: https://grajvoron-r31.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti-193_1146.html (дата обращения: 13.04.2023); В Белгородской области благоустривают рекреационную зону «Петровская круча» // МК Белгород. URL: <https://www.mk-belgorod.ru/social/2022/09/23/v-belgorodskoy-oblasti-blagoustrivayut-rekreacionnuyu-zonu-petrovskaya-krucha.html> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁸¹ Паспорт проекта #PROГрайворон // Сайт министерства общественных коммуникаций Белгородской области URL: <https://xn--90aedc4atap.xn--80af5akm8c.xn--p1ai/public/application/item?id=0c403bb6-816c-4c50-a058-d6d34b11aef4> (дата обращения: 13.04.2023).

Традиции и ритуальные праздники встраиваются в процессы конструирования и поддержания идентичности на всех уровнях. Празднование памятных дат играет ключевую роль в реализации политики идентичности.

Технологии политики памяти на локальном уровне направлены на интерпретацию и оценку исторических событий, а также разработку стратегий формирования представлений об исторической роли локального сообщества.

Значительный пласт исследований посвящен символической политике в г. Пермь. Н.В. Борисова, рассуждая о взаимодействии региональных и локальных акторов политики идентичности, отмечает, что в Перми не в полной мере сформирована символическая политика, так как её основными акторами выступают именно региональные акторы в пространстве города – губернатор и министерство культуры. Автор подчеркивает, что это не говорит об отсутствии символического измерения на локальном уровне, скорее демонстрирует недооцененный потенциал символической политики субъектами локального уровня¹⁸².

Позитивные и негативные ориентации ценностных, эмоциональных и когнитивных компонентов структуры идентичности на местном уровне проявляются в символической политике. Идентификация с сообществом облегчает процесс определения своего места в социальном и политическом пространстве, что особенно важно в периоды отдаления от своей территории. Продвижение местных символов может объединить сообщества, усилить мобилизацию гражданского общества и повысить конкурентноспособность территории.

Актуальность темы развития локальных территорий технологиями символической политики подтверждается рядом проектов, которые фокусируются на ресурсах развития малых городов и сельских поселений и

¹⁸² Борисова Н.В. Городские политические режимы и пространство символической политики // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2010. № 4. С. 48–55.

стремятся их капитализировать. Например, в секции «Креативная среда и урбанистика» VIII Санкт-Петербургского международного культурного форума обсуждались стратегии развития территорий, опирающиеся на локальную идентичность. Обсуждались успешные примеры проектов работы с локальной идентичностью, особенно с использованием технологий символической политики. Успешным примером является Свияжск, в который за последнее десятилетие резко возрос приток туристов. С 2010 года в Свияжске при поддержке фонда «Возрождение» построены дамба, речной вокзал, необходимая туристическая инфраструктура, началась реставрация памятников истории и культуры, а в 2017 году ансамбль Успенского монастыря был включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Также был учтен опыт преобразования ДК советского периода и развития социокультурной жизни самих горожан. В городе Железноводске культурный центр был отремонтирован за шесть месяцев. Архитекторы уделили пристальное внимание аутентичным фактурам, воссоздав первоначальный облик и перезагрузив всю культурную жизнь этого небольшого города. Авторы проекта планируют распространить этот положительный опыт на другие местные объекты¹⁸³.

Мощным инструментом символической политики на разных уровнях являются всевозможные конкурсы, актуализирующие социальную солидарность на локальном уровне.

С 2015 года во Владимирской области проводится конкурс на самую красивую деревню, целью которого является «содействие сохранению и лучшему задействию сельского историко-культурного наследия, развитию сельского туризма и повышению привлекательности сельских территорий». В 2022 году заявки на участие подали 79 населенных пунктов, которые оценивались по нескольким критериям, к которым относились не только эстетичность населенного пункта и наличие в нем историко-

¹⁸³ Локальная идентичность как новая экономика. Наследие // Проект Россия. URL: <https://prorus.ru/interviews/lokalnaya-identichnost-kak-novaya-ehkonomika-nasledie/> (дата обращения: 13.04.2023).

культурных достопримечательностей, но и активность жителей в решении вопросов развития территории, уровень проведения культурных мероприятий и отношение к традициям¹⁸⁴. Ход конкурса активно освещался в СМИ¹⁸⁵¹⁸⁶, а один из этапов предполагал онлайн-голосование авторизованных пользователей на сайте проекта. За 10 дней за претендентов в номинации «Самая красивая деревня с населением до 500 жителей» проголосовало 8293 чел., а в номинации «Самая красивая деревня с населением от 500 до 3500 жителей» – 2875 чел. В группе конкурса ВКонтакте состоит более 3000 подписчиков, за годы проведения конкурса она стала информационной площадкой, которая освещает позитивный опыт развития территорий (из сфер благоустройства, образования, культуры и др.) участников конкурса и других сельских поселений (рисунок 8). На церемонии награждения победителей конкурса врио губернатора Владимирской области обозначил, что в регионе планируется удвоить финансирование комплексной программы развития сельских территорий¹⁸⁷. Государственная программа Владимирской области «Комплексное развитие сельских территорий Владимирской области» согласно постановлению администрации Владимирской области № 904 внедрена с 1 января 2020 года и определяет цели, связанные с сохранением доли сельского населения в общей численности населения региона, повышением доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населенных пунктах, а также достижением оптимального соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств. Достижение значений целевых показателей позволит комплексно развивать сельские территории и решить ряд проблем, ограничивающих их развитие: низкие темпы

¹⁸⁴ Положение о проведении смотра-конкурса самых красивых деревень во Владимирской области – 2022. URL: https://best-village.ru/?page_id=53 (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁸⁵ Стартовала церемония подведения итогов конкурса «Самая красивая деревня Владимирской области» // ГТРК «Россия.Владимир». URL: <https://vladtv.ru/society/136925/> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁸⁶ Владимирцы выбрали самую красивую деревню // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/09/14/reg-cfo/pomerilis-selami.html> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁸⁷ Во Владимирской области выбрали самую красивую деревню // ГТРК «Россия.Владимир». URL: <https://vladtv.ru/society/136961/> (дата обращения: 13.04.2023).

инфраструктурного развития в области здравоохранения, образования, развития дорожной сети и коммуникаций, а также сложная демографическая ситуация, вызванная в первую очередь оттоком молодежи из сельской местности в города¹⁸⁸.

Рисунок 8 – Запись на странице группы «Самая красивая деревня Владимирской области»

¹⁸⁸ Постановление администрации Владимирской области от 20.12.2019 № 904 "Об утверждении государственной программы Владимирской области «Комплексное развитие сельских территорий Владимирской области»

К началу 2021 г. на территории Владимирской области насчитывалось 2,3 тысячи сельских населенных пунктов, сгруппированных в 80 сельских поселений, которые, в свою очередь, объединены в 16 муниципальных районов. Таким образом, в среднем на 1 муниципальный район приходится примерно 146 населенных пунктов¹⁸⁹.

Медийные технологии.

Другим актуальным направлением в сфере развития территорий является использование медийных технологий. Такие проекты инициируются рядом акторов автономно или во взаимодействии с другими субъектами, которыми могут выступать некоммерческие организации и бизнес-структуры.

Общественная организация «Городские реновации» является примером некоммерческой организации, которая вовлекает молодежь в развитие территорий через участие в национальных проектах в сферах благоустройства, экологии, цифровизации, культуры и туризма¹⁹⁰. Молодых людей обучают не только формировать проекты развития территорий, но и эффективно взаимодействовать с органами власти и всеми заинтересованными сторонами, разъясняя их зоны ответственности, ресурсные возможности, описывая механизмы взаимодействия. Одним из направлений деятельности организации являются digital-проекты городского развития, одним из которых является «городские интонации», раскрывающий через медиаформаты позитивные практики преобразования локальных территорий силами инициативных граждан (рисунок 9). Содержание сайта регулярно обновляется (текстовые материалы, подкасты, видео), проект также имеет группу ВКонтакте с 3600 подписчиками¹⁹¹ группу в Telegram с

¹⁸⁹ Государственная программа Владимирской области «Комплексное развитие сельских территорий Владимирской области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/561665049> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁹⁰ Сайт общественной организации «Городские реновации». URL: <https://urbanrenovation.ru/> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁹¹ Городские интонации // Сообщество «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/urbanintonations> (дата обращения: 13.04.2023).

1376 подписчиками¹⁹². Организация представлена в общественном совете Федерального агентства по делам молодежи, Координационном совете при Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, Общественной палате г. Москвы, Всероссийской ассоциации развития местного самоуправления; сотрудничает с социально ответственным бизнесом (например, ПАО «Сибур Холдинг»), взаимодействует с вузами в 52 регионах России¹⁹³.

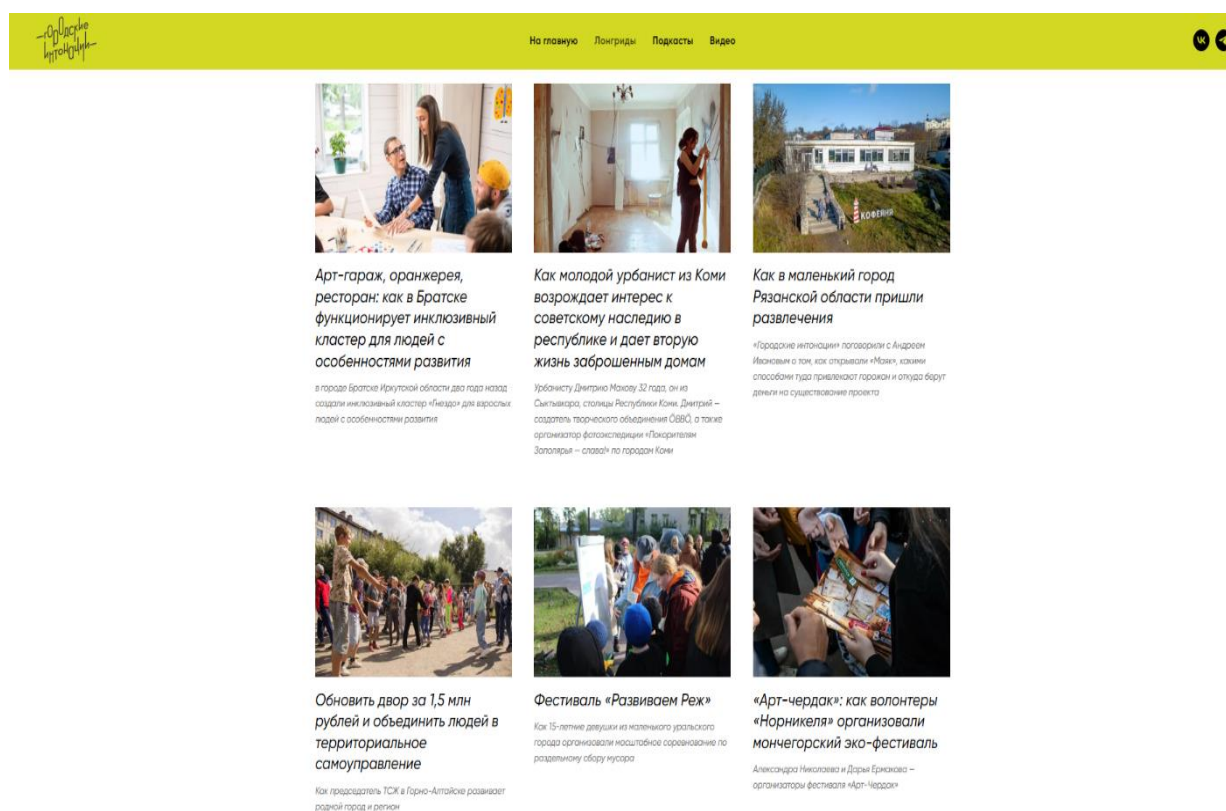

Рисунок 9 – Медиапроект «Городские интонации»

Использование персонифицированных образов.

Персоналистский идентификатор, в интерпретации В.Д. Бедерсона, это «имеющий символическую и семиотическую природу структурный элемент региональной идентичности, отличающийся от иных тем, что в его основе

¹⁹² Телеграм-канал проекта «Городские интонации». URL: <https://t.me/urbanintonations> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁹³ Об организации. Городские реновации// URL: <https://urbanrenovation.ru/renovation/> (дата обращения: 13.04.2023).

лежит образ персоналии (персоналистский/персонифицированный образ)»¹⁹⁴. Полагаем, можно обратиться к данному определению в контексте анализа локального уровня идентичности. Некоторые аспекты, такие как топонимика и именование, традиционно рассматривались географами, историками и лингвистами, о чем свидетельствуют накопленные результаты исследований и различные научные дискуссии по отдельным аспектам. Работы в этой области уже продвинули направление социальной и политической проблематизации рассматриваемых практик, однако концептуализация персоналистских идентификаторов на локальном уровне могла бы стать движущей силой для более систематической и вдумчивой работы властей по конструированию локальной идентичности.

Наглядным примером использования образов исторических личностей в проектах по всей стране являются проекты «Имя героя – школе» и «Великие имена России». Оба проекта предусматривают участие заинтересованных граждан в принятии решений о переименовании (в первом случае школ, во втором – аэропортов в городах России). Проект «Имя героя – школе», инициированный «Народным фронтом России» (далее ОНФ) в 2014 году, предусматривает, что учащиеся будут проводить исследовательские работы в школах и собирать материалы для выбора кандидатуры героя, имя которого будет присвоено школе. Согласно правилам проекта, название училища может быть выбрано из числа героев, имеющих государственные награды, или не имеющих, но признанных в регионе и «внесших свой вклад в защиту Родины, отдавших свои жизни за свою страну, спасших других, ставших примером мужества, отваги и самоотверженности», а также отличившихся в различных боевых действиях и конфликтах (имя героя дек..., 2020). Помимо торжественного присвоения школам имен героических соотечественников проект включает создание школьных музеев, открытие памятных досок и выпуск брошюр о героических поступках. Результатом

¹⁹⁴ Бедерсон, В. Д. В поисках героев: разнообразие персоналистских идентификаторов и политика идентичности в регионах современной России // Символическая политика. 2015. № 3. С. 192–209.

реализации программы организаторы видят консолидацию военно-патриотических организаций вокруг ОНФ.

Еще один общенациональный проект «Великие имена России» был организован в 2018 году с отбором имен выдающихся соотечественников для присвоения российским аэропортам и завершился подписанием Указа Президента России «О присвоении аэропортам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством»¹⁹⁵. По итогам проекта два аэропорта получили имена певцов (Высоцкий и Хворостовский), 10 – ученых, три – художников, четыре – командира и пять – среагировали на имена царей. И самая большая группа – космонавты, авиаконструкторы и пилоты. Эффект от реализации проекта, заявленного организаторами конкурса (Общественной палатой Российской Федерации, Российским историческим обществом, Русским литературным обществом, Русским географическим обществом и Российским военно-историческим обществом), связан с «сохранением исторической памяти и духовных традиций». Переименование аэропортов привлекло широкое внимание общественности и сопровождалось ожесточенными спорами и дискуссиями¹⁹⁶. Некоторые регионы проявили большую активность в голосовании: например, за переименование аэропорта Уфы проголосовало в полтора раза больше человек, чем участников в голосовании за название петербургского аэропорта, и в два раза больше, чем в конкурсе за переименование московского Внуково.

Высокий уровень персонификации политического обуславливает широкое разнообразие персоналистских символов в дискурсивном пространстве регионов и локальных территорий. В условиях постоянной конкуренции за ресурсы федеральных и местных органов власти и потенциальных инвесторов муниципалитеты используют различные

¹⁹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31.05.2019 № 246 «О присвоении аэропортам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905310002?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁹⁶ Спорные имена России. Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3821047> (дата обращения: 13.04.2023).

технологии создания символических образов не только для решения задач по укреплению местных сообществ и формированию внутреннего имиджа, но и для демонстрации достижений и получения признания со стороны внешних политических субъектов. На региональном и муниципальном уровне методы и практики использования персоналистских символов в реализации политики идентичности сильно различаются. Это зависит от исторического и культурного контекста региона, политической культуры жителей, а также от степени участия акторов политики идентичности: в первую очередь некоммерческих организаций, бизнес-структур, исторических и культурных сообществ, политических элит¹⁹⁷.

Таким образом, технологии, применяемые субъектами политики идентичности на локальном уровне, можно разделить по двум основаниям: по возможности воспроизводства в пределах других территорий – универсальные (возможно тиражировать) и уникальные (повторение в других регионах невозможно), а также по отнесению к одному из компонентов политики идентичности – технологии политики памяти и технологии символической политики. К основным технологиям политики идентичности на локальном уровне относятся музейные технологии, топонимические технологии, коммеморативные технологии, технологии использования публичных пространств, проектные технологии, образовательные технологии и технологии специальных событий.

Таким образом, охарактеризовав институциональные и процессуальные основы политики идентичности на локальном уровне, можно говорить о том, что интерес к данному направлению связан с факторами развития территории. Применение технологического арсенала символической политики и политики памяти в стратегиях продвижения местной уникальности позволяет эффективнее решать задачи, связанные с исключенностью социальных и политических групп из проектов местного развития, низким уровнем местного патриотизма, рассогласованием с

¹⁹⁷ Гельман В.Я. Шахматные партии российских элит // Pro et contra. 1996. № 1. С. 18–27.

национальным и региональным историко-символическим контекстом. Политика идентичности на локальном уровне отличается многосубъектным характером. В качестве субъектов выступают органы местного самоуправления, бизнес-сообщество и предприниматели, партии и общественно-политические движения, этнические сообщества и диаспоральные объединения, СМИ и блогосфера, культурно-просветительские сети (культурные и образовательные учреждения), лидеры сообществ, гражданские организации/объединения, религиозные организации. Субъекты политики идентичности на локальном уровне обладают набором ресурсов, которые можно определить в 7 групп: концептуальные, кадровые, организационно-управленческие, материально-финансовые, информационные, символические и сетевые. Результаты экспертного опроса показали, что в сельских сообществах самый значительный вклад в реализацию политики идентичности вносят этнические и диаспоральные объединения, лидеры сообществ и культурно-просветительские сети, для городских территорий значимым субъектом также являются СМИ, при этом этнические сообщества в качестве активного субъекта политики идентичности встроены в меньшей степени.

В условиях постоянной конкуренции за ресурсы федеральных и региональных органов власти и потенциальных инвесторов политические субъекты локального уровня используют набор технологий в рамках реализуемой политики идентичности и символической политики не только для решения задач по укреплению местных сообществ и формированию внутреннего имиджа, но и для демонстрации достижений и получения признания со стороны внешних политических субъектов. Технологии, применяемые субъектами политики идентичности на локальном уровне, можно разделить по двум основаниям: по возможности воспроизводства в пределах других территорий – универсальные (возможно тиражировать) и уникальные (повторение в других регионах невозможно), а также по отнесению к одному из компонентов политики идентичности – технологии

политики памяти и технологии символической политики. В локальном политическом контексте ключевыми инструментами в области конструирования локальной идентичности являются следующие технологии: музейные технологии, топонимические технологии, коммеморативные технологии, технологии использования публичных пространств, проектные технологии, образовательные технологии и технологии специальных событий. Конструирование политических и управленческих практик, основанных на использовании описанных выше технологий, актуализирует инструментальное значение локальной идентичности как ресурса развития.

3 Политика идентичности как ресурс развития территории (на примере Краснодарского края)

3.1 Социально-экономический, политический и социокультурный контекст политики идентичности в Краснодарском крае

Уникальность Краснодарского края заключается в том, что на формирование идентичностей жителей территорий региона оказывает влияние максимальное количество факторов. Именно этим объясняется многообразие и противоречивость локальных идентичностей в регионе. Край характеризуется диверсифицированной экономикой, социокультурным и религиозным разнообразием, богатым историческим прошлым, что оказывает значительное влияние на конструирование идентичностей на территориях региона, который имеет устойчивое деление на три субрегиона: Черноморское побережье, Степную Кубань и Закубанье.

Исторический контекст освоения территорий определяет для каждого из субрегионов свой набор факторов, оказывающих влияние на формирование локальной идентичности. Процессы формирования пространственной среды на разных территориях Кубани происходили поэтапно, по различным сценариям, что в дальнейшем отразилось на политико-культурной сфере каждого из них. Невозможно, к примеру, игнорировать последствия Кавказской войны и «черкесский вопрос» при анализе идентичности жителей Закубанья, равно как и тот факт, что Черноморское побережье было отдельной административной единицей, а в состав Кубанской области вошло юридически в 1829 году, фактически – на три десятилетия позже (именно поэтому в настоящее время жители большей части районов побережья не считают себя «кубанцами»). Данный тезис коррелирует с результатами исследования Н.В Дранниковой, которая исследовала локальную идентичность в городе Архангельске и Северодвинске. Автор отмечает, что ключевым фактором, оказывающим

влияние на самоидентификацию жителей в изучаемых городах является история: Архангельск, центральный город «Русского Севера» основан в 1584 г., и в представлении жителей доминируют культурные и культурно-ландшафтные образы, описывающие их место жительства; в Северодвинске, основанном в XX в. (при основании имел статус поселка под названием Судострой) жители ориентированы на производственные символы. Автор также подчеркивает «важность истории и многовекового опыта развития» для формирования позитивной локальной идентичности¹⁹⁸. В процессе административно-территориальных преобразований с целью равномерного распределения населенных пунктов, удешевления управленческого аппарата и придания границам естественного характера многие территории проходили существенную трансформацию: переименовывались, расширялись, переходили в состав иных территориальных единиц. В нынешних границах Краснодарский край существует с 1937 года, с момента, когда Азово-Черноморский край был поделен на Краснодарский край и Ростовскую область. Границы нового субъекта практически совпадали с границами Кубанской области и Черноморской губернии (находящимися в составе Российской империи) и приросли за счет некоторых территорий Ставрополя. Современная Республика Адыгея также меняла свой статус и в течение большого исторического отрезка (более 50 лет) входила в состав Краснодарского края, что не могло не отразиться на формировании хозяйственных и культурных связей, которые сохранились даже после обретения Адыгеей статуса Республики – субъекта Федерации в 1991 году.

Административное устройство Краснодарского края складывалось постепенно, однако главной его особенностью на всех этапах была связь с военным управлением, что объясняется пограничным положением. История многих населенных пунктов ведется не со времени фактического заселения или даты публикации законодательного акта, утверждающего статус

¹⁹⁸ Дранникова Н.В. Локальная идентификация и самоидентификация жителей севернорусских городов Архангельска и Северодвинска (по фольклорно-этнографическим данным) // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2016. Т. 41. С. 57–69.

территории, а с момента возникновения военного сооружения – кордона, укрепления, пограничного поста (например, Анапа и Геленджик)¹⁹⁹.

Проведенное коллективом авторов из Ростова-на-Дону исследование по соотношению идентичностей в их общей структуре в регионах Юга России подтверждает, что жители Краснодарского ощущают сильную связь к локальному сообществу. В результатах массового опроса (общий объем выборки – 2360 чел.), в котором принимали участие респонденты из шести регионов (Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики, Ставропольского края, Ростовской области, Республики Крым и Краснодарского края), обращает внимание тот факт, что выше всего привязанность к локальному уровню обнаруживается у жителей Краснодарского края, Ростовской области и Кабардино-Балкарской Республики. Так, «довольно сильную» связь со своим населенным пунктом чувствуют 63,3 % жителей Кубани (с регионом – 50,2 %, с Россией – 57,7 %, с этнической общностью – 51,2 %). При этом уровень национальной гордости у респондентов из Краснодарского края выше, чем в других регионах: 58,7 % жителей гордятся тем, что являются гражданами России, только 1,4 % дали ответ, что совсем не гордятся (например, в Ставропольском крае распределение ответов на этот же вопрос 48,2 % и 5,1 % соответственно). Такие показатели косвенно показывают взаимосвязь между сформированной локальной идентичностью и позитивной общегражданской идентификацией²⁰⁰.

Геополитическое положение региона вкупе с высоким уровнем лояльности федеральному центру определяет повышенную потребность жителей территорий в стабильности, формируя «охранительный» комплекс, который выражается в осознанных и неосознанных реакциях жителей на риски. Локальный уровень еще более рельефно выражает сущность

¹⁹⁹ Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) / сост. А.С. Азаренкова, И.Ю. Бондарь, Н.С. Вертышева. Майкоп: Адыгблполиграфобъединение, 1996.

²⁰⁰ Волков Ю.Г., Денисова В.И., Курбатов А.В., Сериков А.В. Общероссийская и этническая идентичность на юге России: соотношение и ресурсы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4. С. 156–161.

приграничья: в условиях усиления межкультурного взаимодействия трансформируется субъективное восприятие территориальных сообществ жителей с их набором ценностей, психологических установок и оценок происходящих социально-политических процессов²⁰¹. В Краснодарском крае на специфическое социально-психологическое содержание приграничных территорий оказывают влияние два ключевых фактора: авторитетный статус казачества как группы, выполняющей функции общественного контроля и охранно-пограничные функции, а также социокультурная диффузия, являющаяся результатом долгосрочных международных экономических, политических и культурных коммуникаций (регион выступал площадкой для событий и мероприятий всемирного уровня: зимние Олимпийские и Паралимпийские игры (2014), этапы Гран при Формулы-1, Чемпионат мира по футболу (2018).

В связи со специальной военной операцией на Украине в октябре 2022 года в крае был введен средний уровень реагирования, что предполагает усиленную охрану общественного порядка. На главу региона возлагается определение перечня реализуемых мер, их сроки, а также порядок реализации в соответствии в текущей необходимости²⁰². В связи в этом актуализировался запрос на общественную сплоченность и мультипликацию социально позитивных гражданских практик на территориях муниципальных образований региона. Мобилизация ресурсов сообществ на локальном уровне в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства Краснодарского края возможна только через практики гражданской солидарности, выстроенные на основании гражданской идентичности.

²⁰¹ Симонян Р. Х. Приграничное регионоведение в контексте теории мезосистем // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 64–73.

²⁰² Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. N 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. N 756» // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405400237/> (дата обращения: 10.05.2023)

Процессы территориальной идентификации и формирования гражданской солидарности взаимообусловлены. Сформированная локальная идентичность, а вместе с тем включение граждан в конструктивные солидарные практики на местном уровне, является значимым результатом политики идентичности. Наличие у членов местного сообщества локальной идентичности становится важным критерием оценки развития территории, так как одной из задач политики идентичности является встраивание в общероссийский социально-политический и историко-культурный дискурс. Заинтересованные в подобном развитии субъекты политики идентичности, прежде всего органы местного самоуправления, зачастую становятся главными субъектами в процессе формирования локальной идентичности местных сообществ.

Нашими эмпирическими исследованиями подтверждается высокий уровень гражданской солидарности на локальном уровне жителей Краснодарского края²⁰³. Для оценки уровня солидарности и характера включенности жителей Юга России в солидарные связи, их ценностных и поведенческих установок, способствующих актуализации гражданского участия на социальном и политическом уровне (реальные и потенциальные), нами был проведен анкетный опрос среди жителей Краснодарского края, а также двух регионов-соседей – Республики Адыгея и Республики Крым. Выборка кластерная, в рамках кластера (субъекта РФ) – случайная, с квотированием по полу и возрасту. Всего было опрошено 969 человек из трех регионов Южного федерального округа: Краснодарского края, Республики Адыгея и Республики Крым. В опросе приняли участие 33 % мужчин и 67 % женщин. Возрастная характеристика респондентов: доля молодежи до 23 лет – 51 %, 23–44 года – 29,5 %, старше 45 лет – 19,5 %. Доля опрошенных в крупных и средних городах составила 57,2 %, в малых населенных пунктах (до 30 тыс. чел. населения) – 42,8 %.

²⁰³ Русия Н.Т., Ракачев Д.Н. Состояние гражданской солидарности городских и сельских территорий Юга России // Журнал политических исследований. 2023. № 4. С. 72-87.

Если говорить об объединяющих основаниях, респонденты однозначно указывают на наличие общего: в Краснодарском крае 41,4 % опрошенных согласны с утверждением, что жители их населенного пункта представляют собой единую группу, объединенную общими целями и ценностями, 46,3 % респондентов также отмечают, что у жителей их населенного пункта есть что-то общее (Рисунок 10).

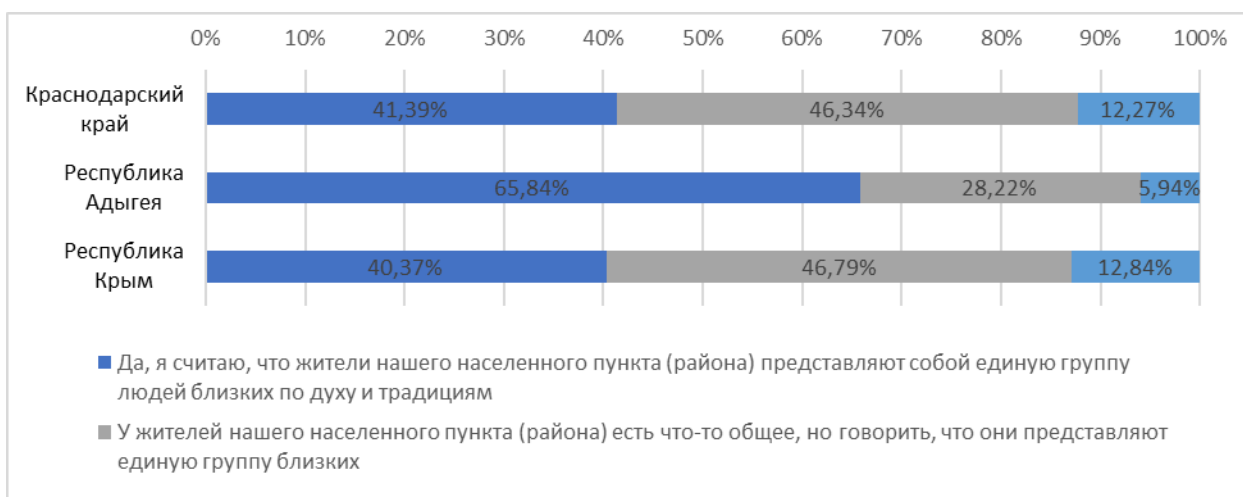

Рисунок 10 – Субъективная оценка солидарности на локальном уровне в зависимости от региона

Стоит отметить, что оценку уровню солидарности жители дают достаточно умеренно и сдержанно: треть опрошенных в Краснодарском крае оценивает ее достаточно низко, только 16 % респондентов говорят об «очень высоком» уровне общественной солидарности в их населенном пункте (Рисунок 11)

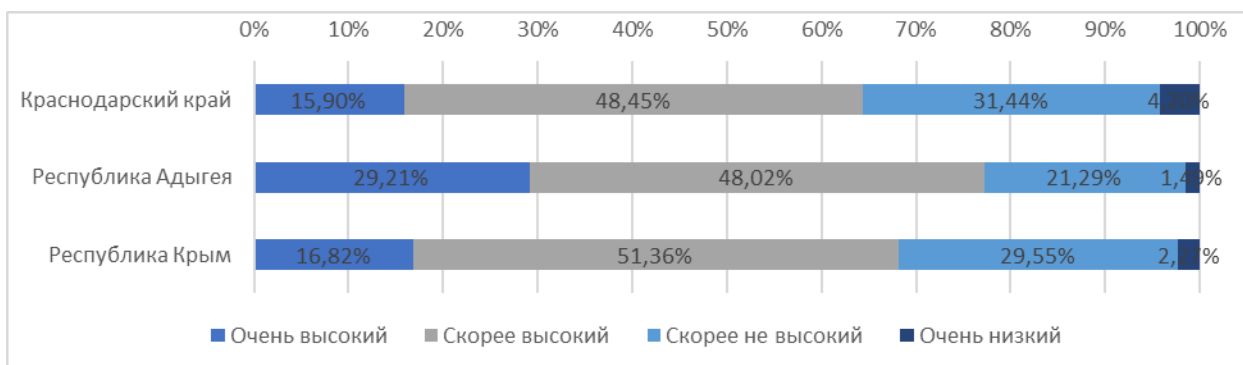

Рисунок 11 – Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете уровень общественной солидарности в Вашем населенном пункте (районе)?»

Гражданская солидарность – динамическое явление, и она подвержена ситуативной переоценке жителями. Наиболее значимым фактором формирования гражданской солидарности является наличие внешних вызовов и угроз. Внешнеполитические события существенно влияют на осознание этой солидарности, причем на разных уровнях. Подавляющее большинство опрошенных из Краснодарского края (как других субъектов Южного федерального округа) ситуацию конфликта с Украиной, проведения специальной военной операции и других внешнеполитических и внутриэкономических последствий расценивают как фактор сплочения, среди опрошенных только 14 % считают, что сплоченность общества, наоборот, снизилась и современные события усугубляют разобщенность.

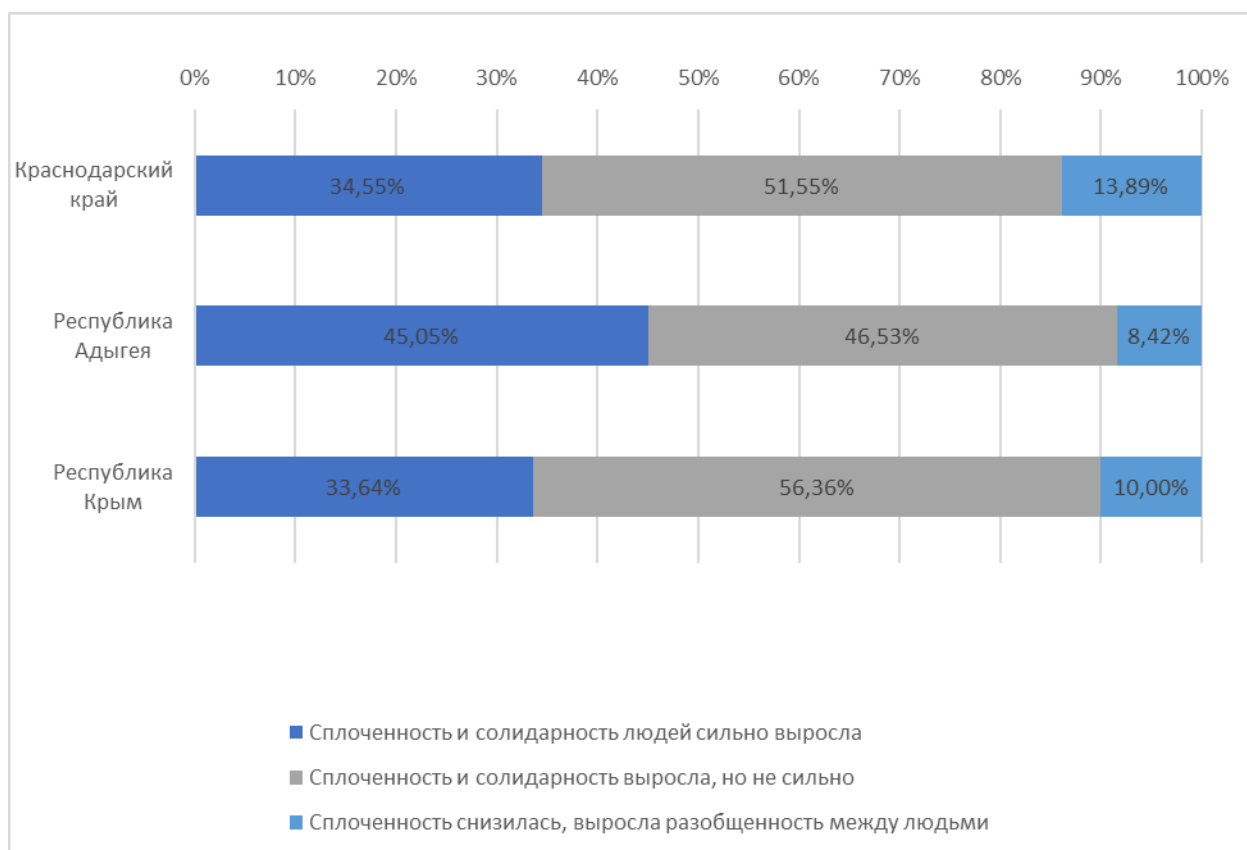

Рисунок 12 – Субъективная оценка изменения уровня гражданской солидарности в населенном пункте респондента под влиянием современной социально-политической обстановки в стране и в мире (в разрезе регионов)

Краснодарский край – крупнейший агропромышленный центр России с высоким уровнем качества жизни и предпринимательской активности. Основу производственных сил Краснодарского края составляют строительный, промышленный, топливно-энергетический комплексы, область информационных и коммуникационных технологий, а также агропромышленный, транспортный, курортно-рекреационный и туристский комплексы. Локомотивами экономики региона являются (в отраслевой структуре ВРП на 2021 год):

- транспорт и связь (15,1 %);
- сфера торговли (14,9 %);
- деятельность по операциям с недвижимостью (13,5 %);
- сельское, лесное хозяйство, рыбководство, рыболовство и охота (10%);
- обрабатывающие производства (10,0 %);
- строительство (5,2%).

Агропромышленный, транспортный, курортно-рекреационный и туристский комплексы как направления хозяйственной деятельности соответствуют приоритетам социально-экономического развития России и определяют особый статус региона в экономике страны. Краснодарский край, согласно данным Росстата, занимает лидирующие позиции в Южном федеральном округе по показателям валового регионального продукта (Рисунок 13): в 2020 году ВРП региона составил 2616754,4 млн рублей, что более чем в полтора раза превышает ВРП ближайшей Ростовской области (1692406,6 млн руб.) и в пять раз больше, чем в Астраханской области (527888,9 млн руб.).

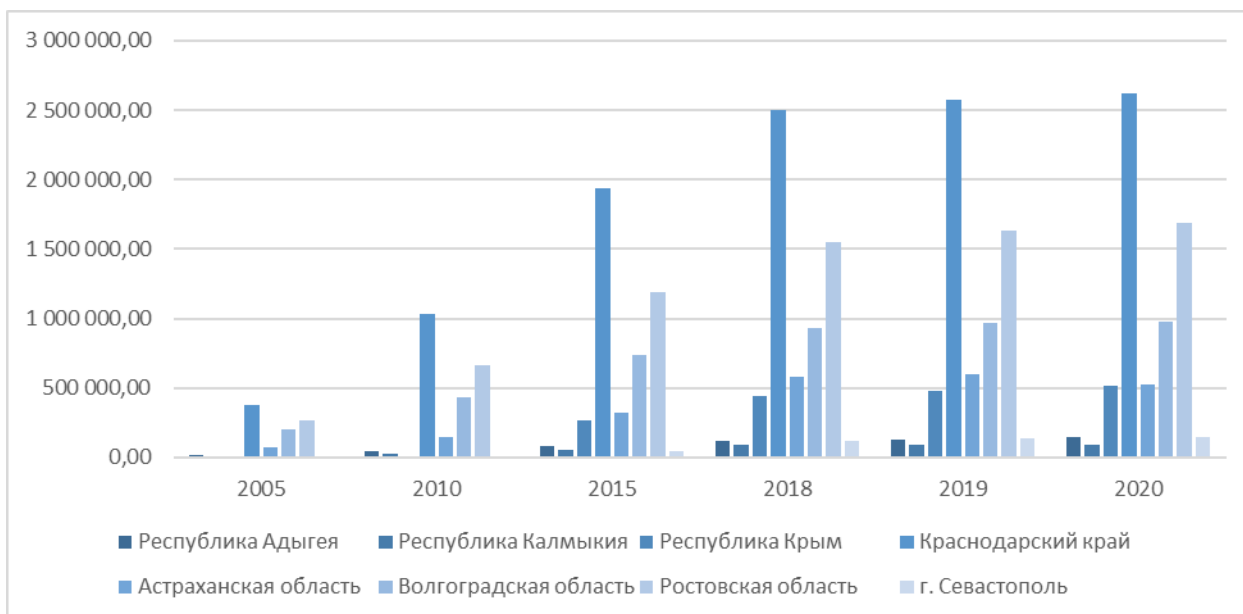

Рисунок 13 – Динамика валового регионального продукта в субъектах Южного федерального округа (в млн руб.)

Промышленная инфраструктура региона сосредоточена в отдельных центрах – Краснодаре, Армавире, Тимашевске, Новороссийске, Туапсе, Белореченске, Кропоткине, Ейске, Мостовском, Северском и Апшеронском районах. В последние годы на территории края активно растет сектор малого и среднего предпринимательства, большой прирост обеспечивается медиаиндустрией, курьерской деятельностью, сферой производства, разработкой компьютерного программного обеспечения и консультированием в данной области²⁰⁴. В 2023 году на территории края зарегистрировано более 293 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства (из них 71 791 – юридических лиц, 221 529 – индивидуальных предпринимателей), это на 4 % выше аналогичного периода 2022 года²⁰⁵. По данным аналитических данных портала hh.ru, профессия «бизнесмен/предприниматель» входит в пятерку лидеров по престижности

²⁰⁴ В Краснодарском крае число ИП выросло на 8 % в 2022 г. // РБК <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/6253e7059a7947ab93ee53ef?from=copy> (дата обращения: 20.06.23).

²⁰⁵ Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства // Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 20.06.23).

среди жителей Кубани²⁰⁶. Значительно повышается социальная роль бизнеса: предприниматели активнее включаются в развитие инфраструктуры, в которой нуждаются жители территорий, интегрируют в свои производственные процессы принципы устойчивого развития²⁰⁷.

В рейтинге социально-экономического развития (включает, например, такие показатели как доходы консолидированного бюджета, объем производства товаров и услуг и др., составляется на основе данных Министерства финансов, Федерального казначейства и Росстата) Краснодарский край входит в топ-10 регионов, последние годы демонстрирующих положительную динамику: если в 2020 году регион занимал 10 место, в 2022 году поднялся на 8 позицию²⁰⁸. В связанном с показателями социально-экономического развития рейтинге качества жизни край также демонстрирует лидерские позиции, уступая только Москве, Московской области, Санкт-Петербургу и Татарстану. Для определения качества жизни исследуются 67 показателей, объединенных в 11 групп: уровень доходов жителей, показатели занятости и характеристика рынка труда, жилищные условия, безопасность проживания, демографические показатели, экологические и климатические условия, здравоохранение и образование, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры²⁰⁹.

Согласно исследованию Института НИУ ВШЭ «Центр развития», в котором рассматривались социально-экономические характеристики по отдельным субъектам РФ, в Краснодарском крае наблюдается высокий

²⁰⁶ Жители Краснодарского края назвали самые престижные профессии в регионе // Юга. Ру. URL: <https://www.yuga.ru/news/470325-zhiteli-krasnodarskogo-kraya-nazvali-samye-prestizhnye-professii-v-regione/> (дата обращения: 11.10.23).

²⁰⁷ Интересное дело: бизнес с высокой социальной ответственностью // Кубанские новости. URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2022/09/22/interesnoe-delo-biznes-s-vysokoy-sotsialnoy-otvetstvennostyu/> (дата обращения: 11.10.23); Андрей Сасин: «Сказал – сделай» // МК на Кубани. URL: <https://kuban.mk.ru/social/2022/07/26/andrey-sasin-skazal-sdelay.html> (дата обращения: 11.10.23).

²⁰⁸ Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 г. // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20230515/630241787.html> (дата обращения: 20.06.23).

²⁰⁹ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2022 // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/images/63023/66/630236639.pdf> (дата обращения: 11.10.23).

уровень социально-экономического стресса, однако он компенсируется быстрым ростом доходов населения. Показатель прироста доходов края в I–III квартале 2021 г. равен 6.2 (в соседней Ростовской области – 5.2, Республике Крым – 5.0), в 19 субъектах РФ этот показатель имеет отрицательное значение²¹⁰.

Ускорение социально-экономического развития и повышение качества экономического роста региона также характеризует индекс цифрового развития, рассчитанный экспертами из Московской школы управления СКОЛКОВО, одним из лидеров которого является г. Краснодар, обогнав Москву, Санкт-Петербург, Новосибирск и другие города-миллионники (таблица 3).

Таблица 3 – Индекс цифровой жизни в городах России

Город	Предложение	Спрос	Итог
Москва	0,56	0,53	0,52
Санкт-Петербург	0,58	0,46	0,55
Новосибирск	0,62	0,44	0,53
Екатеринбург	0,61	0,67	0,63
Нижний Новгород	0,54	0,55	0,54
Казань	0,61	0,32	0,46
Челябинск	0,60	0,37	0,49
Омск	0,64	0,24	0,44
Самара	0,63	0,46	0,55
Ростов-на-Дону	0,61	0,45	0,53
Уфа	0,46	0,33	0,39
Красноярск	0,47	0,32	0,39
Пермь	0,59	0,41	0,50
Воронеж	0,49	0,37	0,43
Волгоград	0,44	0,25	0,40
Краснодар	0,58	0,71	0,64

(на основе данных исследования «Цифровая жизнь российских регионов 2020»)

²¹⁰ Где в России жить хорошо? Индекс регионального социально-экономического стресса (ИРСЭС) и реальных доходов населения в 2021 г. URL: <chrome-extension://efaidnbmninnkcbpajpccpglefndmkaj/https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/560027143.pdf> (дата обращения: 11.10.23).

Первичные показатели, использованные в индексе цифровой жизни, – спрос и предложение по ряду цифровых измерений, актуальных для городских жителей: транспорт, финансы, здравоохранение, образование и др. Для анализа спроса использовались данные о включенности пользователей в цифровую инфраструктуру (например, по параметру «здравоохранение» были проанализированы целевые пользовательские запросы на темы, связанные с записью к врачу или поиском лекарственных препаратов). При анализе предложения использовались показатели, демонстрирующие развитость цифровой инфраструктуры города (для категории «транспорт» рассматривалось наличие сервисов для отслеживания в реальном времени городского общественного транспорта и наличие электронных расписаний на остановках)²¹¹. Важным результатом такого стремительного развития цифровой жизни в регионе представляется усиление «мягкой силы» Краснодарского края, усиление его конкурентоспособности внутри страны и на международной арене. Преодоление цифрового разрыва на территориях региона в контексте выстраивания политики идентичности предоставляет широкие возможности эффективного управления общественной повесткой в условиях фрагментированной медиакартины с использованием цифровых технологий.

Актуализирует внимание именно к локальному уровню идентичности административное деление региона, которое характеризуется большим числом муниципальных районов (в Краснодарском крае их 37), что значительно выше, чем в любом субъекте Центрального, Северо-Западного или Уральского федеральных округов.

К числу факторов социальной фрагментации относится глубокая дифференциация доходов и финансово-экономических возможностей муниципальных образований: в 2022 г. в крае средняя доля населения, чьи

²¹¹ Отчет «Цифровая жизнь российских регионов 2020» // URL: file:///C:/Users/natar/Downloads/SKOLKOVO_IEMS_Research_Digital_life_of_russian_regions_2020-06-09_ru.pdf (дата обращения: 11.10.23).

доходы оказались ниже прожиточного минимума, для городских округов составила 6,5 %, для муниципальных районов – 10,2 %. Отличия в уровне накопленного экономического потенциала между первой и последней позициями – 2 627 145,9 руб. (город-курорт Сочи) и 93 627,8 руб. (Отраденский район).

Таблица 4 – Административное деление субъектов Южного федерального округа

Наименование	Площадь территории субъекта, тыс. кв. км	Численность постоянного населения, тыс. чел.	Муниципальные районы	Городские округа	Городские поселения	Сельские поселения
Республика Адыгея	7,8	497,9	7	2	3	48
Республика Калмыкия	74,7	264,4	13	1	2	111
Республика Крым	26,1	1916,8	14	11	4	250
Краснодарский край	75,5	5819,3	37	7	30	352
Астраханская область	49,0	950,5	11	2	11	117
Волгоградская область	112,9	2470,0	32	6	29	399
Ростовская область	101,0	4164,5	43	12	17	391
г. Севастополь	0,9	558,2	-	-	-	-

Источник: Росстат

Определяющими факторами развития любого региона являются рождаемость, смертность и миграция. Ежегодно в Краснодарском крае возрастают показатели миграционного прироста населения, при этом край остается третьим по численности регионом России, уступая только Москве и Московской области. По данным Федеральной службы государственной статистики, в первом полугодии 2023 года в крае миграционный прирост составил 15861 чел., что значительно выше других регионов Южного федерального округа (в Республике Адыгея прирост составил 2368 чел., в Ростовской области – 4859 чел., в Волгоградской области произошла убыль

населения на 2507 чел.). Для сравнения, за этот же период 2022 года в Краснодарский край приехало 1985 чел. (таблица 5).

Таблица 5 – Общие итоги миграции населения в I полугодии 2023 г. и 2022 г. в ЮФО (по данным Росстата)

	2023 г.			Справочно 2022 г.		
	число при- быв- ших	число вы- быв- ших	миграци- онный прирост (+), убыль (-)	число при- быв- ших	число вы- быв- ших	миграци- онный прирост (+), убыль (-)
Южный федеральный округ	204107	176909	+27198	210181	220309	-10128
Республика Адыгея	9753	7385	+2368	10034	10888	-854
Республика Калмыкия	6061	5032	+1029	4966	5659	-693
Республика Крым	21054	18903	+2151	23174	26767	-3593
Краснодарский край	73055	57194	+15861	73161	71176	+1985
Астраханская область	8221	8611	-390	8135	10527	-2392
Волгоградская область	22310	24817	-2507	25293	30182	-4889
Ростовская область	50960	46101	+4859	48842	54557	-5715
г. Севастополь	12693	8866	+3827	16576	10553	+6023

В условиях сильного миграционного прироста край остается одним из наименее урбанизированных регионов России (в городской местности проживает 57 % всего населения региона), при этом сохраняя высокую плотность (77 человек на 1 кв. км)²¹².

Стремительное увеличение численности населения Краснодарского края определяет изменения институционального формата электоральной системы региона. В 2022 году в преддверии выборов в Законодательное Собрание края, парламентариями была изменена схема одномандатных округов для соблюдения требования к числу избирателей по каждому округу. Такое изменение стало необходимой мерой и реакцией на демографические трансформации в регионе. Подчеркивая необходимость увеличения

²¹² Краснодарский край в цифрах // Статистический сборник 2022. URL: <https://rosinfostat.ru/naselenie-krasnodarskogo-kraja/> (дата обращения: 10.09.23).

численности депутатов, выдвинутых по одномандатному избирательному округу, председатель ЗСК Юрий Бурлачко замечает: «Задача – быть ближе к избирателям. При увеличении числа одномандатных округов она будет выполняться»²¹³.

Специфику политики идентичности в Краснодарском крае также определяют полиэтничный состав региона и политическая активность национально-культурных организаций. По данным Всероссийской переписи 2021 года национальный состав края распределяется следующим образом: 88,3 % русских, 5,5, % армян, 1,6 % украинцев, 0,48 % татар, 0,44 % греков, 0,35 % грузин, 0,25 % цыган, всего – около 150 национальностей. Национальная политика в Краснодарском крае имеет высокую степень институционализации, это подтверждается реализуемыми формальными институциональными практиками, однако имеется ряд ограничений. Нуждается в дополнении нормативно-правовая база, например, введение на уровне региона нормативно-правового регулирования межэтнических отношений в области работы с диаспорами, что усилит эффективность коммуникации между субъектами реализации диаспоральной политики.

Описывая политики идентичности Краснодарского края и Республики Адыгея, исследователи из Адыгейского государственного университета отмечают в качестве важной характеристики полиэтничность регионов, где национально-культурные диаспоры рассматриваются с позиции субъектов, участвующих в формировании, с одной стороны, и объектами воздействия – с другой. Данный тезис наглядно иллюстрируется в проводимой работе с армянской диаспорой, которая в условиях трансформации глобального пространства сохраняет свой культурный потенциал, обычаи и образ жизни, а религиозная и языковая составляющие являются базисом диаспоральной идентичности армянства Краснодарского края.

²¹³ Депутаты ЗСК приняли новую схему одномандатных округов // РБК Кубань. URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/61f26de69a7947715195ecb5> (дата обращения: 10.09.23).

Отметим, что работа с диаспорами может встраиваться в структуру политики идентичности на локальном уровне, так как высокий уровень межэтнического согласия и толерантного отношения в обществе является важнейшим ресурсом развития территории, особенно в условиях такого полиэтничного региона как Краснодарский край. Локальная идентичность занимает значимое место в идентификационной матрице армянского сообщества Краснодарского края. Она актуализируется у представителей диаспоры не только через самоощущение и чувство сопричастности, но и через конкретные проекты развития, включенность в политические и общественные институты, благотворительную деятельность²¹⁴.

Армянская диаспора в Краснодарском крае преодолевает свою внутреннюю неоднородность, которая обусловлена этническим разделением армян и историческими миграционными волнами. Она достигает этого путем установления политико-правового статуса и расширения сети общественных организаций, которые объединяют армян в России и вовлекают их в общественную деятельность. Значимость отношений с Арменией и диаспорой подчеркивается в высказываниях ведущих лиц Краснодарского края. На встрече с генеральным консулом Республики Армения губернатор края Вениамин Кондратьев отмечает, что «Армения по-прежнему стратегический партнер Краснодарского края, сотрудничество с которым охватывает все ключевые сферы». Кроме того, «по итогам 2021 г. внешнеторговый оборот Кубани с Арменией вырос почти на 15 %»²¹⁵, что свидетельствует о важности развития международных экономических связей.

Отправной точкой в развитии территорий региона являются географическое положение и природно-климатические условия. Конструирование идентичности территории предполагает производство границ, символов и институтов. Символическое пространство

²¹⁴ Русия Н.Т. Формирование идентичности армянской диаспоры в Краснодарском крае // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 3(116). С. 46–56.

²¹⁵ Губернатор Кубани встретился с Генеральным консулом Республики Армения // Сайт «СОЮЗ АРМЯН РОССИИ» Краснодарского края URL: <https://sarkuban.ru/gubernator-kubani-vstretilsya-s-generalnym-konsulom-respubliki-armeniya/> (дата обращения: 10.09.23).

Краснодарского края имеет множество региональных особенностей. Например, в конце 2021 года аналитики сервиса «Яндекс карты» выявили, что Краснодарский край лидирует среди всех регионов по названию топонимических объектов в честь известных советских деятелей и событий, а также имеющих слово «советский» в названии. Результаты показали, что на Кубани их 1936, за ней следуют Свердловская область (1780) и Татарстан (1622)²¹⁶. Кубань также лидирует по количеству названий, связанных с космосом: на территории края 727 топонимов, связанных с космосом. Это значительно больше, чем в других крупных регионах, таких как Московская область (535) и Республика Татарстан (530)²¹⁷.

В Краснодарском крае сохранена и развивается культурно-просветительская сеть – библиотеки, музеи, школы, дома культуры. Традиции имеют чрезвычайную социальную ценность. Это во многом определяет активность и высокую значимость данных субъектов в реализации политики идентичности на локальном уровне.

В качестве мощного ресурса политики идентичности в символическом пространстве региона можно выделить персонифицированные образы. В Краснодарском крае сформировалась своя уникальная структура символов, которые, с одной стороны, демонстрируют уникальность героев для сообщества и осознание своей индивидуальности, формируя бренд территории, а с другой – адаптируют ее к символическому пространству региона и страны. На примере персоналистских образов можно проследить использование символической политики как для обозначения включенности территории в общее культурно-историческое пространство России (музей М. Лермонтова в ст. Тамань), так и для подчеркивания ее специфики и культурно-этнического разнообразия (образ казачьего атамана Кубани).

²¹⁶ Краснодарский край и Свердловская область признаны самыми «советскими» регионами. Daily Storm. URL: <https://dailystorm.ru/news/krasnodarskiy-kray-i-sverdlovskaya-oblast-priznany-samyimi-sovetskim-regionami> (дата обращения: 10.09.23).

²¹⁷ Кубань стала лидером среди регионов России по числу космических названий. Кубань 24. URL: <https://kuban24.tv/item/kuban-stala-liderom-sredi-regionov-rossii-po-chislu-kosmicheskikh-nazvanij> (дата обращения: 10.09.23).

Уникальным можно назвать символ Епистинии Фёдоровны Степановой – матери девяти сыновей, погибших на войне. Ее образ изначально сформировался как неофициальный символ города и района, но со временем получил официальное признание. В 2004 году Совет муниципального образования Тимашевский район утвердил новый вариант герба, включающего в себя изображение женщины-матери, символизирующее Е.Ф. Степанову, а также изогнутый колос с девятью парными колосками, символизирующий девять сыновей, не вернувшихся с войны. Образ Степановой на гербе отражает драматические события, произошедшие на этой территории, и воспекает образ матери-героини. Этот образ также получил признание за пределами Тимашевского района, о чем свидетельствуют документальные фильмы, картины и стихотворения, посвященные Е.Ф. Степановой.

В структуре политики идентичности города Ейска Краснодарского края ключевым элементом является образ Ивана Поддубного – шестикратного чемпиона мира по классической борьбе, который 22 последних года жизни прожил в г. Ейске. В городе расположены могила и монумент Поддубного, в его честь назван старейший на Кубани парк, спортивная школа и музей. Технология легендирования, связанная с именем Поддубного, тесно вплетена в брендинг и символическую политику города Ейска. Это находит отражение в городских легендах о невероятно сильном, известном на весь мир спортсмене, «великом земляке», при этом простом и отзывчивом. В Ейске происходит легендирование образа Ивана Поддубного, легенды и мифы, которые окружают его личность, связаны с разными сторонами его жизни: с одной стороны, неподкупный, честный, непобедимый, который отказывался от подставных боёв и отказался покидать оккупированный в годы войны город, при этом простой, открытый, добрый человек, не оставивший котёнка, вымазанного мазутом, умирать на улице. Обращают внимание на символическое пространство в качестве механизма развития территории и привлечения ресурсов и другие авторы, занимающиеся проблематикой

локальной идентичности. В работах Н.Г. Федотовой в рамках проекта «Символический капитал места как конкурентное преимущество территории» отмечается, что символические маркеры территориальной идентичности становятся социокультурным фундаментом идентичности, способном консолидировать сообщество и выступать механизмом преобразования территории²¹⁸.

В Краснодарском крае публичные пространства имеют важную смыслообразующую, интегральную и общественно-политическую функцию. Мемориальный ансамбль «Малая Земля», на месте которого в годы Великой Отечественной войны шли ожесточенные бои, окончившиеся победой советских войск, в городе Новороссийске, для жителей и гостей города является особенным местом. Для посещения на сегодняшний день доступны главный монумент и галерея боевой славы внутри монумента, а также музей военной техники. Несмотря на территориальную отдаленность от центра города, на Малой Земле регулярно проходят патриотические акции и мероприятия. Местные жители отстаивают уникальность и аутентичность комплекса: когда на территории был заложен православный храм, в городе пронеслась волна протестов. Главными аргументами протестующих было то, что Малую Землю защищали люди разных конфессий, а также возможность потревожить останки погибших на этой земле солдат строительством. Данный пример иллюстрирует консолидацию местного сообщества с целью защитить историческую ценность города.

Уже много лет власти Краснодарского края активно продвигают казачество как один из символов региона: на въезде в Краснодар из аэропорта нас встречает баннер с изображением казака и казачки в национальных нарядах. Публичные пространства краевой столицы также активно задействованы в распространении идей казачества. На одной из главных площадей города расположен баннер–репродукция картины

²¹⁸ Федотова Н.Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141–155.

«Жеребьёвка. Образование кубанских станиц» размером 34 на 10,2 метра. Исторические сюжеты находят отражение в скульптуре: бронзовый памятник «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», по мотивам известной картины И.Е. Репина установлен в центре города. Главный памятник стоит на площади напротив здания администрации края – четырехметровая скульптура «Казакам – основателям земли Кубанской». Более примечательным является использование пространства площади. С 2006 года на этом месте каждое воскресенье и в праздничные дни с ранней весны и до поздней осени ровно в полдень взвод Почетного караула заступает на свои посты. Основная часть церемониала – «Час славы Кубани» – проходит непосредственно на площади перед краевой администрацией, которая ранее именовалась Соборной.

Территория Краснодарского края гетерогенна, в каждой из зон сложился комплекс факторов, влияющих на формирование локальной идентичности. Значимым подкреплением идентичности локальных территорий в рамках одного региона является его культурная самобытность и экономическая автономия, которая определяется динамичным развитием региона. Включенность в международные проекты и высокий уровень миграционной активности актуализируют усиление межкультурного взаимодействия на локальном уровне. Нагляднее это отражается на характеристиках сообществ приграничных территорий: жители этих сообществ переживают перемену в своем субъективном восприятии через трансформацию системы ценностей, психологических взглядов и оценок социально-политических процессов.

Исторический контекст и неравномерное освоение территории обусловили фрагментацию региона и образование различных форм политико-институциональной организации локальных социумов. Социально-политические разделения, которые в регионе проходят преимущественно по культурно-ценностным и пространственно-структурным осям, в каждой конкретной территории могут быть фактором поддержания разнообразия

(выступать ресурсом развития), равно как и фактором конфликтности и дестабилизации. Набор вышеописанных социально-экономических, политических и социокультурных факторов определяет вариативность моделей политики идентичности в муниципальных образованиях региона.

3.2 Модели политики идентичности в муниципальных образованиях Краснодарского края

По результатам реализации двух исследовательских проектов за четырехлетний период был получен массив эмпирических данных, позволяющих выявить и охарактеризовать модели политики идентичности в различных эмпирических вариациях. Конфигурации локальной идентичности, институциональная включенность конкретных субъектов, использование потенциала символической политики и политики памяти в рамках технологического комплекса политики идентичности выступили базовыми компонентами для конструирования эмпирических моделей политики идентичности на локальном уровне.

В основе исследования – эмпирические данные, собранные в ходе полевых исследований двух исследовательских проектов, где соискатель являлся исполнителем²¹⁹.

В 2019 году коллективом проекта «Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства региона» определялись характер, механизмы и результаты влияния политики идентичности на развитие сельских локальных сообществ в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства региона. Эмпирические объекты отбирались через

²¹⁹ Проект, реализованный в 2019 году при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований «Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства региона» (руководитель – И.В. Мирошниченко); действующий с 2022 года проект, выполняемый при поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов» (руководитель – И.В. Мирошниченко)

сравнительную комплексную оценку социально-экономического развития сельских территорий с учетом пространственной дифференциации региона на профильные экономические зоны и разного уровня развития территорий (успешно развивающиеся и депрессивные). На первом этапе были отобраны муниципальные образования: в Центральной экономической зоне – Тимашевский район, в Северной экономической зоне – Крыловский район, в Предгорной экономической зоне – Апшеронский район, в Черноморской экономической зоне – Темрюкский район. На втором этапе внутри каждого муниципального образования были отобраны поселения, имеющие диаметрально противоположные показатели параметров социально-экономического развития, которые рассчитывались с опорой на данные из открытых источников. Таким образом, в выборку эмпирических объектов вошли четыре сельские территории Краснодарского края с низкими показателями социально-экономического развития:

- станица Кугоейская (Крыловский район),
 - станица Куринская (Апшеронский район),
 - хутор Беднягин (Тимашевский район),
 - станица Курчанская (Темрюкский район),
- а также четыре территории, получившие высокие оценки:
- станица Октябрьская (Крыловский район),
 - станица Кубанская (Апшеронский район),
 - станица Медведовская (Тимашевский район),
 - станица Голубицкая (Темрюкский район).

Методика эмпирического исследования политики идентичности сельских сообществ базировалась на сочетании качественных методов исследования: фокус-групповая дискуссия и экспертный опрос. Всего на рассматриваемых территориях было проведено 8 фокус-групп с жителями и 40 экспертных интервью. В качестве экспертов выступали руководители органов местного самоуправления, работники культурно-просветительских

сетей (музеев, библиотек, школ, домов культуры), представители локальных СМИ, руководители общественных организаций, учителя истории и кубановедения.

В рамках действующего проекта «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов» авторским коллективом была расширена эмпирическая база исследования, для отбора территорий внутри муниципальных районов был использован индекс социально-экономического развития (разработан И.В. Мирошниченко, М.В. Терешинной, О.В. Дорошенко). Обоснование алгоритма построения индекса потребовало обращения к широкому кругу источников, содержащих данные о социально-экономических параметрах развития территорий Краснодарского края: база данных показателей муниципальных образований Росстата; статистика, представленная на сайте территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю, а также ответы на официальный запрос в адрес территориального органа Росстата; ведомственная статистика, находящаяся в открытом доступе; материалы утвержденных и согласованных Стратегий социально-экономического развития муниципальных образований Краснодарского края (при их наличии), генеральных планов выбранных сельских поселений, программ комплексного развития коммунальной, транспортной и социальной инфраструктуры, а также годовые отчеты глав сельских поселений, размещенные в открытом доступе на официальных сайтах сельских поселений.

В качестве статистических показателей социально-экономического развития муниципальных образований (в том числе сельских поселений) были определены: ввод в действие индивидуальных жилых домов на территории муниципального образования; удельный вес прибыльных организаций по данным бухгалтерской отчетности по основным видам экономической деятельности; инвестиции в основной капитал за счет средств бюджета муниципального образования; инвестиции в основной капитал,

осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства; профицит (дефицит) бюджета муниципального образования; естественный прирост; миграционный прирост; количество неагифицированных населенных пунктов. При выборе и анализе данных, характеризующих социально-экономическое развитие выбранных сельских поселений, учитывались следующие основные моменты: сопоставимость в статике и динамике, непротиворечивость, доступность, репрезентативность на уровне сельских поселений, однозначная интерпретация.

Для построения интегрированного индекса социально-экономического развития был использован метод анализа иерархий, который основывается на принципах декомпозиции и сравнительных суждений. С помощью бинарных сравнений в ответах экспертов в наборе показателей (таких, как, например, ввод в действие индивидуальных жилых домов на 100 чел. населения; удельный вес прибыльных организаций; инвестиции в основной капитал за счет средств бюджета муниципального образования на 100 чел. населения и др.) были выбраны и оценены территории, ставшие эмпирическими объектами исследования. Таким образом, в выборку для исследования попали следующие территории Краснодарского края:

- Нижегородское и Новополяное сельские поселения (Апшеронский район);
- Южное и Молдованское сельские поселения (Крымский район);
- Таманское и Фонталовское поселения (Темрюкский район);
- Рязанское и Первомайское сельские поселения (Белореченский район);
- Стародеревянковское и Челбасское сельские поселения (Каневской район);
- Фастовецкое и Хоперское поселения (Тихорецкий район)²²⁰.

²²⁰ Мирошниченко И.В. Отчет НИР «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов»: грант № 22-18-20059. Российский научный фонд. 2022.

Как и в проекте 2019 года, выбранные муниципальные образования представляют все профильные экономические зоны региона: Апшеронский и Белореченский районы из Предгорной экономической зоны, Каневской район из Северной экономической зоны, Крымский район из Центральной экономической зоны, Темрюкский район из Черноморской экономической зоны, Тихорецкий район из Восточной экономической зоны. В 12 сельских поселениях шести муниципалитетов за 2023 год были собраны следующие эмпирические материалы: 12 транскриптов фокус-групповых интервью с жителями отобранных сельских поселений, 60 экспертных интервью и 600 анкетных данных по результатам массового опроса (по 50 респондентов из каждого сельского поселения).

По результатам реализации двух исследовательских проектов за период четырех лет был получен массив эмпирических данных, позволяющих выявить и охарактеризовать модели политик идентичности в различных эмпирических вариациях. Автором выделены следующие критерии конструирования эмпирических моделей политики идентичности: конфигурации локальной идентичности, институциональная включенность конкретных субъектов, использование потенциала символической политики и политики памяти в рамках технологического комплекса политики идентичности. Конфигурации перечисленных компонентов, характеризующих локальную идентичность жителей территорий, позволяют говорить нам о различных моделях политики идентичности.

Характеристики локальной идентичности связаны со следующими компонентами:

1. Темпоральная направленность (ретроспективная/перспективная). Ретроспективная темпоральная ориентация связана с представлениями о территории, базирующимися на прошлом. В сельских территориях чаще всего чаяния об утраченном прошлом имеют отношение к советскому периоду: развивающимся отраслям промышленности, социальным гарантиям, активным культурно-досуговым практикам того времени. В

поселениях с перспективной темпоральной ориентацией у жителей существует видение перспектив, которое выражается в стремлении строить планы на будущее для себя и своих детей на данной территории, они знают о конкретных планах развития и принимают в них участие.

2. Вовлеченность населения (позитивная/негативная). Критерий включенности населения рассматривается как ключевой показатель субъектности локального сообщества и проявляется в способности жителей аккумулировать усилия для решения проблем территории.

3. Интегративное качество (экслюзивная/инклюзивная). Выключенность (экслюзия) различных групп жителей происходит по разным основаниям социальной дифференциации. Одним из основных неразрешенных вопросов сельских территорий и малых городов Юга России в контексте формирования локальной идентичности остается проблема «дачников» – жителей (как правило, из больших городов), приобретающих жилье для проживания в сезонный период. Такие жители не имеют чувства привязанности к локальной территории, соответственно, выключены из обсуждения круга насущных проблем и не встраиваются в проекты развития. Другим основанием социальных размежеваний на локальном уровне является этнорелигиозный признак, когда диаспоральные и религиозные объединения, отличающиеся от большинства по ряду признаков, живут обособленно, а для местных представляют категорию «других» или «чужих». Сельские поселения, которые показывают сформированную инклюзивную локальную идентичность, демонстрируют кооперативные форматы взаимодействия: выстроены эффективные каналы коммуникации, сформировано устойчивое сельское сообщество, которое способно производить команды изменений.

Еще одним компонентом модели политики идентичности является институциональная включенность субъектов политики идентичности на локальном уровне, которыми могут выступать органы местного самоуправления, бизнес-сообщество и предприниматели, партии и общественно-политические движения, этнические сообщества и

диаспоральные объединения, СМИ и блогосфера, культурные и образовательные учреждения, лидеры сообществ, гражданские организации/объединения, религиозные организации.

Также в рамках модели рассматривается использование потенциала символической политики и политики памяти как части технологического комплекса политики идентичности. На территориях, где используются уникальные технологии символической политики и политики памяти, эффективнее решаются задачи, связанные с исключенностью социальных и политических групп из проектов местного развития, низким уровнем местного патриотизма, рассогласованием с национальным и региональным историко-символическим контекстом. Выделение данного компонента соотносится с выводом М.В. Назукиной и Р.И. Петровой, исследовавших особенности актуализации локальной идентичности в городах Пермского края, о том, что «любое основание идентификации может сознательно акцентироваться под воздействием субъектов политического процесса и приобретать политическое качество»²²¹.

Проведенный анализ эмпирических данных позволил выделить модели политики идентичности, демонстрирующие разные конфигурации сформированной локальной идентичности с отличающимся набором субъектов, реализующих политику идентичности, использующих разные вариации технологий: модель «консервации», модель ответственного развития и фрагментарно-дефицитную модель.

Модель «консервации» местного сообщества с неиспользованными экологическими и социокультурными ресурсами рассмотрим на примере Новополянского сельского поселения, расположенного на юго-востоке Апшеронского района. Численность постоянного населения около 3500 чел., которые проживают преимущественно в административном центре – поселке

²²¹ Назукина М.В., Петрова Р.И. Локальный уровень в матрице территориальной идентичности жителей Пермского края // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 4. С. 127–142.

Новые Поляны. Национальный состав представлен тремя группами: русскими (3186 чел.), армянами (233 чел.) и турками (151 чел.)²²².

Темпоральная ориентация жителей Новополянского сельского поселения ретроспективная: позитивный образ территории соотносится с представлениями о прошлом, в котором имели успехи все промышленные и сельскохозяйственные предприятия, происходил постоянный прирост молодого населения, а состояние природных ресурсов оценивалось выше (*Были хорошие леса, просто пилили лес и на этом жило поселение; совхоз был, были здесь поля, коров как бы выращивали, было сельское хозяйство*). Видение настоящего и будущего территории выстраивается исключительно в отношении планируемого улучшения качества жизни, без выраженного стремления строить планы на будущее для себя и своих детей (*Постепенно возрождающийся посёлок, бывшая казачья станица и посёлок лесозаготовки, люди, которые работали в сфере лесозаготовки... Куда возрождение пойдёт, неизвестно. Пока неопределённость*). Самобытность территории подчеркивается через инфраструктурные особенности, без опоры на локальную мифологию, значимые исторические события или экономическую специализацию (*Газификация была, одно из поселений; У нас вода практически везде в поселении есть; Сказали, дорогу строить будут*). Ретроспективная ориентация наглядно отражается и через официальные символы: на гербе и флаге Новополянского сельского поселения представлены три ключевых символа: шашка, которая указывает на основателей населенных пунктов поселения – казаков кубанских казачьих полков; цветок табака, который культивировался в уже исчезнувшем плодотабачным совхозе, а также паровозное колесо, символизирующее железную дорогу, со строительством которой связано развитие сельского поселения. Переходы между цветами выполнены в виде зубцов, напоминающих пилу, которая обращает внимание на заготовительную и

²²² Отчет главы администрации Новополянского сельского поселения Апшеронского района о проделанной работе за 2022 год и задачи на 2023 год. URL: <https://nov.apsheron-sk-oms.ru/teksty-oficial-nyh-vystupleniy-i-zayavleniy.html> (дата обращения: 05.12.23)

лесообрабатывающую промышленность. В настоящий момент железная дорога не функционирует, табак не выращивается, деятельность по лесозаготовке заморожена; из действующих символов, отображенных в геральдике поселения, сохраняется только казачество, численность которого, ввиду ограниченных механизмов рекрутирования, сокращается (*Ни одного приезжего, скажу вам честно и откровенно, нет в казачестве и не будет, потому что они думают совсем о другом*).

Среди жителей сельского поселения наблюдается высокий уровень сопротивления изменениям и стойкое желание сохранить имеющееся положение (*Экопоселение... Да, и желательно, чтобы оно таким осталось*), что усиливает позицию неприятия «чужаков» и способствует конструированию негативной идентичности, выстраиваемой через противопоставление с «другими» (*Я ни разу не видел, чтобы краснодарская машина выкинула что-то. Ростов, Питер, Москва – вот этих козлов вообще сюда, в Краснодарский край, пускать нельзя*).

При этом в поселении обнаруживается выраженная позитивная вовлеченность части субъектов в развитие территории с использованием различных технологий и институциональных механизмов: активисты культурной сферы ежегодно организуют всероссийский творческий фестиваль, казачье общество включается в грантовые конкурсы, глава местной администрации встраивается в федеральные и региональные программы по газификации.

С 2017 г. в п. Новые Поляны проводится музыкально-поэтический фестиваль «АтмаСфера», в который объединяет участников из городов и сельских поселений Краснодарского края и других регионов (*Задача была собрать в нашем хорошем, красивом месте людей, действительно которые могут культуру представить более широко, чем есть у нас, например, в Апшеронском районе*). В период пандемии коронавируса фестиваль проводился в заочном дистанционном формате, в нем приняло участие более 500 конкурсантов.

Казачество, обладая возможностью встраиваться в грантовые механизмы поддержки, реализует проекты патриотической направленности. В 2022 году в рамках проекта «Аллея славы – связь времен», поддержанного региональным грантовым конкурсом, хуторское казачье общество получило финансирование в размере 248 619,34 руб. на организацию тренировочных и спортивных мероприятий для молодежи²²³. В этом же году ТОС «Самурский» выиграл денежное вознаграждение в размере 852,3 тыс. руб. в краевом конкурсе «Лучший орган территориального общественного самоуправления»²²⁴.

В поселении используются стандартные для южных территорий универсальные технологии политики идентичности: проводится День поселка, объединяющий всех жителей, в публичных пространствах располагаются памятные плиты и скульптуры, увековечивающие память о солдатах, погибших в Великой Отечественной войне, культурно-просветительские сети и казачество активно применяют образовательные технологии с целью сохранения исторической памяти у подрастающего поколения.

Несмотря на включенность отдельных представителей территории и групп активистов, жители Новополянского сельского поселения не представляют монолитное сообщество, объединенное общей идеей, и демонстрируют эксклюзивную локальную идентичность. Фактор лидерства также выражен слабо, глава сельского поселения действует практически автономно, немногочисленная команда администрации неспособна самостоятельно выполнять задачи по формированию устойчивого деятельного местного сообщества (*Да помогает кто? Первые помощники, коллектив мой немногочисленный, вот девчонки мои*).

²²³ Аллея славы – связь времен // Гранты губернатора Кубани. URL: <https://grants.krasnodar.ru/projects/item/1441> (дата обращения: 10.09.23); «Аллея Славы – связь поколений» // Майкопский отдел Кубанского казачьего войска. URL: <http://xn--80aaukdyahimls.xn--p1ai/node/2775> (дата обращения: 10.09.23).

²²⁴ Постановление «Об итогах краевого конкурса на звание «Лучший орган территориального общественного самоуправления» в 2022 году. URL: krymsk-region.ru/wp-content/uploads/2023/04/tos-postanovlenie.pdf (дата обращения: 10.09.23).

Отметим, что у части активных жителей есть осознание необходимости координации усилий всех субъектов для эффективного выполнения задач по развитию локального сообщества (*Чтобы были рабочие места, нужны проекты. Нужны инициативные группы, которые бы эти проекты продвигали. И нужно сотрудничество этих групп друг с другом, а не каждый сам по себе, «мы сами по себе», «мы тут сами по себе», «мы тут сами»*). Более того, сельские жители рефлексируют относительно дефицита действующих механизмов взаимодействия всех ключевых субъектов, обладающих возможностями мобилизации ресурсов для достижения экономических результатов (*Мы все тут равнодушные, но вот такого планового, как бы даже вот таких серьёзных бесед на тему того, что «ну что, братцы, давайте, как мы будем двигаться дальше?», там кто что предлагает и так далее, этого практически не происходит... И ему вот ещё (главе поселения) такие собрания проводить тоже как бы нужно, но я не представляю, как вот это всё. А если сформируется команда, вот пересечения, например, казачества и туризма на 38 млн, как их объединить?*). В Новополянском сельском поселении нет дефицита в кадровых ресурсах: определенно можно отметить наличие ответственных и компетентных людей, заинтересованных в формировании локальной идентичности, – сообщества казаков и ТОС хоть и малочисленны, но активно включаются в проекты по формированию местного патриотизма и, более того, способны привлекать материально-финансовые ресурсы для реализации своих проектов (грантовые и конкурсные механизмы). В сельском поселении наблюдается ретроспективная темпоральная направленность с позитивной субъектностью в условиях атомизированности и выключенности (эксклюзии) части субъектов, обладающих необходимыми ресурсами для успешного старта проектов развития территории. Стоит отметить, что самым проблемным основанием данной модели являются слабая плотность межличностных и институциональных связей и низкий уровень доверия внутри сообщества, который не позволяет объединить ресурсы для

инициирования более глобальных проектов и обеспечения стратегического видения развития территории.

Таким образом, для *модели «консервации»* характерна ретроспективная темпоральная ориентация, высокая степень атомизации и закрытости местного сообщества при позитивной включенности и готовности отдельных групп интегрироваться в проекты развития, в результате чего задействуется не весь набор экологических и социокультурных ресурсов, которыми обладает территория.

В ходе исследования данная модель была диагностирована в Первомайском сельском поселении Белореченского района, Фонталовском поселении Темрюкского района и в сельском поселении Кубанец Тимашёвского района.

Совершенно иная комбинация характеристик локальной идентичности, а также субъектов и технологий политики идентичности выстраивается в *модели ответственного развития*. Среди всех исследуемых территорий (20 сельских территорий в 9 муниципальных районах) только четыре сельских поселения демонстрируют все признаки и отображают свойства данной модели: Кубанское сельское поселение (Апшеронский район), Таманское сельское поселение (Темрюкский район), Стародеревянковское сельское поселение (Каневской район), Фастовецкое сельское поселение (Тихорецкий район). На примере последнего поселения проиллюстрируем конфигурации локальной идентичности и результаты функционирования модели ответственного развития на конкретной территории.

Фастовецкое сельское поселение расположено на левом берегу реки Тихонькая в нескольких километрах от административного центра Тихорецкого района – г. Тихорецка. По состоянию на 1 января 2023 г. на территории Фастовецкого сельского поселения проживает 9512 чел., практически все – в станице Фастовецкой.

У жителей есть образ будущего, который проявляется в стратегическом видении перспектив и наличии общих ориентиров, а ключевым маркером

локальной идентичности является осознание общих черт коллективного поведения, выражающихся в готовности всех субъектов включаться в проекты развития (*Я понимаю, что сейчас идут государственные программы на поддержание поселений, там выделяются деньги государства очень большие, в сравнении с другими страницами у нас намного прогрессивнее идёт развитие; Наше поселение последние годы большими шагами развивается*).

Ключевые субъекты хорошо информированы о мерах поддержки, которые предоставляют федеральные и региональные институты развития, и включаются в их программы и проекты. В 2021 году в рамках программы инициативного бюджетирования была благоустроена территория общественного пространства по ул. Азина, стоимость проекта составила более 8 млн, из них только чуть более 10 % было выделено из средств муниципального бюджета и местного бизнеса. В 2022 году данный проект стал финалистом VI Всероссийского конкурса проектов инициативного бюджетирования в номинации «Общественное участие». Субъекты развития для решения проблем территории ищут возможности извне: мониторят программы под определенные задачи и откликаются на возможности, предлагаемые районом (*Казачество, дом культуры... у нас все участвуют... Сейчас вот ищем, в какую бы программу вступить, хотим отремонтировать большой зал, занимаемся, ищем, где есть возможность, мы всегда поучаствуем, потому что, естественно, со своим бюджетом мы мало чего сможем сделать*). Предпринимательское сообщество и бизнес также обладают выраженной субъектной позицией и встраиваются в совместное решение проблем, обозначаемых органами местного самоуправления и общественными организациями (*У нас практически все предприниматели в поселении принимают участие в жизни поселения. Какие-то мероприятия, какие-то праздники, всегда вывешивают флаги, всегда идут навстречу, пытаются облагородить возле своих магазинов. Я даже знаю людей, которые арендуют магазины, и они их облагораживают,*

делают ремонт и снаружи, чтобы было красиво в поселении; Обратите внимание, на площади растёт ёлка. Это купила нам индивидуальный предприниматель, оплатила доставку, мы ее посадили, ухаживали за ней... И мы теперь наряжаем свою ёлку, не искусственную, а натуральную, для деток на новогодние праздники).

С 2018 года пост главы занимает Виктор Викторович Лагода. На момент вступления в должность Виктору Викторовичу было 30 лет, что является нетипичным для такой позиции, во всех других исследуемых поселениях возраст глав был значительно выше. Местное сообщество крайне позитивно отзывается о главе, видимых результатах его работы (*И вот за эти 5 лет, вы знаете, в нашей станице, конечно, произошли большие изменения. Глава у нас пришел. Вы посмотрите, что у нас облагородилась наша станица. Мы сейчас, знаете, так как я работаю с людьми, очень все довольны нашим главой и нашей администрацией, что любой вопрос решается*). С приходом молодого главы обновился и кадровый состав, из которого формируется сильная команда изменений: работники администрации поселения, депутатский корпус, атаман (*в этом году у нас поменялся атаман, и казачество, молодой парень, бывший сотрудник полиции, не понаслышке знает, что такое устав. Вот сейчас мы пытаемся развивать, набираем молодых казаков. У нас очень много поприходило ребят, равнодушных, в возрасте от 30 до 40 лет, которые хотят, у которых были деды казаками, отцы казаками, которые хотят, чтобы все это процветало. Мы сейчас стараемся все это возродить*). Преобразования, происходящие за последние годы в сельском поселении, отмечаются и на уровне района. Эксперты из районной администрации к факторам, определяющим успешность развития территории, относят наличие командной работы и общую инициативность местного сообщества (*Успешность развития Фастовецкого поселения во многом зависит в том числе от кадрового потенциала, от инициативности жителей, ну и общей*

командной работы, результат я вижу... и вы это видите с учетом исследования).

В сельском поселении нет заметных «выключенных» групп жителей, можно говорить о сформированной инклюзивной локальной идентичности, где демонстрируются кооперативные форматы взаимодействия разных субъектов политики идентичности. Сформированная локальная идентичность жителей Фастовецкого сельского поселения воспроизводится через реальные практики гражданской солидарности, актуализированные с началом специальной военной операции (*И вот самый первый клич был осенью о том, что наш глава повезет нашим ребятам, фасточанам, гуманитарную помощь... И люди, просто они несли вот все, абсолютно всё. И закрутки варенья, и сушки, и тёплые носки. И индивидуальные предприниматели откликнулись, и работники аптек – лекарства, медицинское. Тёплую одежду люди несли, деньги).*

На примере Фастовецкого сельского поселения подтверждается тезис, обозначенный экспертным сообществом, о том, что культурно-просветительские сети играют одну из ведущих ролей в конструировании локальной идентичности. Музей и дом культуры являются точками притяжения местных жителей и символическими центрами, сохраняющими исторические и культурные артефакты (*Сейчас много приезжает студентов... Но приходят в музей. Вчера у меня тоже были*). Однако круг задач учреждений культуры не ограничивается сохранением традиций и поддержкой социально-культурной активности населения. Дом культуры и музей ст. Фастовецкой также осваивают новые компетенции и интегрируются в деятельность по привлечению ресурсов, используя механизмы грантовой поддержки (*В этом году мы получили грант, выиграли. Потому что Дом культуры отправил проект туда*).

Таким образом, мы можем охарактеризовать Фастовецкое сельское поселение как территорию с перспективной темпоральной ориентацией, в которой жители представляют сообщество, объединенное общей целью и

идеей позитивного преобразования своей малой родины. Лидер команды – глава местного самоуправления, обеспечивает эффективное функционирование всех задействованных в процессе социально-экономического развития субъектов и институтов. Качество институциональной среды сельской территории подтверждается в позитивной оценке деятельности жителями и наличием команды изменений, которая использует меры поддержки, предоставляемые институтами регионального и национального развития.

Отличительной чертой модели ответственного развития является включенность всех субъектов политики идентичности в преобразовательную деятельность, их способность (при наличии необходимых компетенций) находить ресурсы для развития за пределами территории, используя различные механизмы и привлекая институты развития, в данной модели социальный капитал рассматривается как общественное благо.

Третья модель, выделенная на основании анализа эмпирических данных, – *фрагментарно-дефицитная*, элементы которой воспроизводятся в Молдаванском сельском поселении Крымского района.

Численность населения Молдаванского сельского поселения составляет 9190 чел., которые рассредоточены на территории 19 населенных пунктов. Большая часть жителей поселения проживает в административном центре поселения – с. Молдаванском и пос. Саук-Дере. Основное направление экономики поселения – сельское хозяйство. Главная особенность, которая отличает сельское поселение от других, – этнический состав. Доминирующими этническими группами являются русские и молдаване (например, в селе Молдаванское 29 % (810 чел.) от общего числа жителей – молдаване), это связано с историей заселения территории: поселение было основано в 1873 году переселенцами из Бессарабии ²²⁵.

²²⁵ Официальный сайт Молдаванского сельского поселения Крымского района. URL: <https://moldavanskoesp.ru/istoricheskaya-spravka/moldavanskoe-selskoe-poselenie-segodnya> (дата обращения: 12.09.23).

Перспективная ориентация у жителей проявляется через позитивное представление образа будущего территории, которое сопряжено с этническим компонентом (*Мы хотим возродить национальность. Мы хотим сделать музей; Это идея Надежды Федоровны – музей небольшой с кухней. Чтобы человек приехал, чтобы не только в Лефкадию пошел, чтобы поел национальное*). Молдавские традиции и обычаи составляют фундамент локальной идентификации, и население ориентировано на сохранение культурно-исторического наследия. Сформированная локальная идентичность местных жителей способствует проявлению коллективной солидарности, которая выражается в установке к социально-деятельной активности и проявляется в конвенциональных действиях (*На сегодняшний день мы возим гуманитарку туда обязательно ко всем благодаря нашим женщинам, которые сегодня вяжут носки, плетут масксети, нашлемники, пирожки пекут. Собираемся, когда ехать клич только даешь, уже пирожков, я сам наедаюсь по дороге, правду говоря... Мы возим непосредственно не на склады, а на передовую к ребятам*).

В поселении сложилась хорошая управленческая команда, ориентированная на высокий уровень качества жизни и благоустройства территории, члены которой готовы наращивать компетенции, связанные с институциональными и технологическими возможностями продвижения проектов. В 2023 году администрация сельского поселения сформировала несколько заявок на включение в федеральные программы «Комплексное развитие сельских территорий», «Развитие культуры», «Модернизация коммунальной инфраструктуры», подготовила пакеты документов по программе «Инициативного бюджетирования». Однако имеющиеся результаты деятельности команды по взаимодействию с институтами развития федерального и регионального уровней говорят о дефиците компетенций для формирования институциональной среды, встраиваемой в стратегию социально-экономического развития поселения.

На территории сельского поселения находится винодельческое хозяйство «Лефкадия», специализирующееся на производстве сухих и игристых вин. Бренд «Долины Лефкадия», который составляет целый туристический комплекс, известен на территории всего региона и далеко за его пределами. На территории работает отель, банный комплекс и музей, туристы круглогодично посещают экскурсии на виноградники и винодельню. Несмотря на активную деятельность винодельческого хозяйства, жители поселения отмечают автономное существование бизнеса и его исключенность из проектов социально-экономического и устойчивого развития территории. Яркой иллюстрацией этому служит формат рекрутирования сотрудников предприятия, из которого практически исключена возможность трудоустройства для местных жителей: не только управленческий состав подбирается из других регионов России, но и персонал для сезонных работ (*В Молдаванке молодежи практически нет. Вернуться просто некуда, потому что Лефкадия практически не берет...Они берут из Дагестана*).

Активные жители сельского поселения (представители местного самоуправления, казачества, культурных и образовательных организаций) противопоставляют себя группе «они», представленной бизнесом, и не скрывают обиды на «других» за то, что их мнение не учитывают и не почитают местные традиции (*И хотелось бы, чтобы инвесторы, которые заходили к нам, чтитли наши традиции, потому что нам в некоторых случаях немножко обидно, что наши традиции немножко тут подавляются*). Более того, бизнес для собственных целей заимствует важный символ – виноградарство и вытесняет его из части истории «мифа основания», который у местных жителей лежит в основании их локальной идентификации (*Лефкадия описывает свою историю становления. Они пишут, что мы привезли сюда виноградники с 2004 года. Они привезли виноградники, это неправда. Молдаване сюда привезли, и они же посадили именно на те земли, все молдаване*). Все это является основой для внутреннего напряжения между

жителями сельского поселения, ориентированными на сохранение культурно-исторического наследия и возрождение традиций, и пришедшим туда крупным бизнесом, игнорирующим местные традиции виноделия и культуры.

Таким образом, мы можем говорить о сильной позитивной локальной идентичности жителей Молдаванского сельского поселения, в основе которой лежит этнический компонент, но при этом наблюдается конфликт субъектов политики идентичности, каждый из которых преследует собственные интересы. Органы местного самоуправления обладают ограниченными институциональными ресурсами (в первую очередь социальным капиталом) для выстраивания эффективной стратегии социально-экономического развития территории, которая бы интегрировала всех субъектов политики идентичности.

Фрагментарно-дефицитная модель политики идентичности также была зафиксирована в Рязанском сельском поселении Белореченского района и Челбасском сельском поселении Каневского района. В отличие от *модели консервации*, во *фрагментарно-дефицитной* модели у жителей присутствует позитивный образ будущего вкупе с высоким уровнем включенности в решение проблем территории. Однако субъекты политики идентичности действуют автономно, и это разобщает местное сообщество и усиливает отток квалифицированных кадров, что не дает в полной мере обеспечить стратегическое видение развития территорий и осуществить мобилизацию ресурсов для достижения экономических результатов.

Результаты компаративного анализа практик развития сельских территорий Краснодарского края позволили определить основные тенденции развития негородских территорий и сообществ и практики управления данной сферой. На основе данных, полученных в ходе эмпирического исследования, были выделены модели политики идентичности, включающие разные конфигурации сформированной локальной идентичности, с отличающимся набором субъектов, реализующих политику идентичности,

использующих разные вариации технологического комплекса: модель консервации, модель ответственного развития и фрагментарно-дефицитную модель. В сельских поселениях, где фиксируются модель консервации, фрагментарно-дефицитная, жителями демонстрируются низкие уровни социальной солидарности и слабая ориентация на развитие, что выступает значительным препятствием для выработки общей модели будущего. Одной из ключевых особенностей модели ответственного развития является активная включенность всех субъектов политики идентичности в проекты, направленные на позитивные преобразования территории. При наличии необходимых компетенций команды развития они могут находить дефицитные ресурсы за пределами своей территории, прибегая к различным институциональным механизмам. В модели ответственного развития социальный капитал рассматривается как общественное благо, способствующее росту и развитию территории.

В Краснодарском крае разносторонне проявляются процессы, характерные для локального уровня, что определило выбор территорий региона в качестве объекта исследования. Территория Кубани, сочетая традиционализм и инновационность, характеризуется высокой степенью неоднородности. В каждой из экономических зон сложился уникальный комплекс факторов, влияющих на формирование локальной идентичности. Значимым подкреплением идентичности локальных территорий в регионе является его культурная самобытность, экономическая автономия, включенность в международные проекты и высокий уровень миграционной активности, которые актуализируют усиление межкультурного взаимодействия на локальном уровне. Эмпирические объекты отбирались через сравнительную комплексную оценку социально-экономического развития сельских территорий с учетом пространственной дифференциации региона на профильные экономические зоны и разного уровня развития территории (успешно развивающиеся и депрессивные).

Автором выделены следующие критерии конструирования эмпирических моделей политики идентичности: конфигурации локальной идентичности, институциональная включенность конкретных субъектов, использование потенциала символической политики и политики памяти в рамках технологического комплекса политики идентичности. Конфигурации перечисленных компонентов, характеризующих локальную идентичность жителей территорий, позволяют говорить нам о различных моделях политики идентичности. Проведенный анализ эмпирических данных позволил выделить следующие модели политики идентичности, основанные на актуализации нескольких институциональных механизмов: модель консервации, модель ответственного развития и фрагментарно-дефицитная модель.

Для модели «консервации» характерна ретроспективная темпоральная ориентация, высокая степень атомизации и закрытости местного сообщества при позитивной включенности и готовности отдельных групп интегрироваться в проекты развития, в результате чего задействуется не весь набор ресурсов, которыми располагает территория. Модель отличает отсутствие социокультурных механизмов интеграции традиций и инноваций для обеспечения стратегического видения развития территорий. В модели ответственного развития демонстрируется включенность всех субъектов политики идентичности в преобразовательную деятельность. Местное сообщество, ориентированное на развитие, использует различные подходы к решению проблем территории и консолидирует разные группы жителей. Во фрагментарно-дефицитной модели локальная идентичность имеет эксклюзивный характер, где наблюдается раскол сообщества по различным основаниям. Субъекты политики идентичности ориентируются на личные интересы, социальный капитал не рассматривается как всеобщее благо. Даже при наличии команды изменений в таких условиях существуют барьеры в конвертации ресурса сформированной локальной идентичности в деятельные институциональные форматы развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Территориальная идентичность представляет собой совокупность представлений о принадлежности и привязанности к определенному территориальному сообществу, об общих интересах, возникающих в связи с местом проживания, особой связи с территорией, которая, как правило, имеет свои административные границы, и с функционирующими в пределах данной территории институтами. Локальная идентичность – это низовой уровень территориально-пространственной идентификации, связанный с чувством сопричастности человека с местом его проживания (происхождения), иными словами, конкретной местностью. Локальный, или местный уровень пространственной организации жизни сообщества, относящийся обычно к городам, поселениям, микрорайонам и так далее, принято считать наиболее приближенным к жизнедеятельности индивидов. Одним из ключевых ресурсов общественного развития является идентичность, скрепляющая социальные солидарности.

В политологическом научном дискурсе произошел коренной сдвиг в исследовательской оптике изучения политики идентичности от *миноритарного* подхода к исследованию политики идентичности, фокус которого направлен на исследование системы ценностей и моделей поведения, составляющих основу для декларирования меньшинствами права на отстаивание собственной идентичности, к *макрополитическому*, акцентирующий внимание на анализе деятельности различных субъектов политического процесса, реализуемых ими технологий и практик по формированию и поддержанию различных форм макрополитической и территориальной идентичности.

В зависимости от конфигурации доминирующих оснований сформированная локальная идентичность имеет противоречивые формы актуализации: она может одновременно как способствовать усилению социальных размежеваний и конфликтности в обществе, так и выступать

драйвером развития территории. Характер локальной идентичности может быть позитивным и негативным, а также инклюзивным (направленным на интеграцию в дискурс региональной и федеральной политической повестки, а также на включение всех субъектов на локальном уровне в решение социально-экономических проблем территории) или эксклюзивным (противопоставление национальному сообществу в вертикальной проекции и выключенность отдельных групп населения из решения проблем территории в разрезе горизонтальных связей локального сообщества).

В соответствии со сформулированной автором теоретической моделью политика идентичности на локальном уровне включает следующие элементы: внешние и внутренние факторы, влияющие на характеристики локального пространства, субъекты с набором уникальных ресурсов и мотивацией, структуру, которая проявляется через символическую политику и политику памяти, и результаты, отражающиеся в нарастании конфликтности и социальных размежеваний или в консолидирующих форматах и развитии территории. Комплекс внешних факторов, оказывающих влияние на территорию извне, делится на две группы: детерминированные (включают параметры административно-территориального деления, особенности природы и ландшафта, положение относительно федерального и регионального центра и др.) и конфигуративные (характер и уровень миграционной активности, включенность территории в региональные/федеральные/международные проекты, уровень и характер межрегиональных и внешних связей и др.). Внутренние факторы, характеризующие свойства процессов и явлений внутри территории, представлены особенностями освоения территории, сложившимся историческим опытом взаимодействия различных групп населения, уровнем финансово-экономических возможностей жителей территории, характеристикой символического пространства, а также характером социальных размежеваний внутри локальных сообществ.

Применение технологического арсенала символической политики и политики памяти (музейные, топонимические, коммеморативные, проектные, образовательные, технологии использования публичных пространств, технологии специальных событий) в стратегиях продвижения местной уникальности позволяет эффективнее решать задачи, связанные с исключенностью социальных и политических групп из проектов местного развития, низким уровнем местного патриотизма, рассогласованием с национальным и региональным историко-символическим контекстом. Политика идентичности на локальном уровне отличается многосубъектным характером. Анализ результатов опроса с экспертами из ведущих университетских и академических структур показал, что существуют различия в наборе субъектов, реализующих политику идентичности в пространстве городских и сельских территорий. Ключевыми субъектами политики идентичности для всех территорий локального уровня выступают лидеры сообществ и культурно-просветительские сети. В сельских сообществах самый значительный вклад в реализацию политики идентичности вносят этнические и диаспоральные объединения, для городских территорий значимым субъектом также являются СМИ. Субъекты политики идентичности на локальном уровне (органы местного самоуправления, бизнес-сообщество, партии и общественно-политические движения, этнические и диаспоральные объединения, СМИ и блогосфера, культурно-просветительские сети, лидеры сообществ, гражданские и религиозные организации) обладают набором ресурсов, которые объединяются в следующие группы: концептуальные, кадровые, организационно-управленческие, материально-финансовые, информационные, символические и сетевые.

К факторам, определяющим слабое использование ресурсов в реализации политики идентичности, можно отнести: дефицит каналов взаимодействия и диалоговых площадок для субъектов с разным набором ресурсов; конкуренция в действующих коалициях, продвигающих

собственную повестку в поле публичной политики; слабая развитость неформальных делиберативных практик на местах; отсутствие понимания взаимосвязи локальной и национальной идентичности и возможностей интеграционного потенциала локальной идентичности; дефицит необходимых компетенций у отдельных субъектов в реализации политики идентичности на местном уровне.

В каждой из территориальных зон Краснодарского края сформировался уникальный комплекс природно-климатических, производственно-инфраструктурных и социокультурных факторов, которые являются значимым подкреплением локальной идентичности. Территория Кубани, сочетая традиционализм и инновационность, характеризуется высокой степенью неоднородности, которая выражается через культурную самобытность, экономическую автономию, включенность в международные проекты и высокий уровень миграционной активности. Эмпирические объекты в регионе отбирались через сравнительную комплексную оценку социально-экономического развития сельских территорий с учетом пространственной дифференциации региона на профильные экономические зоны и разного уровня развития территорий (успешно развивающиеся и депрессивные).

Комплексный анализ конфигурации локальной идентичности, институциональной включенности конкретных субъектов, использования потенциала технологического комплекса политики идентичности позволил выделить три эмпирические модели: модель консервации (Новополянское сельское поселение Белореченского района, Фонталовское сельское поселение Темрюкского района, Первомайское сельское поселение Белореченского района, сельское поселение Кубанец Тимашёвского района), модель ответственного развития (Фастовецкое сельское поселение Тихорецкого района, Кубанское сельское поселение Апшеронского района, Таманское сельское поселение Темрюкского района, Стародеревянковское сельское поселение Каневского района) и фрагментарно-дефицитная модель

(Молдавское сельское поселение Крымского района, Рязанское сельское поселение Белореченского района, Челбасское сельское поселение Каневского района).

Среди выделенных эмпирических моделей к успешным относится модель ответственного развития, которая характеризуется перспективной темпоральной направленностью, включенностью всех субъектов политики идентичности в преобразовательную деятельность, их способностью вырабатывать стратегические приоритеты и находить ресурсы для развития за пределами территории, используя различные механизмы и привлекая институты развития. В данной модели социальный капитал рассматривается как общественное благо, позволяющее в практиках взаимодействия всех субъектов политики идентичности мобилизовать локальное сообщество на развитие и совместное решение проблем территорий.

Стагнирующей, с точки зрения возможностей использования потенциала территории, является модель «консервации». Для данной модели характерны ретроспективная темпоральная ориентация, высокая степень атомизации и закрытости местного сообщества при позитивной включенности и готовности отдельных групп интегрироваться в проекты развития. Модель отличает отсутствие социокультурных механизмов интеграции традиций и инноваций для обеспечения стратегического видения развития территорий.

Во фрагментарно-дефицитной модели локальная идентичность имеет эксклюзивный характер, где наблюдается раскол сообщества по различным основаниям. Субъекты политики идентичности представляют автономные сообщества, не связанные общими ценностями и интересами. Социальный капитал во фрагментарно-дефицитной модели не рассматривается как всеобщее благо. В условиях наличия команды изменений в рамках модели существуют барьеры в конвертации ресурса сформированной локальной идентичности в институциональные практики развития.

Анализ ключевых параметров эмпирических моделей политики идентичности на локальном уровне позволил выявить набор институциональных и технологических препятствий, определяющих стагнацию сельских территорий и неспособность членов локального сообщества вырабатывать стратегические приоритеты: слабая плотность межличностных и институциональных связей, низкий уровень доверия внутри сообщества, дефицит компетенций для формирования институциональной среды, низкий уровень социального капитала у лидеров сообществ.

Для успешного использования локальной идентичности как нематериального ресурса развития и преодоления вышеописанных институциональных и технологических препятствий автором предлагаются следующие практические рекомендации, адресованные департаменту внутренней политики администрации Краснодарского края, министерству экономики Краснодарского края, а также главам районных администраций:

- разработать и внедрить в систему дополнительного образования муниципальных служащих единую программу повышения квалификации, включающую содержательные модули по структуре, технологиям, субъектам и ресурсам политики идентичности, которая может быть реализована на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»;

- создать коммуникационные площадки для глав местных администраций для обмена опытом и тиражирования наиболее эффективных практик использования локальной идентичности как нематериального ресурса развития;

- предложить комплекс методических рекомендаций, включающих перечень технологий (музейные, топонимические, коммеморативные, проектные, образовательные технологии использования публичных пространств, технологии специальных событий) и их сочетания в успешных технологических форматах по формированию локальной идентичности;

– интегрировать содержательный модуль о нематериальных ресурсах развития территорий в рамках информационной и консультационной поддержки для некоммерческих организаций, который может быть реализован на базе Центра развития гражданского общества Краснодарского края.

Перспективы дальнейших исследований политики идентичности на локальном уровне лежат в поле осмысления сельской идентичности как отдельной аналитической категории и гибридных вариаций негородской идентичности. Отдельным приоритетом является изучение сельской идентичности в контексте реализации политики развития. Теоретических обобщений и эмпирических исследований также требуют вопросы включения территориальных сообществ в политику развития, которое основывается на сформированной гражданской солидарности. Интеграция новых субъектов РФ актуализирует изучение мультипликации социально позитивных гражданских практик на локальном уровне и преодоления деструктивной конфликтности, базирующейся на барьерах в идентификации, а также обоснования инновационных технологий символической и языковой политики, политики памяти в связи с преодолением ранее доминирующих паттернов социализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Авксентьев, В. А. Политика идентичности в современной России: конструкция и деконструкция (экспертное мнение) / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, В. А. Васильченко // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 3(91). – С. 23–32.
- 2 Алаудинов, А. А. Региональная идентичность: понятие, содержание и структура / А. А. Алаудинов // Перспективы науки. – 2014. – № 9(60). – С. 134–137.
- 3 Александр Авдеев побывал на двух аграрных предприятиях Меленковского района // Владимирские новости. – URL: <https://vedom.ru/news/2023/04/20/60145-aleksandr-avdeev-pobyval-na-dvuh-agrarnyh-predpriyatiyah> (дата обращения 21.04.23).
- 4 Аллея славы – связь времен // Гранты Губернатора Кубани. – URL: <https://grants.krasnodar.ru/projects/item/1441> (дата обращения 23.04.23).
- 5 Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
- 6 Андрей Сасин: «Сказал — сделай» // МК на Кубани. – URL: <https://kuban.mk.ru/social/2022/07/26/andrey-sasin-skazal-sdelay.html> (дата обращения: 11.10.23)
- 7 Аникин, Д. А. Политика памяти в глобальном мире: предпосылки социально-философского исследования / Д. А. Аникин // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153, № 1. – С. 15–21.
- 8 Аникин, Д. А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве / Д. А. Аникин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Т. 12, № 2. – С. 34–38.

9 Антонова, Н. Л. Идентичность как социальный феномен: теоретико-методологические основания социального конструктивизма / Н. Л. Антонова, А. Г. Бусыгин // Теория и практика общественного развития. – 2019. – № 2(132). – С. 12–16.

10 Ачкасов, В. А. Этническая и региональная идентичность в российском поле политики / В. А. Ачкасов // ПОЛИТЭКС. – 2005. – № 1. – С. 68–82.

11 Ачкасов, В. А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций / В. А. Ачкасов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. 16, № 4. – С. 106–123.

12 Ачкасов, В. А. Политика идентичности в современном мире / В. А. Ачкасов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2013. – № 4. – С. 71–77.

13 Ачкасов, В. А. Этническая и региональная идентичность в российском поле политики / В. А. Ачкасов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2005. – Т. 1, № 1. – С. 68–82.

14 Бабайцев, А. В. Общая структура и особенности семантики политических символов / А. В. Бабайцев // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 3(64). – С. 24–29.

15 Баранов, А. В. Актеры региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействий : специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии" : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Баранов Андрей Владимирович. – Волгоград, 2007. – 555 с.

16 Бауман, З. Индивидуализированное общество. Москва: Логос. – 390 с.

17 Бауман, З. Текущая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 240 с.

18 Башмаков, И. С. Региональная идентичность в политической жизни Краснодарского края: ход формирования посредством символической политики власти / И.С. Башмаков // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 1. – С. 141–144.

19 Башмаков, И. С. Региональная мифология как инструмент символической политики в формировании территориальной общности Краснодарского края / И. С. Башмаков // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 2. – С. 183–186.

20 Бедерсон, В. Д. В поисках героев: разнообразие персоналистских идентификаторов и политика идентичности в регионах современной России / В. Д. Бедерсон // Символическая политика. – 2015. – № 3. – С. 192–209.

21 Бедерсон, В. Д. Персоналистские образы как ресурс политики региональной идентичности в субъектах Российской Федерации : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Бедерсон Всеволод Дмитриевич. – Казань, 2016. – 22 с.

22 Без фальсификаций «Историческая» комиссия при президенте распущена // Московские новости. – URL: https://web.archive.org/web/20120324071833/http://mn.ru/society_history/20120319/313741427.html (дата обращения: 11.10.23)

23 Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Медиум, 1995. – 323 с.

24 Бизнесмены Бурятии поддержат возведение памятника Чингисхану в Аге // Байкал-Daily – URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/86290/> (дата обращения: 11.10.22).

25 Благотворительная программа «Музей без границ». – URL: <https://fondpotanin.ru/upload/iblock/eeb/wwngnw3n7d684gataxq81s1ywu4s91ed.pdf> (дата обращения: 11.10.22).

26 Бориско, О. А. Факторы, субъекты и механизмы формирования региональной идентичности молодежи в представлениях студентов и школьников Краснодарского края / О. А. Бориско, С. А. Миронцева // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 12. – С. 19–23.

27 Борисова, Н. В. Городские политические режимы и пространство символической политики / Н. В. Борисова // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2010. – № 4. – С. 48–55.

28 Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

29 Брубейкер, Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» / Р. Брубейкер, Ф. Купер // Ab Imperio. – 2002. – № 3. – С. 61–94.

30 Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё. – СПб., 2001. – 562 с.

31 Бурдьё П. Социология политики / П. Бурдьё. – Москва: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

32 Бурдьё, П. Описывать и предписывать. Заметка о возможности и границах политической действительности / П. Бурдьё // Логос. – 2003. – № 4–5.

33 Бурятия нашла способ использовать бренд Чингисхана // электронный журнал «Новые исследования Тувы». – URL: <https://www.tuva.asia/news/ruregions/6398-buryatiya-chingishan.html> (дата обращения: 10.02.22).

34 Бушуев, В. В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ) / В. В. Бушуев, В. В. Титов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. – 2011. – № 4. – С. 77–93.

35 В Белгородской области благоустраивают рекреационную зону «Петровская круча» // МК Белгород. – URL: <https://www.mk->

belgorod.ru/social/2022/09/23/v-belgorodskoy-oblasti-blagoustravayut-rekreacionnuyu-zonu-petrovskaya-krucha.html (дата обращения: 10.02.22).

36 В Краснодарском крае число ИП выросло на 8% в 2022 г. // РБК URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/6253e7059a7947ab93ee53ef?from=cory> (дата обращения: 10.04.23).

37 В Кремле изучат опыт передачи губернаторам части полномочий в период пандемии // Парламентская газета. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/opyt-peredachi-gubernatoram-chasti-polnomochiy-v-period-pandemii-izuchat-v-kremle.html> (дата обращения: 15.03.2023).

38 Витковская, Т. Б. Промышленные города Урала: специфика локальной идентичности и политических практик / Т. Б. Витковская, М. В. Назукина // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – № 3. – С. 148–165.

39 Владивостокцам предлагают обсудить развитие парка имени Сергея Лазо // Рамблер. – URL: <https://news.rambler.ru/sociology/47761897-vladivostoktsam-predlagayut-obsudit-razvitie-parka-imeni-sergeya-lazo/> (дата обращения: 15.03.2023).

40 Владимирцы выбрали самую красивую деревню // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2022/09/14/reg-cfo/pomerilis-selami.html> (дата обращения: 15.03.2023).

41 Во Владимирской области выбрали самую красивую деревню // ГТРК «Россия.Владимир». – URL: <https://vladtv.ru/society/136961/> (дата обращения: 15.03.2023).

42 Во Владимирской области работают новые технологии в сельском хозяйстве // Россия. ГТРК Владимир. – URL: <https://vladtv.ru/economy/143898/> (дата обращения: 21.04.23).

43 Волков, Ю. Г. Региональная идентичность Юга России в формате маркеров различных уровней / Ю. Г. Волков, В. И. Курбатов // Социология. – 2023. – № 5. – С. 98–105.

44 Все профессии важны // Группа Вконтакте Дмитриевской средней школы. – URL: https://vk.com/wall-56022692_965 (дата обращения: 21.04.23).

45 Всероссийский молодежный фестиваль «Крымский маяк» // Официальный сайт Федеральной национально-культурной автономии греков России. – URL: <https://rusgreek.ru/festival-krimskii-mayak> (дата обращения: 10.06.2023).

46 Галазова, С. С. Региональная идентичность экономического пространства / С. С. Галазова // Экономические науки. – 2014. – № 115. – С. 64–69.

47 Галушина, Н. Механизмы формирования идентичности в социальных движениях: на материале русскоязычного Интернета / Н. Галушина // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2018. – № 8–1(41). – С. 134–154.

48 Где в России жить хорошо? Индекс регионального социально-экономического стресса (ИРСЭС) и реальных доходов населения в 2021 г. – URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/560027143.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).

49 Гельман, В. Власть, управление и локальные режимы в России: рамки анализа // Полит.ру. – URL: https://polit.ru/article/2010/05/18/gelman_vlast/ (дата обращения: 10.06.2023).

50 Гельман, В. Шахматные партии российских элит / В. Гельман // Pro et Contra. – 1996. – Т. 1, № 1. – С. 22–31.

51 Гигаури, Д. И. Символическая политика в социокультурном пространстве города (на примере г. Санкт-Петербурга) / Д. И. Гигаури // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 16. – С. 136–139.

52 Гидденс, Э. Модерн и самоидентичность. Современная теоретическая социология / Э. Гидденс. – Москва: ИНИОН РАН, 1995. – 155 с.

53 Головнева, Е. В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения / Е. В. Головнева // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 2(39). – С. 81–88.

54 Городские интонации // Сообщество «ВКонтакте». – URL: <https://vk.com/urbanintonations> (дата обращения: 12.04.23)

55 Городские порталы // Shkulev Media Holding. – URL: <https://shkulevholding.ru/structure/portals/> (дата обращения: 12.04.23).

56 Государственная программа Владимирской области «Комплексное развитие сельских территорий Владимирской области». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/561665049> (дата обращения: 24.04.22).

57 Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/> (дата обращения: 24.04.22).

58 Грибовод, Е. Г. Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты / Е. Г. Грибовод, Д. М. Ковба, Я. Ю. Моисеенко // Дискурс-Пи. – 2018. – № 2(31). – С. 123–132.

59 Гринько, И. А. "Реанимируя Андерсона": музей и карта в формировании современных идентичностей / И. А. Гринько, А. А. Шевцова // Культурологический журнал. – 2015. – № 1(19). – С. 9.

60 Горин, Д. Г. Политика памяти в условиях социально-политической трансформации: особенности России / Д. Г. Горин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – № 2(23). – С. 98–104.

61 Гришин, Н. В. Государство как субъект политики формирования идентичности / Н. В. Гришин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3(60). – С. 66–72.

62 Губернатор Кубани встретился с Генеральным консулом Республики Армения // Сайт «СОЮЗ АРМЯН РОССИИ» Краснодарского края. – URL: <https://sarkuban.ru/gubernator-kubani-vstretilsya-s-generalnym-konsulom-respubliki-armeniya/> (дата обращения: 24.04.22).

63 Данилова, Е. Н. Изменения в социальных идентификациях россиян / Е. Н. Данилова // Социологический журнал. – 2000. – № 3–4. – С. 79–90.

64 Денисова, Г. С. Особенности региональной идентичности населения Юга России / Г. С. Денисова, Л. В. Клименко // Социологические исследования. – 2013. – № 7(351). – С. 25–34.

65 День выборов в Казани: ешь, танцуй, иди в музей // Kazanfirst. – URL: <https://kazanfirst.ru/articles/559097> (дата обращения: 24.04.22).

66 Депутаты ЗСК приняли новую схему одномандатных округов // РБК Кубань. – URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/61f26de69a7947715195ecb5> (дата обращения: 24.05.23).

67 Деревня на вырост: зачем бывший математик инвестировал в село Вятское миллиард // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/484537-derevna-na-vyrost-zacem-byvsij-matematik-investiroval-v-selo-vatskoe-milliard> 559097 (дата обращения: 24.04.22).

68 Дилигенский, Г. Г. В поисках смысла и цели. Москва: Издательство политической литературы, 1986. – 255 с.

69 Дилигенский, Г. Политическая институционализация в России: социально-культурные и психологические аспекты / Г. Дилигенский // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 8. – С. 5–16.

70 Докучаев, Д. С. «Элитарный» регионализм в России: проблема взаимоотношений власти и интеллигенции (на материале Пермского края и Ивановской области) / Д. С. Докучаев, М. В. Назукина // Интеллигенция и мир. – 2013. – № 3. – С. 18–33.

71 Докучаев, Д. С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции / Д. С. Докучаев // *Философия и культура*. – 2012. – № 12(60). – С. 15–22.

72 Дранникова, Н. В. Локальная идентификация и самоидентификация жителей севернорусских городов Архангельска и Северодвинска (по фольклорно-этнографическим данным) / Н. В. Дранникова // *Studia Rossica Posnaniensia*. – 2016. – Т. 41. – С. 57–69.

73 Дробижева, Л. М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях / Л. М. Дробижева // *Перспективы*. Электронный журнал. – 2018. – № 3(15). – С. 6–21.

74 Дробижева, Л. М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации / Л. М. Дробижева // *Общественные науки и современность*. – 2014. – № 1. – С. 119–129.

75 Дьякова, В. В. Солидарность в контексте анализа региональной идентичности (по результатам социологического исследования) / В. В. Дьякова // *Теория и практика общественного развития*. – 2021. – № 12(166). – С. 30–34.

76 Дюков, А. Р. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей «политики памяти» // Сайт фонда «Историческая память». – URL: http://www.historyfoundation.ru/media_item.php?id=56 (дата обращения: 10.06.2023).

77 Морозова, Е. В. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко, И. С. Семененко // *Полис*. Политические исследования. – 2020. – № 3. – С. 56–77.

78 Евсеенкова, Е. О. Модальность городской идентичности / Е. О. Евсеенкова // *Вестник Пермского научного центра УрО РАН*. – 2014. – № 5. – С. 80–86.

79 Евстифеев, Р. В. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления // Научный результат. Социология и управление. – 2017. – №2 (12). С. 3–9.

80 Евстифеев, Р. В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики / Р. В. Евстифеев // Философские науки. – 2016. – № 1. – С. 88–95.

81 Екатеринбург – город семи районов // Сайт Фонда президентских грантов. – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=33A108DB-81BB-4E5D-AB95-B297D2A16151> (дата обращения: 24.04.22).

82 Еремина, Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа / Е. В. Еремина // Регионология. – 2011. – № 3(76). – С. 45–48.

83 Жаде, З. А. Многоуровневая идентичность в оценках научного сообщества Адыгеи / З. А. Жаде, Б. З. Гвашева, Л. А. Шадже // Вестник Калмыцкого университета. – 2022. – № 4(56). – С. 157–165.

84 Жаде, З. А. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Жаде Зуриет Анзауровна. – Ростов-на-Дону, 2007. – 352 с.

85 Дробижева, Л. М. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие: теоретические и социально-практические проблемы / Л. М. Дробижева // Власть. – 2014. – № 11. – С. 12–16.

86 Жаде, З. А. Политика идентичности в региональном измерении: кейс Республики Адыгея / З. А. Жаде // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 8(109). – С. 13–18.

87 Жители Краснодарского края назвали самые престижные профессии в регионе // Юга. Ру. – URL: <https://www.yuga.ru/news/470325->

zhiteli-krasnodarskogo-kraya-nazvali-samyeprestizhnye-professii-v-regione/ (дата обращения: 11.10.23).

88 Завершинский, К. Ф. Символическая политика как социальное конструирование темпоральных структур социальной памяти / К. Ф. Завершинский // Символическая политика : Сборник научных трудов. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2014. – С. 80.

89 Замятин, Д. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук / Д. Замятин // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9, № 3. – С. 26–50.

90 Замятин, Д. Н. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы / Д. Н. Замятин // Идентичность как предмет политического анализа : Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, Москва, 21–22 октября 2010 года. – Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2011. – С. 186–203.

91 Заседание Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт Администрации Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17536> (дата обращения: 10.06.2023).

92 Знание истории поможет сделать верные выводы из прошлого, заявил Путин // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20220419/istoriya-1784245449.html> (дата обращения: 10.06.2023).

93 Ильин, М. В. Проблемы формирования «острова Россия» и контуры его внутренней геополитики / М. В. Ильин // Вестник Московского университета. Политические науки. – 1995. – № 1. – С. 37–52.

94 Ильин, М. В. Диалог об островах и проливах, междуморьях и междумирьях / М. В. Ильин // Тетради по консерватизму. – 2015. – № 1. – С. 128–135.

95 Ильинова, Н. А. Региональная политика идентичности: оценки и переосмысление в условиях новой реальности / И. В. Киреева, Е. С. Куква, А. Ю. Шадже // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 6. – С. 173–176.

96 Ильинова, Н. А. Политика идентичности полиэтничного региона: общее и особенное / Н. А. Ильинова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2022. – № 4(309). – С. 83–88.

97 Интересное дело: бизнес с высокой социальной ответственностью // Кубанские новости. – URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2022/09/22/interesnoe-delo-biznes-s-vysokoy-sotsialnoy-otvetstvennostyu/> (дата обращения: 11.10.23).

98 Интернет-журнал «Морс». – URL: <https://morsmagazine.ru/> (дата обращения: 11.10.23).

99 Интернет-журнал. – URL: <https://sochi.scapp.ru/> (дата обращения: 11.10.23).

100 Истомина, А. Г. Локальная идентичность жителей города Белгорода (по материалам качественного исследования) / А. Г. Истомина, С. Д. Лебедев // Научный результат. Серия: Социология и управление. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 13–21.

101 Как парку у ДК им. Саид-Галиева удалось сохранить дух эпохи // Казанские ведомости. – URL: <https://kazved.ru/news/kak-parku-u-dk-im-said-galiev-a-udalos-sohranit-duh-epohi-5772172> (дата обращения: 11.10.23).

102 Киреева, И. В. Региональная политика идентичности в Республике Адыгея и Краснодарском крае (по материалам исследования методом фокус-группы) / И. В. Киреева, Е. С. Куква, С. А. Ляшова // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 189–201.

103 Киреева, И. В. Дискурс идентичности в текстах выступлений глав Республики Адыгея и Краснодарского края в связи с юбилейными событиями / И. В. Киреева, Е. С. Куква, С. А. Ляшева // Вопросы истории. – 2023. – № 2–1. – С. 138–145.

104 Киселев, К. В. Региональная идентичность в социологическом измерении: челябинский случай / К. В. Киселев, А. Ю. Щербаков // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2013. – Т. 13, № 4. – С. 107–118.

105 Козырева, П. М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании / П. М. Козырева // Социологические исследования. – 2008. – № 8(292). – С. 29–39.

106 Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства // Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. – URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 20.06.23).

107 Кольба, А. И. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ / А. И. Кольба, Н. В. Кольба // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 160–179.

108 Коновалов, П. Б. Исторический Баргуджин-Токум – исконная родина бурятского народа / П. Б. Коновалов, Д. В. Цыбикдоржиев // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2017. – Т. 19. – С. 129–150.

109 Корепанов, Г. С. Региональная идентичность в дискурсе социологии регионального развития / Г. С. Корепанов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2009. – № 4. – С. 56–65.

110 Красноборов, М. А. Управление формированием территориальной идентичности в рамках конструктивистского подхода

Пьера Бурдые / М. А. Красноборов // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 10. – С. 19–23.

111 Краснодарский край в цифрах // Статистический сборник 2022. – URL: <https://rosinfostat.ru/naselenie-krasnodarskogo-kрая/> (дата обращения: 10.09.23).

112 Краснодарский край и Свердловская область признаны самыми «советскими» регионами // Daily Storm. URL: <https://dailystorm.ru/news/krasnodarskiy-kрай-i-sverdlovskaya-oblast-priznany-samyimi-sovetskimi-regionami> (дата обращения: 11.10.23).

113 Крылов, М. П. Региональная идентичность в европейской России / М. П. Крылов. – Москва: Новый хронограф, 2010. – 240 с.

114 Кубань стала лидером среди регионов России по числу космических названий // Кубань 24. – URL: <https://kuban24.tv/item/kuban-stala-liderom-sredi-regionov-rossii-po-chislu-kosmicheskikh-nazvanij> (дата обращения: 11.04.22).

115 Кули, Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Х. Кули. – Москва: Идея, 2000. – 309 с.

116 Лауреаты Всероссийского фестиваля «Архитектурное наследие» 2018 // Сайт Всероссийского фестиваля «Архитектурное наследие». – URL: <https://archnasledie.ru/itogi-festivalya/2018/> (дата обращения: 11.04.22).

117 Локальная идентичность как новая экономика // Наследие. Проект Россия. – URL: <https://prorus.ru/interviews/lokalnaya-identichnost-kak-novaya-ekonomika-nasledie/> (дата обращения: 16.08.2022).

118 Макарова, Г. И. Этническая и российская идентичность в Республике Татарстан в контексте изменений этнокультурной политики : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Макарова Гузель Ильясовна. – Саранск, 2012. – 437 с.

119 Макарычев, А. С. Глобальное и локальное: Меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием / А. С. Макарычев // Политическая наука. – 2003. – № 3. – С. 8–27.

120 Малахов, В. С. Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 43–53.

121 Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова // Метод. – 2019. – № 9. – С. 285–312.

122 Малыгина, И. В. Региональное измерение российской идентичности: между культурой и экономикой / И. В. Малыгина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 42. – С. 110–117.

123 Поцелуев, С. П. "Символическая политика": к истории концепта / С. П. Поцелуев // Символическая политика : Сборник научных трудов / Центр социальных научно-информационных исследований Отделение политических науки; Ответственный редактор: Малинова О.Ю. Том Выпуск 1. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2012. – С. 17–53.

124 Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. – 207 с.

125 Малинова, О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа / О. Ю. Малинова // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2017. – № 4(87). – С. 6–22.

126 Малинова, О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.

127 Мартынов, М. Ю. Этническая и гражданская идентичность / М. Ю. Мартынов, В. С. Пуртова // Вестник Пермского университета. Политология. – 2013. – № 3(23). – С. 149–157.

128 Мартынов, М. Ю. Роль конструктивистской трактовки формирования гражданской идентичности и патриотизма в современной символической политике / М. Ю. Мартынов, А. И. Габеркорн // Журнал политических исследований. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 117–131.

129 Медиа «Топь». – URL: https://t.me/topyo_media (дата обращения: 11.04.22).

130 Медиаландшафт в 2023 году: аудитория, контент и генераторы повестки // Сетевое издание «Информационный ресурс СКАН». – URL: <https://scan-interfax.ru/blog/medialandshaft-v-2023-godu-auditoriya-kontent-i-generatory-povestki/> (дата обращения: 11.04.23).

131 Методические рекомендации по модернизации муниципальных музеев на основе модельного стандарта деятельности муниципального краеведческого музея. – URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://culture.gov.ru/upload/iblock/2d1/2d175d2d81958a56a1fa0a15e56c8d9a.pdf> (дата обращения: 11.04.23).

132 Миллер, А. И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ / А. И. Миллер // Символическая политика: Выпуск 3 Политические функции мифов Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки. – Москва: ИНИОН РАН, 2015. – С. 210–235.

133 Миллер, А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти / А. И. Миллер // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2016. – № 1(80). – С. 111–121.

134 Монастырская, М. Е. Региональная идентичность градостроительной деятельности: постановка проблемы и этимология

понятия / М. Е. Монастырская // Вестник гражданских инженеров. – 2015. – № 3(50). – С. 34–40.

135 Морозова, Е. В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы / Е. В. Морозова, Е. В. Улько // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2008. – Т. 4, № 4. – С. 139–151.

136 Морозова, Е. В. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко, И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 3. – С. 56–77.

137 Морозова, Е. В. Локальная идентичность и проблемы ее конструирования (кейс Краснодарского края). Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции / И. С. Семененко, Л. А. Фадеева, В. В. Лапкин, П. В. Панов. – Москва: ИМЭМО РАН, 2011. – 235 с.

138 Мчедлова, М. М. Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности / М. М. Мчедлова, О. Л. Саркисян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 4. – С. 648–658.

139 На территории рекреационной зоны «Петровская круча» стало светлее // Официальный сайт органов местного самоуправления Грайворонского городского округа. – URL: https://grajvoron-r31.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti-193_1146.html (дата обращения: 11.04.23).

140 Надежный тыл и доброе слово. Как волонтеры со всей страны помогают участникам СВО // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17122401> (дата обращения: 15.03.2023).

141 Назукина М. В. Локальная идентичность // Идентичность: Личность. Общество. Политика: энциклопедическое издание / под ред. И. С. Семененко. – Москва: Весь Мир. 2017. – С. 512–516.

142 Назукина, М. В. Между Уралом и Поволжьем: поиски Пермской идентичности. Пермь: Печатный салон «Гармония», 2018. – 182 с.

143 Назукина, М. В. Локальная идентичность как ресурс развития моногородов: постановка проблемы / М. В. Назукина // Современный город: власть, управление, экономика. – 2015. – Т. 1. – С. 244–251.

144 Назукина, М. В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России / М. В. Назукина // Регионология. – 2018. – Т. 26, № 4(105). – С. 698–717.

145 Назукина, М. В. Между Уралом и Поволжьем: поиски пермской идентичности / М. В. Назукина. – Пермь: ООО Печатный салон «Гармония», 2018. – 196 с.

146 Назукина, М. В. Политика идентичности в Пермской области(1990-е – начало 2000-х гг.) / М. В. Назукина // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2016. – № 5. – С. 38–45.

147 Назукина, М. В. Российская Федерация как система и иерархия идентичностей / М. В. Назукина, О. Б. Подвинцев // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2013. – № 4. – С. 45–51.

148 Назукина, М. В. Локальный уровень в матрице территориальной идентичности жителей Пермского края / М. В. Назукина, Р. И. Петрова // Вестник Пермского университета. Политология. – 2015. – № 4. – С. 127-142.

149 Недосека, Е. В. Локальная идентичность населения моногорода (на примере г. Сокола) / Е. В. Недосека // Проблемы развития территории. – 2020. – № 1(105). – С. 109–123.

150 Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 // Официальный сайт Государственной Думы РФ. – URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 15.03.2023).

151 О проекте // Enter. URL: <https://entermedia.io/about/> (дата обращения: 15.03.2023).

152 Об организации // Городские реновации. – URL: <https://urbanrenovation.ru/renovation/> (дата обращения: 15.03.2023).

153 Окунев, И. Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий / И. Ю. Окунев // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 18–25.

154 Осипова, Е. Д. Трансформация социальных практик: концепция П. Бергера и Т. Лукмана в условиях кризисного общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2015. – № 2. – С. 69–79.

155 Отчет «Цифровая жизнь российских регионов 2020». – URL: file:///C:/Users/natar/Downloads/SKOLKOVO_IEMS_Research_Digital_life_of_russian_regions_2020-06-09_ru.pdf (дата обращения: 05.12.23).

156 Отчет главы администрации Новополянского сельского поселения Апшеронского района о проделанной работе за 2022 год и задачи на 2023 год. – URL: <https://nov.apsheron-sk-oms.ru/teksty-oficial-nyh-vystupleniy-i-zayavleniy.html> (дата обращения: 05.12.23).

157 Официальный сайт Молдавского сельского поселения Крымского района. – URL: <https://moldavanskoesp.ru/istoricheskaya-spravka/moldavanskoe-selskoe-poselenie-segodnya> (дата обращения: 12.09.23).

158 Официальный сайт Федеральной национально-культурной автономии греков России // URL: <https://rusgreek.ru/fnka> (дата обращения: 12.02.23).

159 Панов, П. В. Многоликий регионализм / П. В. Панов // Вестник Пермского университета. Политология. – 2020. – Т. 14, № 1. – С. 102-115; Туровский, Р. Ф. О состоянии и перспективах политической регионалистики / Р. Ф. Туровский // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 10-30.

160 Пантин, В. И. Политические размежевания и расколы в современных обществах / В. И. Пантин // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20, № 3. – С. 28–40.

161 Паспорт проекта #PROГрайворон // Сайт Министерства общественных коммуникаций Белгородской области. – URL: <https://xn--90aedc4atar.xn--80af5akm8c.xn--p1ai/public/application/item?id=0c403bb6-816c-4c50-a058-d6d34b11aef4> (дата обращения: 12.02.23).

162 Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой, вступ. ст. О.Л. Лейбовича. – Пермь: редакционно-издательский совет ПГГПУ, 2013. – 240 с.

163 Плотникова, М. М. Локальная и региональная идентичность сибирских городов в XXI в / М. М. Плотникова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 8, № 5. – С. 245–252.

164 Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов: Отчет о НИР / руководитель И. В. Мирошниченко; Российский научный фонд, Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2022. – Грант № 22-18-20059.

165 Политика идентичности: региональные практики и векторы развития / З. А. Жаде, Н. А. Ильинова, И. В. Киреева, Е. С. Куква, С. А. Ляшева, А. Ю. Шадже. – Майкоп: АГУ, 2022. – 132 с.

166 Положение о проведении смотра-конкурса самых красивых деревень во Владимирской области. – URL: https://best-village.ru/?page_id=53 (дата обращения: 12.02.23).

167 Полякова, Н. Л. «Идентичность» в современной социологической теории / Н. Л. Полякова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2016. – Т. 22, № 4. – С. 22–42.

168 Попова, О. В. Государственная политика идентичности в экспертных оценках российских политологов / О. В. Попова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 4 (61). – С. 50–56.

169 Попова, О. В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок

российских исследователей / О. В. Попова // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20, № 4. – С. 74–91.

170 Фадеева, Л. А. Секьюритизация политики памяти и идентичности в арсенале политиков и аналитиков / Л. А. Фадеева // Известия Алтайского государственного университета. – 2020. – № 6(116). – С. 73–76.

171 Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / Д. А. Аникин, Е. А. Бабкина, С. И. Белов [и др.]. – Санкт-Петербург: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования "Европейский университет в Санкт-Петербурге", 2020. – 632 с.

172 Постановление «Об итогах краевого конкурса на звание «Лучший орган территориального общественного самоуправления» в 2022 году. – URL: krymsk-region.ru/wp-content/uploads/2023/04/tos-postanovlenie.pdf (дата обращения: 10.09.23).

173 Постановление администрации Владимирской области от 20.12.2019 № 904 «Об утверждении государственной программы Владимирской области "Комплексное развитие сельских территорий Владимирской области"» // Информационно-правовая база данных РФ. – URL: <https://ipbd.ru/doc/3300201912250009/> (дата обращения: 10.09.23).

174 Пост-релиз 2018 // Сайт Всероссийского фестиваля «Архитектурное наследие». – URL: <https://archnasledie.ru/itogi-festivalya/2020/> (дата обращения: 10.09.23).

175 Пост-релиз 2019 // Сайт Всероссийского фестиваля «Архитектурное наследие». – URL: <https://archnasledie.ru/itogi-festivalya/2019/> (дата обращения: 10.09.23).

176 Потомки Чингисхана. Как в Бурятии пытаются сохранить традиционные язык и культуру // Рамблер. – URL: <https://news.rambler.ru/other/43731155-potomki-chingishana-kak-v-buryatii->

pytayutsya-sohranit-traditsionnye-yazyk-i-kulturu/ URL:

<https://archnasledie.ru/itogi-festivalya/2019/> (дата обращения: 10.09.23).

177 Правительство утвердило постановление о переоснащении муниципальных музеев // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://government.ru/news/44109/> (дата обращения 01.12.2022).

178 Правоторова, А. А. Теоретические основания исследования городской идентичности / А. А. Правоторова, У. Г. Кондратьева // Творчество и современность. – 2018. – № 2(6). – С. 69–79.

179 Примерная рабочая программа учебного курса «История Самарского края». – URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://rcneftegorck.ru/wp-content/uploads/2022/04/istoriya-samarskogo-kraya-programma.pdf> (дата обращения 01.12.2022).

180 Проект «Верблюд в огне». – URL: <https://verbludvogne.ru/> (дата обращения 01.12.2022).

181 Проект «Пойма». – URL: <https://poymamagazine.ru/> (дата обращения 01.12.2022).

182 Прохоренко, И. Л. Возможности пространственного подхода в изучении этнополитической конфликтности / И. Л. Прохоренко // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 127–138.

183 Прохоренко И.Л. Диаспоры и диаспоральные «миры» // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – Москва: Весь мир, 2017. – С. 436.

184 Псянчин, А. В. К вопросу об этнической и общероссийской идентичности в республиках Башкортостан и Татарстан / А. В. Псянчин, Э. В. Мигранова, А. Я. Зарипов // Oriental Studies. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 743–757.

185 Путин назвал Россию отдельной цивилизацией // Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4347719> (дата обращения: 11.10.23).

186 Путин призвал сохранять историческую память // РБК. – URL: <https://ria.ru/20230118/pamyat-1845725875.html> (дата обращения: 11.10.23).

187 Путина удивили школьные учебники, где не говорится о Сталинградской битве // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20210421/istoriya-1729245183.html> (дата обращения: 11.10.23).

188 Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2022 // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/images/63023/66/630236639.pdf> (дата обращения: 11.10.23).

189 Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 г. // РИА Рейтинг. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20230515/630241787.html> (дата обращения: 11.10.23).

190 Липсет, С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания / С. Липсет, С. Роккан // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 204–234.

191 Русия, Н. Т. Позитивная идентичность как ресурс развития на локальном уровне / Н. Т. Русия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. – 2023. – № 2. – С. 110–113.

192 Русия, Н. Т. Формирование идентичности армянской диаспоры в Краснодарском крае / Н. Т. Русия // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 3(116). – С. 46–56.

193 Русия, Н. Т. Состояние гражданской солидарности городских и сельских территорий Юга России / Н. Т. Русия, Д. Н. Ракачев // Журнал политических исследований. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 72–87.

194 РФ создает комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20090519/171517015.html> (дата обращения: 11.10.23).

195 Савоскул, С. С. Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов Центральной России) / С. С. Савоскул // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 6. – С. 83–99.

196 Сагитова, Л. В. Политика идентичности и ее акторы в условиях социальной трансформации в Республике Татарстан : специальность 23.00.05 «Политическая регионалистика. Этнополитика» : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Сагитова Лилия Варисовна, 2019. – 428 с.

197 Сагитова, Л. В. Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы / Л. В. Сагитова. – Казань : Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2018. – 360 с.

198 Сайт общественной организации «Городские реновации». – URL: <https://urbanrenovation.ru/> (дата обращения: 11.04.23).

199 Саляхова, М. Р. Реорганизация городских общественных пространств с учетом сохранения идентичности / М. Р. Саляхова, А. В. Степанчук, В. М. Саляхова // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2022. – № 4(62). – С. 129–141.

200 Самаркина, И. В. Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края) / И. В. Самаркина, И. С. Башмаков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23. – № 1. – С. 159–171.

201 Самошкина, И. С. Территориальная идентичность как предмет социально-психологического исследования // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2008. – № 3. – С. 43–53.

202 Семененко, И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст /

И. С. Семенов // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28.

203 Семенов, И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // ПОЛИТЭКС. – 2011. – № 2. – С. 5–24.

204 Семенов, И. С. Политика идентичности: меняющаяся повестка дня // Символическая политика. – Москва: ИНИОН РАН. – С. 21–40.

205 Семенов, И. С. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации / И. С. Семенов, В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 5. – С. 56–77.

206 Семенов, И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст / И. С. Семенов // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28.

207 Симонян, Р. Х. Приграничное регионоведение в контексте теории мезосистем / Р. Х. Симонян // Социологические исследования. – 2019. – № 6. – С. 64–73.

208 Смирнов, Д. Г. Символическая политика: теоретические и методологические аспекты / Д. Г. Смирнов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 2(16). – С. 5–16.

209 Соколова, А. Н. Практика формирования гражданской идентичности в Республике Адыгея / А.Н. Соколова // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т.12, № 5. – С. 147–164.

210 Спорные имена России // Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3821047> (дата обращения: 11.04.23).

211 Стартовала церемония подведения итогов конкурса "Самая красивая деревня Владимирской области" // ГТРК Россия.Владимир. – URL: <https://vladtv.ru/society/136925/>

212 Стрелецкий, В. Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов / В. Н. Стрелецкий // Псковский регионологический журнал. – 2012. – № 14. – С. 9–21.

213 Титов, В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности : российский опыт и новые тенденции / В. В. Титов. – Москва: Ваш формат, 2017. – 184 с.

214 Тишков, В. А. Нация наций: о подходах к пониманию России / В. А. Тишков. – Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2023. – 69 с.

215 Топ-15 самых прибыльных сельхозпредприятий Владимирской области на сегодняшний день // Владимирские новости. – URL: https://newsvladimir.ru/fn_1083791.html (дата обращения: 11.04.23).

216 Тумакова, К. Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс / К. Е. Тумакова // Власть. – 2010. – № 3. – С. 70–73.

217 Туровский, Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? / Р. Ф. Туровский. – М.: Гендальф, 1999. – С. 87–136.

218 Тыканова, Е. В. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства / Е. В. Тыканова, А. М. Хохлова // Социология власти. – 2014. – № 2. – С. 104–122.

219 Указ Президента Российской Федерации от 15.05.2009 г. № 549 // Официальный сайт Администрации резидента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29288> (дата обращения: 11.04.23).

220 Указ Президента Российской Федерации от 31.05.2019 № 246 "О присвоении аэропортам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством" // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905310002?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 11.04.23).

221 Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. N 757 “О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. N 756” // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405400237/> (дата обращения: 10.05.2023).

222 Уханова, Ю. В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) / Ю. В. Уханова // Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 88–107.

223 Фадеева, Л. А. Борьба за конструирование региональной идентичности: пермский случай / Л. А. Фадеева // Вестник Пермского университета. Политология. – 2011. – № 2(14). – С. 43–51.

224 Федеральный образовательный семинар для учителей и преподавателей национальных родных языков РФ прошел в Ростове-на-Дону // Официальный сайт Федеральной национально-культурной автономии греков России. – URL: <https://rusgreek.ru/news/3644> (дата обращения: 10.05.2023).

225 Федотова, Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования / Н. Г. Федотова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 29. – С. 141–155.

226 Фролова, Н. Постиндустриальная долина. «Парко Дора» в Турине, созданный бюро Latz + Partner на берегах реки Дора-Рипария // Архи.ру. – URL: <https://archi.ru/world/54574/postindustrialnaya-dolina> (дата обращения: 10.05.2023).

227 Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления, и интервью / М. Фуко. – Москва: Праксис, 2006. – 320 с.

228 Хантингтон, С. Кто мы: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон/ – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 432 с.

229 Хунагов, Р. Д. Взаимодействие национально-гражданской, региональной и этнической идентичностей в Республике Адыгея: экспертное мнение / Р. Д. Хунагов, З. А. Жаде // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11, № 4. – С. 188–195.

230 Цумарова Е. Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия). Санкт-Петербург, 2014 – 157 с.

231 Цумарова, Е. Ю. Политика идентичности: politics или policy? / Е. Ю. Цумарова // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2012. – № 2. – С. 5–16.

232 Цумарова, Е. Ю. Политика идентичности: politics или policy? / Е. Ю. Цумарова // Вестник Пермского университета. Политология. – 2012. – № 2(18). – С. 5–16.

233 Чем знаменито село Вятское Ярославской области // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2020/11/02/reg-cfo/chem-znamenito-selo-viatskoe-iaroslavskoj-oblasti.html> (дата обращения: 12.04.23).

234 Чингисхан станет брендом Республики Бурятия // Центр Льва Гумилёва. – URL: <https://www.gumilev-center.ru/chingiskhan-stanet-brendom-respubliki-buryatiya/> (дата обращения: 12.04.23).

235 Шишигин, А. В. Территориальные идентичности в XXI веке: состояние и перспективы развития / А. В. Шишигин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 1-1(27). – С. 210-213.

236 Школьников ориентируют на сельское хозяйство // Меленковский район. Официальный сайт органов местного самоуправления. – URL: <https://www.melenky.ru/home/novosti/73-city/3742-shkolnikov-orientiruyut-na-selskoe-khozyajstvo> (дата обращения: 12.04.23).

237 Шматко, Н. А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования / Н. А. Шматко, Ю. Л. Качанов // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 94–98.

238 Шубин, Л. Л. Борисов Трофим Кузьмич – у истоков государственного здравоохранения Удмуртии / Л. Л. Шубин, В. Н. Савельев, В. К. Гасников // Медицинский альманах. – 2017. – № 1(46). – С. 30–32.

239 Экспертная сеть по исследованию идентичности. – URL: <http://identityworld.ru/index/0-2> (дата обращения: 10.09.2022).

240 Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // Мир России. Социология. Этнология. – 1995. – Т. 4, № 3-4. – С. 158–181.

241 Яковлева, М. В. Особенности социологического анализа городской символики как фактора формирования идентичности горожан / М. В. Яковлева // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2008. – № 1. – С. 83–90.

242 «Аллея Славы – связь поколений» // Майкопский отдел Кубанского казачьего войска. – URL: <http://xn--80aaukdyahimls.xn--p1ai/node/2775> (дата обращения: 10.09.23).

243 «Совесть не позволяет»: почему в Ростове закрывают издание о жизни села // РБК. – URL: <https://rostov.rbc.ru/rostov/29/06/2022/62bc075d9a7947fa4e279f3f> (дата обращения: 10.09.2022).

244 Ariza, D. Culture in the EFL classroom at Universidad de la Salle: An innovation project / D. Ariza // Actualidades Pedagógicas. – 2007. – № 50. – P. 9–17.

- 245 Bauman, Z. Migration and Identities in the Globalized World / Z. Bauman // *Philosophy & Social Criticism*. – 2011. – Vol. 37, no. 4. – P. 425–435.
- 246 Blau, P. M. *The Dynamics of Bureaucracy* / P. M. Blau. – Chicago, 1955. – 269 p.
- 247 Brubaker, R. Beyond “Identity” / R. Brubaker, F. Cooper // *Theory and Society*. – 2000. – Vol. 29. – No. 1. – P.6.
- 248 Castells, M. *The Power of Identity* / M. Castells. – Malden, Mass.: Blackwell Pub. – 321 p.
- 249 Chodorow, N. *The Reproduction of Mothering* / N. Chodorow. – Berkeley: University of California Press, 1978. – 264 p.
- 250 Cooper, J. The Formation and Persistence of Attitudes that Support Intergroup Conflict / S. Worchel, W. Austin (Eds.) *Psychology of Intergroup Relations*. – Chicago: Nelson-Hall, 1986. – P. 183–195
- 251 Duckitt, J. Group Identification and Intergroup Attitudes: A Longitudinal Analysis in South Africa / J. Duckitt, T. Mphuthing // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – № 74(1). – P. 80–85.
- 252 Fedotova, N. The formation of urban identity: factorial and institutional aspects / N. Fedotova // *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. – 2017. – Vol. 20, No. 3. – P. 32–49.
- 253 Fukuyama, F. *Social Capital and the Global Economy* / F. Fukuyama // *Foreign Affairs*. – 1995. – № 74. – P. 52–58.
- 254 Gilligan, C. *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development* / C. Gilligan. – Cambridge: Harvard University Press, 1982. – 184 p.
- 255 Homans, G. C. *Social behavior: Its Elementary Forms* / G. C. Homans. – N.Y.; Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc., 1961. – 404 p.
- 256 Jandt, F. E. *An Introduction to Intercultural Communication: Identities in a Global Community* / F. E. Jandt. – Los Angeles, CA: Sage Publications, 2012. – 341 p.

- 257 Laclau, E. *The Making of Political Identities* / E. Laclau. – London: Verso, 1994. – 325 p.
- 258 Mouffe, Ch. *On the Political* / Ch. Mouffe. – London: Routledge, 2005. – 452 p.
- 259 Lewicka, M. 2008. *Place Attachment, Place Identity, and Place Memory: Restoring the Forgotten City Past* / M. Lewicka // *Journal of Environmental Psychology*. – 2008. – № 28. – P. 209–231.
- 260 Lin, L. F. *Second Language Learners' Identity toward Their Home Culture: Adding Pragmatic Knowledge to Language Learning Curriculum* / L. F. Lin // *Asian Social Science*. – 2009. – 5(8). – P. 43–51.
- 261 Liu, J. H. *Representing World History in the 21st Century: The Impact of 9/11, the Iraq War, and the Nation-State on Dynamics of Collective Remembering* / J. H. Liu, D. Paez, P. Slawuta, R. Cabecinhas, E. Techio, D. Kokdemir et. al // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2009. – № 40. – P. 667–692.
- 262 Lynch, K. *A theory of good city form*. Cambridge: MIT Press, 1981. – 543 p.
- 263 Molm, L. *Theories of Social Exchange and Exchange Networks* / B. Smart & G. Ritzer. – *Handbook of Social Theory*. Sage Publications, 2001. – P. 260-272.
- 264 Oliveira, J. A. *Territorial Identity and Development: From Topophilia to Terraphilia* / J.A. Oliveira, Z. Roca, N. Leitão // *Land Use Policy*. – 2010. – Vol. 27(3). – P. 810.
- 265 Portes, A. *Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology* / A. Portes // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24. – P. 1–24.
- 266 Prendergast, J. G. *Regional Identity and Territorial Integrity in Contemporary Russia* // *A New Russian Heartland?* URL:

<http://www.le.ac.uk/geography/research/RussianHeartland/index.html> (дата обращения: 12.05.23).

267 Pretty, G. H. Sense of Place amongst Adolescents and Adults in Two Rural Australian Towns: The Discriminating Features of Place Attachment, Sense of Community and Place Dependence in Relation to Place Identity / G. H. Pretty, H. M. Chipuer, P. Bramston // *Journal of Environmental Psychology* – 2003. – № 23. – P. 273–287.

268 Putnam, R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community* / R. D. Putnam. – New York: Touchstone Books by Simon & Schuster, 2001. – 544 p.

269 Roca, Z. Affirmation of Territorial Identity: Development Policy Issue // Z. Roca, M.N.O. Roca. – *Land Use Policy*. – 2007. – Vol 24. – P. 436.

270 Simon, H. A. *Administrative Behavior* / H. A. Simon. – New York: Free Press, 1997. – 364 p.

271 Somers, M. The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach / M. Somers // *Theory society*. – 1994. – Vol. 23, N 5. – P. 610.

272 Stedman, R. C. Toward a Social Psychology of Place: Predicting Behavior from PlaceBased Cognitions, Attitude, and Identity / R. C. Stedman // *Environment and Behavior*. – 2002. – № 34. – P. 561–581.

273 Tajfel, H. An Integrative Theory of Inter-group Conflict. The Social Psychology of Inter-group Relations / H. Tajfel, J. C. Turner. – Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. – P. 33–47.

274 Turner, J. C. Social Comparison and Social Identity: Some Prospects for Intergroup Behaviour / J. C. Turner // *European Journal of Social Psychology*. – 1975. – № 5. – P. 5–34.

275 Turner, J. C. Social Identity, Personality, and the Self-concept: A Self-Categorization Perspective / J. C. Turner, R. S. Onorato // *Rediscovering social Identity*. – 2010. – P. 315–339.

276 Twigger-Ross, C. Place and Identity Processes / C. Twigger-Ross, D. Uzzell // Journal of Environmental Psychology. – 1996. – № 16. – P. 205–220.

277 Wang, Y. Globalization Enhances Cultural Identity / Y. Wang // Intercultural Communication Studies. – 2007. – № 16(1). – P. 83–86.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Ресурсы для субъектов политики идентичности (визуализация на материалах экспертного опроса)

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Вопросник экспертного опроса по характеристике субъектов политики идентичности

Уважаемый эксперт!

Выражаем Вам огромную благодарность за помощь в диссертационном исследовании "Политика идентичности на локальном уровне: процессы, институты и технологии".

Данный опрос посвящен характеристике субъектов политики идентичности городских и сельских территорий России, а также описанию ресурсов, которыми они обладают.

Оцените вклад каждого выделенного субъекта политики идентичности СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ в Вашем регионе.

Вам необходимо задать для каждого субъекта значение от 1 до 10, где 1 - самый существенный вклад, 10 - самый незначительный (значения могут повторяться)

Органы местного самоуправления

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Бизнес-сообщество и предприниматели

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Партии и общественно-политические движения

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Этнические сообщества и диаспоральные объединения

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

СМИ и блогосфера

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Культурно-просветительские сети (культурные и образовательные учреждения)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Лидеры сообществ

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Гражданские организации/объединения

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Религиозные организации

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Оцените вклад каждого выделенного субъекта политики идентичности городских территорий в Вашем регионе.

Вам необходимо задать для каждого субъекта значение от 1 до 10, где 1 - самый существенный вклад, 10 - самый незначительный (значения могут повторяться)

Органы местного самоуправления

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Бизнес-сообщество и предприниматели

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Партии и общественно-политические движения

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Этнические сообщества и диаспоральные объединения

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

СМИ и блогосфера

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Культурно-просветительские сети (культурные и образовательные учреждения)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Лидеры сообществ

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Гражданские организации/объединения

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Религиозные организации

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Затрудняюсь ответить/не представлены в качестве субъекта									

Далее последуют вопросы о ресурсах, которыми обладают субъекты политики идентичности.

Мы разделили их на следующие группы:

Концептуальные (осознание роли идентичности для развития территории и фиксация в документах политики идентичности. Например, соответствующий раздел в стратегии социально-экономического развития территории);

Кадровые (наличие ответственных и компетентных людей, в функции которых входит формирование локальной идентичности. Например, историки-краеведы, реализующие просветительские проекты о территории);

Организационно-управленческие (координация и организация граждан для включения в проекты развития территории. Например, активисты молодежного движения вовлекают молодежь для написания грантовых проектов);

Материально-финансовые (бюджетные и внебюджетные средства, выделяемые на проекты и мероприятия по формированию местного патриотизма. Например, спонсорская помощь выходца из станицы на организацию местного праздника);

Информационные (освещение компонентов и технологий политики идентичности в традиционных СМИ и сетевых ресурсах. Например, страница о героях города в местной газете);

Символические (имиджевые и ценностные основания территории, отображаемые в официальных и неофициальных символах. Например, узнаваемый герб территории или природная достопримечательность);

Сетевые (социальный капитал местных сообществ, плотность межличностных и институциональных связей и уровня доверия. Например, деятельность земляческих сообществ в онлайн социальных сетях)

Какими ресурсами при реализации политики идентичности на локальном уровне обладают органы местного самоуправления в Вашем регионе (выберите не более трёх)?

Концептуальные

Кадровые

Организационно-управленческие

Материально-финансовые

Информационные

Символические

Сетевые

Затрудняюсь ответить

Каким Вам видится результат деятельности данного субъекта (органы местного самоуправления) на локальном уровне?

Например, "Укреплены социальные отношения между жителями" или "Выстроены принципы диалога с местным сообществом"

Какими ресурсами при реализации политики идентичности на локальном уровне обладают бизнес-сообщества и предприниматели в Вашем регионе (выберите не более трёх)?

- Концептуальные
- Кадровые
- Организационно-управленческие
- Материально-финансовые
- Информационные
- Символические
- Сетевые
- Затрудняюсь ответить

Каким Вам видится результат деятельности данного субъекта (бизнес-сообщество и предприниматели) на локальном уровне?

Какими ресурсами при реализации политики идентичности на локальном уровне обладают партии и общественно-политические движения в Вашем регионе (выберите не более трёх)?

- Концептуальные
- Кадровые
- Организационно-управленческие
- Материально-финансовые
- Информационные
- Символические
- Сетевые
- Затрудняюсь ответить

Каким Вам видится результат деятельности данного субъекта (партии и общественно-политические движения) на локальном уровне?

Какими ресурсами при реализации политики идентичности на локальном уровне обладают этнические сообщества и диаспоральные объединения в Вашем регионе (выберите не более трёх)?

- Концептуальные
- Кадровые
- Организационно-управленческие
- Материально-финансовые
- Информационные
- Символические
- Сетевые
- Затрудняюсь ответить

Каким Вам видится результат деятельности данного субъекта (этнические сообщества и диаспоральные объединения) на локальном уровне?

Какими ресурсами при реализации политики идентичности на локальном уровне обладают СМИ и блогосфера в Вашем регионе (выберите не более трёх)?

Концептуальные
Кадровые
Организационно-управленческие
Материально-финансовые
Информационные
Символические
Сетевые
Затрудняюсь ответить

Каким Вам видится результат деятельности данного субъекта (СМИ и блогосфера) на локальном уровне?

Какими ресурсами при реализации политики идентичности на локальном уровне обладают культурные и образовательные учреждения в Вашем регионе (выберите не более трёх)?

Концептуальные
Кадровые
Организационно-управленческие
Материально-финансовые
Информационные
Символические
Сетевые
Затрудняюсь ответить

Каким Вам видится результат деятельности данного субъекта (культурные и образовательные учреждения) на локальном уровне?

Какими ресурсами при реализации политики идентичности на локальном уровне обладают лидеры сообществ в Вашем регионе (выберите не более трёх)?

Каким Вам видится результат деятельности данного субъекта (лидеры сообществ) на локальном уровне?

Какими ресурсами при реализации политики идентичности на локальном уровне обладают гражданские организации в Вашем регионе (выберите не более трёх)?

Концептуальные
Кадровые
Организационно-управленческие
Материально-финансовые
Информационные
Символические
Сетевые
Затрудняюсь ответить

Каким Вам видится результат деятельности данного субъекта (общественные организации) на локальном уровне?"

Какими ресурсами при реализации политики идентичности на локальном уровне обладают религиозные организации в Вашем регионе (выберите не более трёх)?

- Концептуальные
- Кадровые
- Организационно-управленческие
- Материально-финансовые
- Информационные
- Символические
- Сетевые
- Затрудняюсь ответить

Каким Вам видится результат деятельности данного субъекта (религиозные организации) на локальном уровне?

Какие ресурсы при реализации политики идентичности на территориях Вашего региона используются недостаточно и почему?

Приведите известные Вам примеры успешной деятельности отдельного субъекта политики идентичности на локальном уровне в Вашем регионе (с указанием населенного пункта).

Кейсы, когда субъект действует автономно (без кооперации с другими)

Приведите известные Вам примеры успешной деятельности нескольких субъектов политики идентичности на локальном уровне в Вашем регионе (с указанием населенного пункта)."

Кейсы, когда субъекты действуют в кооперации

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Сценарий фокус-групповой дискуссии

1 БЛОК. ВВОДНАЯ ЧАСТЬ. БАЗОВЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.

[Связь со своим сельским сообществом, районом, степень «укоренённости»; значимые места, символы]

Укажите, пожалуйста, кем Вы ощущаете себя в первую очередь? Жителем своего села, поселка, станицы? Жителем своего района? Жителем своего края? Гражданином России? Гражданином всего мира?

Если бы у Вас спросили, где находится Ваш район, и какие объекты и населенные пункты его окружают, как бы Вы ответили?

Давно ли Вы проживаете в этом селе/поселке/станице/районе? Вы родились в этом селе/поселке/станице/районе или позже переехали? Если переехали, почему в это место? Проживали ли в этом селе/ поселке/ станице/ районе Ваши предки? Хотели ли бы Вы, чтобы Ваши потомки проживали в этом районе?

Есть ли привязанность к этому месту? Если нет, почему?

Если бы была возможность, переехали ли бы Вы жить в другой район, город, другой регион или страну?

Нравится ли Вам район? Чем?

Как вы думаете, нравится ли местному населению этот район? Почему?

А есть ли условия, которые побудят население не переезжать/приезжать?

Какие места, на Ваш взгляд, являются наиболее значимыми, важными для жителей, являются лицом села/района. Почему? Что Вы можете назвать символическим центром своего села, станицы, района? В какие места Вы водите вновь прибывших гостей, друзей, чтобы сформулировать у них правильное цельное впечатление о своем поселке? районе? Какие достопримечательности показываете, в первую очередь, своим гостям? Какие места Вы посещаете с целью «выхода в свет»? Отметьте наиболее значимые ключевые точки своего района, центр села. Укажите, в каких местах Вы любите гулять, отдыхать?

Существуют ли в вашем селении группы людей непохожих на вас? Если да, то назовите их и опишите чем они отличаются от вас?

2 БЛОК. ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ.

Можете ли Вы назвать наиболее выдающихся людей прошлого и современников, знаменитых земляков, которые являются лицом Вашего района, внесли большой вклад в его развитие, прославили его? Кто является элитой Вашего района?

Есть ли среди местных жителей отдельные группы населения, которые, в большей степени, нежели остальные люди, трудятся на благо района с целью его развития? Администрация? Глава района и его команда? Спортсмены, бизнес, руководители местных предприятий? Волонтеры? Активисты? Отдельные граждане? Туристы?

Какую роль в формировании чувства привязанности играют школа (учителя, музей, клуб, библиотеки)?

Какие СМИ существуют в районе? Какие из них пользуются наибольшей популярностью и доверием? Объясните, пожалуйста, почему?

Какие группы в социальных сетях созданы местными жителями? Какие темы и проблемы в них обсуждаются? Как это влияет на жизнь Вашего поселения?

Приведите примеры, когда решения важных для поселения проблем решались по инициативе снизу? Кто стал инициатором в решении данной проблемы?

Какие важные, значимые события и мероприятия проводятся в районе?

Какие группы населения в них участвуют? Почему только они?

Укажите, какие праздники, события, мероприятия позволяют Вам ощутить сопричастность с местом проживания, стать в полной мере жителем своего района, почувствовать единство с другими местными жителями?

Что делают власти, бизнес-сообщество, чтобы достойно представлять МО в крае?

Что делают для поселений сами жители, инициативные группы? (пример) Поддерживаете ли вы их?

Как власть, бизнес и население осуществляет между собой коммуникацию? Эффективно это? (пример)

Какими ресурсами обладает район, для развития экономики, образования, культуры и гражданского общества?

Какие ключевые проекты развития обсуждаются людьми?

В каких проектах развития района Вы участвуете/проводите? (пример)

Есть ли проблемы в реализации тех или иных проектов?

3 БЛОК. ПРОЕКТИВНЫЕ ВОПРОСЫ.

ПРОЕКТИВНЫЙ РИСУНОК

[оценка положения дел в районе]

Довольны ли Вы положением дел в районе?

Каким район будет через 3,5, 10 лет?

Что необходимо для изменений, какие проекты, мероприятия?

Назовите существующие возможности для социально-экономического развития? Как бы вы их использовали?

Как можно повысить уровень доходов, образования, культуры населения?

В чем, по Вашему мнению, заключаются проблемы развития района?
Как эффективно с ними справиться?

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Гайд экспертного интервью

Вводная часть (3 минуты).

Благодарю Вас за готовность дать экспертное интервью по значимой теме и для политической науки, и для повышения эффективности взаимодействия социума и институтов государственной власти в нашей стране.

Мы будем говорить сегодня об очень важных вопросах гражданской солидарности, значение которых повышается на фоне роста международной турбулентности и потенциальных рисков социально-политической дестабилизации в нашей стране. Эти вопросы особенно остро стоят на региональном уровне, поскольку от принимаемых в субъектах федерации решениях зависит та часть жизни людей, которая не регулируется на федеральном уровне.

С Вашего позволения я включу запись. Конфиденциальность полученной информации гарантируется. В научном отчете все высказывания будут обезличены. Будут указаны только регион и сфера деятельности эксперта. Все высказанные идеи и оценки будут использоваться только в обобщенном виде. Итак, начнем.

1 блок (до 10 минут). О гражданской солидарности

1. Что Вы понимаете под гражданской солидарностью? Каковы её формы проявления? Каким образом гражданская солидарность формируется?
2. Какие факторы формирования гражданской солидарности Вы считаете наиболее существенными (геополитические, социально-экономические, политико-правовые и социокультурные)? Как они соотносятся между собой?
3. Какие установки, мотивы людей могут способствовать формированию гражданской солидарности?
4. По каким параметрам можно оценить состояние гражданской солидарности в Вашем регионе?

2. Гражданская солидарность как ресурс социально-политического взаимодействия локальных территорий

5. По Вашему мнению, как можно определить уровень гражданской солидарности на отдельно взятой территории? Какие критерии для этого можно и использовать?
6. Как Вы считаете, повлияли ли пандемия COVID-19 и специальная военная операция на Украине на формы проявления и механизмы формирования гражданской солидарности?
7. Может ли ресурсный потенциал лидерства быть использован для решения задач по консолидации различных групп населения? Можно ли говорить о солидарности отдельных групп населения? О солидарности молодежи? Какую роль в практиках солидарности играют молодежные лидеры?
8. Как вы считаете, как влияет чувство принадлежности к территории (локальная идентичность) на формирование гражданской солидарности?
9. Что может повлиять на уровень включенности жителей в различные формы гражданской активности (обретение нового опыта / получение новых навыков, желание помочь обществу / своему населенному пункту, стремление что-то изменить)? Имеет ли значение кто выступает организатором/координатором (степень родства, статус, имеющийся опыт)?
10. Что может служить препятствием для включения жителей в различные формы гражданского участия (низкий уровень доверия, слабая информированность, недостаточная поддержка государственных органов власти и органов местного самоуправления таких форм)?

3 блок (до 20 минут). О состоянии гражданской солидарности в регионе проживания эксперта

11. Каков уровень гражданской солидарности в Вашем регионе? Чем он, по-Вашему, отличается от других субъектов ЮФО? Поясните, пожалуйста, Вашу точку зрения.
12. Как Вы считаете, какие изменения можно ожидать в практиках взаимодействия региональных органов власти с людьми? Почему Вы так считаете?
13. Как вам кажется, существуют ли различия в уровне гражданской солидарности сельских территорий и малых городов Вашего региона? Какими факторами определяются эти различия?

14. Есть ли в Вашем регионе примеры, показывающие активную деятельность отдельных групп и сообществ (волонтерские организации, совет ветеранов, молодежные объединения, предпринимательское сообщество) по формированию гражданской солидарности? Сколько существует таких активных сообществ? Представленные сообщества объединяются под определенную акцию / мероприятие или на постоянной основе работают над решением проблем территории? Как данные сообщества взаимодействуют друг с другом (объединяются для достижения общих целей, конфликтуют из-за дефицита ресурсов, работают автономно)?

Заключение (до 3 минут)

15. И несколько заключительных вопросов. Какие проблемы формирования гражданской солидарности представляются Вам очень важными? Может быть, мы упустили какие-то важные вопросы?
16. Представьте, что у Вас есть практически неограниченные возможности повысить качество политического управления в Вашем регионе. Как бы Вы стали действовать? Предложите несколько важнейших шагов.

Благодарю Вас за помощь. Вы предоставили исключительно ценную информацию. С кем советуете еще побеседовать на эту тему? Подскажите, пожалуйста, контакты 2-3 экспертов по данной теме в Вашем регионе.

Благодарю Вас за помощь!

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Анкета онлайн-опроса

1. Ваше место жительства (населенный пункт, район): *(напишите)*

2. Ваш пол: *(1 вариант ответа)* 1. Мужчина 2. Женщина 3. Ваш возраст (полных лет):
(напишите) _____

4. Чем Вы занимаетесь в настоящее время? *(1 вариант ответа)*

1. Работаю 3. Временно безработный 5. Другое *(напишите)*
2. Учусь, совмещаю учебу и работу 4. Пенсионер

5. К какой сфере относится Ваша основная деятельность? (Если Вы только учитесь, то в какой сфере Вы получаете образование, если пенсионер – то в какой сфере работали?) *(1 вариант ответа)*

1. Промышленное производство (предприятие по производству, переработке, в том числе и сезонная работа и т.д.)
 2. Сельское хозяйство (в т.ч. государственное предприятие, акционерное, фермерское, частное хозяйство и пр.)
 3. Государственная и муниципальная служба
 4. Работа в структурах обеспечения безопасности (армия, полиция, ФСБ и др.)
 5. Здравоохранение, образование, наука, культура и т.д.
 6. IT (специалист в области компьютерной деятельности, сетевой администратор и др., в том числе удаленно)
 7. Народные и художественные промыслы, ремесла, хендмейд
 8. Другое *(напишите)*
-

6. Сколько лет Вы живете в этом населенном пункте (районе)? *(1 вариант ответа)*

1. Менее года 2. От 1 до 5 лет 3. От 5 до 10 лет 4. Более 10 лет 5.
С рождения

7. Как Вы считаете, жителей Вашего населенного пункта (района) объединяет что-то общее? Они представляют собой группу людей близких по духу, культуре и традициям? *(1 вариант ответа)*

1. Да, я считаю, что жители нашего населенного пункта (района) представляют собой единую группу людей близких по духу и традициям
 2. У жителей нашего населенного пункта (района) есть что-то общее, но говорить, что они представляют единую группу близких по духу и традициям людей я бы не стал(а)
 3. Нет, население нашего населенного пункта различается по традициям и культуре, люди разрозненны и не представляют собой единой группы
 4. Другое *(напишите)*
-

8. Как Вы считаете, что объединяет сейчас или может стать объединяющей основой для жителей Вашего населенного пункта (района), может сплотить их? *(1 вариант ответа в каждой строке)*

	1. Объединяет	2. Не объединяет
1. История Вашего населенного пункта (района)	1	2
2. Память о знаменитых людях, героях – уроженцах Вашего населенного пункта (района)	1	2
3. Официальные символы Вашего населенного пункта (района), которые все знают	1	2
4. Неофициальные символы Вашего населенного пункта (района), которые всем известны	1	2
5. Уникальные природные места на территории Вашего населенного пункта (района), которые важны для каждого жителя	1	2
6. Исторические и культурные объекты на территории Вашего населенного	1	2

пункта (района), которые всем известны		
7. Общие публичные пространства, на территории Вашего населенного пункта (района), где собираются вместе жители и проводят мероприятия, свободное время	1	2
8. Принадлежность большинства жителей Вашего населенного пункта (района) к определенной национальности, религиозной или социальной группе (например казачество и др.)	1	2

9. Что еще объединяет сейчас или может стать объединяющей основой для жителей Вашего населенного пункта (района), может сплотить их? (напишите)

10. Насколько лично для Вас важно такое единство с жителями Вашего населенного пункта? (1 вариант ответа)

1. Очень важно 2. Скорее важно 3. Скорее не важно 4. Совсем не важно

11. Какие позитивные изменения (что построено, что сделано) были в Вашем населенном пункте за последние 5 лет? (напишите)

12. Кто в этом сыграл главную роль? Чья это заслуга, кто способствовал этим изменениям, достижениям?

(1 вариант ответа в каждой строке)

	1. Сыграли главную роль	2. Способствовали помогли	3. Практически не принимали участия
1. Глава сельского поселения, глава района и другие представители органов государственной власти	1	2	3
2. Общественные активисты, неофициальные лидеры (в т.ч. священники, руководители национальных общин, казачества)	1	2	3
3. Представители местного бизнеса (предприниматели, фермеры, богатые жители)	1	2	3

13. Какой в целом уровень доверия населения к органам местной власти в Вашем сельском поселении и в Вашем районе? (1 ответ в каждом столбце)

	1. В поселении	2. В районе
1. Очень высокий	1	1
2. Скорее высокий	2	2
3. Скорее низкий	3	3
4. Очень низкий	4	4
5. Затрудняюсь ответить	5	5

14. А в какой степени Вы лично доверяете главе Вашего поселения и главе Вашего района? (1 ответ в каждом столбце)

	1. Главе поселения	2. Главе района
1. Полностью доверяю	1	1
2. Скорее доверяю	2	2
3. Скорее не доверяю	3	3
4. Не доверяю	4	4
5. Затрудняюсь ответить	5	5

15. Насколько в целом Вас устраивают условия жизни в Вашем населенном пункте? (1 вариант ответа)

1. Полностью устраивают 2. Скорее устраивают 3. Скорее не устраивают 4. Полностью не устраивают

16. Какими социальными сетями, мессенджерами Вы пользуетесь? (1 вариант ответа в каждой строке)

	1. Постоянно	2. Достаточно часто	3. Редко	4. Не пользуюсь
1. Telegram	1	2	3	4
2. ВКонтакте	1	2	3	4
3. WhatsApp	1	2	3	4
4. Одноклассники	1	2	3	4
5. YouTube	1	2	3	4
6. Rutube	1	2	3	4
7. TikTok	1	2	3	4

17. В какие сообщества, группы и каналы Вы включены в социальных сетях? (1 вариант ответа в каждой строке)

	1. Включен активно (обсуждаю)	2. Включен пассивно (только читаю)	3. Не включен
1. Группы по месту жительства (дом, квартал, район)	1	2	3
2. Родительские (школа, детсад, кружки и др.)	1	2	3
3. Земляческие группы и каналы	1	2	3
4. Национальные (этнические) группы и каналы	1	2	3
5. Религиозные группы	1	2	3
6. Группы и каналы по работе / учебе	1	2	3
7. Группы, каналы по поиску работы	1	2	3
8. Группы, каналы по увлечениям, отдыху и досугу	1	2	3
9. Группы, каналы органов власти, главы района или поселения	1	2	3

18. Есть ли в Вашем населенном пункте (районе) люди (блогеры), которые в социальных сетях активно освещают разные местные вопросы и проблемы? Кто из этих людей пользуется наибольшей популярностью и поддержкой у местных жителей? Кого Вы лично считаете наиболее популярным блогером Вашего района? (напишите)

19. Помогают ли социальные сети решать насущные вопросы в Вашем населенном пункте (районе)? (1 вариант ответа)

1. Да, помогают, причем очень эффективно
Затрудняюсь ответить
2. Скорее помогают
3. Практически не помогают
5.
4. Никак не помогают

20. Как Вы оцениваете уровень общественной солидарности (совместное взаимодействие в решении проблем, уровень сплоченности, уверенность в поддержке и др.) в Вашем населенном пункте (районе)? (1 вариант ответа)

1. Очень высокий
4. Очень низкий
2. Скорее высокий
3. Скорее не высокий

21. Как Вы считаете, повлияла современная социально-политическая обстановка в стране и в мире на уровень гражданской солидарности жителей Вашего сельского поселения? (1 вариант ответа)

1. Сплоченность и солидарность людей сильно выросла
2. Сплоченность и солидарность выросла, но не сильно
3. Сплоченность снизилась, выросла разобщенность между людьми

22. В каких формах гражданской активности Вы лично участвуете совместно с другими жителями? (1 вариант ответа в каждой строке)

	1. Участвовал	2. Не участвовал
1. Благоустройство населенного пункта	1	2
2. В работе местного самоуправления	1	2
3. Культурные мероприятия, просвещение, праздники	1	2
4. Сбор средств на благотворительные цели	1	2
5. Волонтерские мероприятия	1	2

6. Митинги, демонстрации, пикеты	1	2
----------------------------------	---	---

23. Что поможет мотивировать Вас на участие в формах гражданской активности Вашего населенного пункта? (1 вариант ответа в каждой строке)

	Мотивирует в значительной степени	Иногда мотивирует	Совсем не мотивирует
Желание помочь обществу / своему населенному пункту	1	2	3
Стремление что-то изменить	1	2	3
Обрести новый опыт / получить новые навыки	1	2	3
Самореализация	1	2	3
Возможность получить дополнительные ресурсы	1	2	3
Возможность обрести полезные знакомства	1	2	3
Участие родственников / знакомых / друзей	1	2	3
Страх осуждения от окружающих	1	2	3

24. Что ещё поможет мотивировать Вас на участие в формах гражданской активности Вашего населенного пункта?

(напишите)

25. Что может служить препятствием для участия Вас в формах гражданской активности Вашего населенного пункта? (1 вариант ответа в каждой строке)

	Значительный фактор	Нейтральный фактор	Незначительный фактор
Недостаток времени, чрезмерная занятость	1	2	3
Гражданский активизм не приносит доход	1	2	3
Такая деятельность не развивает полезные навыки / не приносит новых знаний	1	2	3
Нет уверенности в пользе такой деятельности для территории	1	2	3
Такая деятельность не дает возможности приобретения новых знакомств	1	2	3
Это не способствует решению собственных проблем	1	2	3
Низкий уровень доверия к тем, кто организывает формы гражданской активности	1	2	3
Недостаток времени, чрезмерная занятость	1	2	3
Слабая информированность о проводимых мероприятиях	1	2	3

26. Что еще может служить препятствием для участия Вас в формах гражданской активности Вашего населенного пункта? (напишите)

27. Общественные инициативы каких структур Вы готовы поддержать:

	1. Готов включаться на постоянной основе	2. Готов включаться единоразово	3. Не готов
ТОСы и лидеры общественных объединений	1	2	3
Органы местного самоуправления	1	2	3
Политические партии	1	2	3
Религиозные организации			3
Общественные активисты, неофициальные лидеры (в т.ч. священники, руководители национальных общин,	1	2	3

казачества)			
Представители местного бизнеса (предприниматели, фермеры, богатые жители)	1	2	3
Профсоюзы	1	2	3
Образовательные и культурные организации	1	2	3

В заключение ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов об удовлетворенности Вашей жизнью в настоящий момент

28. Почти во всем моя жизнь соответствует моему идеалу (1 вариант ответа)

1. Совершенно не согласен	4. Неопределенно	5. Немного
согласен		
2. Не согласен	(и согласен, и не согласен)	6.
Согласен		
3. Немного не согласен		7.
Совершенно согласен		

29. Условия моей жизни превосходные (1 вариант ответа)

1. Совершенно не согласен	4. Неопределенно	5. Немного
согласен		
2. Не согласен	(и согласен, и не согласен)	6.
Согласен		
3. Немного не согласен		7.
Совершенно согласен		

30. Я удовлетворен своей жизнью (1 вариант ответа)

1. Совершенно не согласен	4. Неопределенно	5. Немного
согласен		
2. Не согласен	(и согласен, и не согласен)	6.
Согласен		
3. Немного не согласен		7.
Совершенно согласен		

31. Пока я достигал в главном всего, чего хотел в жизни (1 вариант ответа)

1. Совершенно не согласен	4. Неопределенно	5. Немного
согласен		
2. Не согласен	(и согласен, и не согласен)	6.
Согласен		
3. Немного не согласен		7.
Совершенно согласен		

32. Если бы я мог прожить свою жизнь еще раз, я бы почти ничего в ней не изменил (1 вариант ответа)

1. Совершенно не согласен	4. Неопределенно	5. Немного
согласен		
2. Не согласен	(и согласен, и не согласен)	6.
Согласен		
3. Немного не согласен		7.
Совершенно согласен		

Благодарим Вас за участие в исследовании!